

САЛЛИ ЭВЕРС

ЗАЛЕС.
ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Annotation

Появившись однажды на лугу близ города Хорт, эта девушка не имела ни имени, ни памяти. Но ей повезло. Отчасти. Имя дал правящий Лорд, как и дом, а память дело десятое, наживное. Так она и жила, пользуясь чужим именем, и проживая не свою жизнь, до тех пор, пока одна случайность не изменила всё.

Мир в котором живет Наяда — обманка, ложь, полностью состоящая из декораций. Ей предстоит пройти через боль, обман, предательства, жизнь заставит совершить её ни один непростой выбор ради правды, ради ответов, ради тех, кто стал близок. Будучи обычной девушкой, она возьмет на себя бремя воина и докажет врагам, что ее сердце, дикое и свободное, никогда не покорится.

-
- [Салли Эверс](#)
 -
 - [1 Вопросы, на которые нет ответа](#)
 - [2 Над пропастью](#)
 - [3 Карнавал лжи и улыбок](#)
 - [4 На пороге Знатного Дома](#)
 - [5 День служанки](#)
 - [6 Слишком много тайн](#)
 -
 - [8 Девять лун](#)
 - [9 Как появились голоса](#)
 - [10 Весна — время затишья](#)
 - [11 Запись первая](#)
 - [12 Предупреждение](#)
 - [13 Сборы](#)
 - [14 Прощание](#)
 - [15 Побег](#)
 - [16 Беглецы](#)
 - [17 Запись вторая](#)
 - [18 Серебряная пена](#)

- [19 Выбор](#)
 - [Заключение](#)
-

Салли Эверс

Залес. Противостояние

Дом, мой ветхий дом,
Жди меня обратно,
Жди ты преданно, как пес,
И не пускай чужого.

Дом, мой славный дом,
Дождешься ли меня?
Уверяю, нет.
День, другой в темнице,
Скоротаю я,
А после ждет петля,
Вот ведь и беда.

Дом, мой милый дом,
Скажи огню и ветру,
Скажи реке и птицам,
Вернусь я скоро,
Станет домом мне земля.

О, друг мой верный,
Знай,
Идет лежать в сырой земле девица.

*Посвящаю любимому дедуле.
Ты был для меня самым храбрым воином.*

1 Вопросы, на которые нет ответа

Сначала появились звуки. Звонкие голоса птиц, шелест травы, раздражающее жужжание пчел. Все эти звуки доносились из приоткрытого окна, заставляя девушку поморщиться и закутаться в негреющее одеяло с головой.

Прошло уже четыре года с тех пор, как она впервые очнулась на лугу, недалеко от посевов, не зная об этом мире ничего. С тех пор многое переменилось, но момент пробуждения всякий раз казался ей настоящей пыткой. Бывало, она подолгу лежала в кровати с закрытыми глазами, думая о том, что, если однажды все повторится. Она снова проснется незнамо где без памяти о своей прошлой жизни. Ее привычное существование снова оборвется по непонятным причинам и начнется с чистого листа.

Нет, забытьё непозволительная роскошь. Именно это Наяда твердит себе все четыре года, удерживая в памяти каждый фрагмент своей жизни, каждую песчинку. Она старается смириться, но иногда ловит себя на мысли, что однажды она проснется не беспмятной девчушкой, вместо этого она откроет глаза и будет знать, что с ней произошло за пятнадцать первых лет жизни. Пробел восполнится и тогда она станет полноценным человеком.

Но этого не происходит. Четыре года она ждет хоть бы малейших проблесков, часами смотрит на ночные звезды и луну, надеясь, что они подскажут... Старается внимательно всматриваться в лица горожан, быть может утраченная память начнет возвращаться, если ей попадется кто-то, кого она знала в той, другой жизни.

Отмахиваясь от всех этих глупостей, о которых позволяет себе помечтать каждое утро, Наяда одним движением отбрасывает одеяло и встает с хлипкой кровати. Босыми ногами она нащупывает холодный деревянный пол и какое-то время сидит неподвижно, привыкая к прохладе. Открывая глаза, Наяда втайне даже от самой себя, ощущает страх. Пару мгновений она не видит ничего, черноту и слабую тяжесть в голове, но после зрение начинает возвращаться и все становится на свои места. Так происходит каждое утро. Почему? Никто не смог ответить ей на этот вопрос, а некоторые и вовсе посмеиваются над

странной девушкой, живущей на окраине города. Быть может, потому что она часто задает странные вопросы самым обыкновенным людям.

Она где-то слышала, что интриги — дело, сугубо отведенное для знати. Но Наяде кажется, что тот, кто это сказал, крупно ошибается. Зашел бы он как-нибудь в таверну на главной площади или посетил бы надуманный неким поводом городской праздник.

Праздники Наяда вообще считала карнавалом лжи. Горожане делают вид, что радуются, танцуют и веселятся в то время, как их дети мрут от голода и болезней, а посевы гибнут, солдаты зверствуют, а лорд смотрит на все сквозь пальцы. Определенно никому не весело. Никому в Залесе. И этот карнавал из притворства и лжи каждый раз нагоняет на Наяду грусть. Наверное, именно так она может описать то чувство, которое испытывает, но до конца все равно не уверена.

Наяда медленно встает, шлепая босыми ногами по полу и подходит к старому замызганному зеркалу, висящему на стене, оно опасно покачивается на ржавом гвозде и всякий раз угрожает рухнуть на пол и разбиться на сотни блестящих кусков, совсем как жизнь юной девушки.

— Я Наяда, слуга Лорда Ивьенто и его сыновей Дамира и Мардара. Мне девятнадцать лет, и я знаю, кто я, — эти слова девушка повторяет своему отражению каждое утро, словно мантру. — Я принадлежу Залесу и верна своему королю Сайвасу и его семье, — тише шепчет девушка, заставляя себя верить в произнесенные слова.

Из зеркала на нее смотрит незнакомая молодая девушка, она не улыбается, напротив, ее лицо напряженно. Темные волосы распущенны и мягкими волнами струятся по спине, немного растрёпанная после сна. Голубые глаза блестят и смотрят твердо. Она могла сойти за невинную овцу, чуть расширив глаза будто в удивлении и мило улыбаясь, но она этого не делала. Поэтому она чужая. Опасна для тех и других, хоть и не причинила до сих пор никому вреда.

Это короткое время около зеркала, Наяда позволяет себе быть настоящей. Она расправляет плечи гордо, чуть вздергивает аккуратный подбородок и поджимает нижнюю губу. Возможно она не так уж невинна, как сама думает. За ее плечами была другая жизнь, о которой она не помнит. И кем она в ней была, по всей видимости, большой секрет. Она не помнит многого, но помнит свое имя.

Отчасти ее это успокаивает, если она помнит имя, данное ей милостивым лордом, значит память не пропала. Значит, жизнь продолжается.

Она еще раз оглядела себя в зеркало, маленький шрам на ключице от ножа, след ее подростковой драки здесь в Хорте, и едва заметная татуировка за левым ухом, причудливое изображение маленькой змейки, свернувшейся в клубок и поджавшей хвост. Она вот-вот упадет, но изображение застыло и вряд ли когда-то оживет.

Наяда ласково поглаживает татуировку. Это единственное, что доказывает, она была рождена не в Залесе и не в Морвате, где подобные вещи под строжайшим запретом. Это знак ее прошлой жизни и когда-нибудь она обязательно узнает, что он значит.

Потянувшись во весь рост, девушка сладко постанывает, сбрасывая с себя остатки сна и не спеша бредет в ветхому комоду, достает слегка потрепанные брюки и белую блузку. Блузку натягивает через голову, позволяя ткани свободно прошелестеть по коже. Ткань немного жесткая, дешевая, но приятная.

Натягивая штаны на отощавшие бедра, Наяда понимает, что сильно похудела. Штаны она подшивала уже дважды и, видимо, третий раз не за горами. Чтобы подчеркнуть свою худобу, она подвязывает талию черной лентой.

Вообще-то ей уже достаточно давно не хватает денег на то, чтобы питаться вдоволь, но она старается не обращать на это внимания. Во всем есть свои плюсы, на худощавую девчонку с окраины никто не обращает особого внимания, она не интересуется ни мужчин, ни женщин, поэтому ей нечего опасаться, живя одной около леса.

Может быть она ничего не помнит о своей прошлой жизни, но она не глупа. Она умеет читать, хоть и скрывает это, знает язык морватцев и холодная сталь, попадая в ее руку будто оживает. Но обо всем этом девушка упорно молчит, стараясь не привлекать к себе недружелюбные взгляды. Первое, что она поняла, получив имя у лорда Ивьенто, в Залесе не безопасно. Нигде не безопасно. Хочешь выжить, не навлекая на себя беды — молчи и кланяйся господам, когда они проезжают мимо на благородных конях, сверкая роскошными драгоценностями и белозубыми улыбками.

Наяда выскочила из хижины, служившей ей домом и убежищем, помчалась по тропинке, уводящей в город. Ей нравилось бегать,

ощущать жар собственного тела, чувствовать, как нехотя, будто со скрипом растягиваются мышцы и слышать ровное дыхание. Она могла бы добежать до Морвата, будь границы королевств открыты. Могла бы добежать до края света!

Улыбаясь, девушка оглянулась на свой дом, оставшийся далеко позади и закружилась, подставляя лицо теплым лучам солнца. Ее не пугала изнурительная работа на полях, тяжелый труд не смог за четыре года сломить ее и сделать угрюмой, как других горожан. Где-то в душе она осталась ребенком, радующимся всему, что видит вокруг.

Девушка притормозила у бурной реки, окунув в воду руки. Холод обжег ей кожу, но Наяда будто и не заметила этого. Она быстро умылась, прополоскала рот и дальше пошла пешком, стараясь не пританцовывать и ни в коем случае не переходить на бег.

В Хорте, городе недалеко от столицы Залеса законы достаточно жестоки, особенно к женщинам. Смирение, послушание и робость. Первые три слова, которые Наяде вбили в голову после пробуждения.

Она мысленно загибала пальцы, повторяя:

«Глаза опущены в пол».

«Не заговаривай с людьми в форме без разрешения».

«Двигайся плавно, не делай резких движений, если не хочешь остаться без головы».

«Если говоришь, твой голос должен быть тихим и выражать смирение».

«Не смей возражать и оговариваться, глупая девчонка, иначе можешь лишиться языка».

«Запомни, твои колени нужны тебе только для того, чтобы выказывать преданность своему господину».

Правила, не такие уж и сложные, но вызывающие бурю возражений, каждый раз, когда она о них задумывается.

Наяда огляделась по сторонам, замедляя шаг. Город только-только начал просыпаться, многие еще позволяют себе нежиться в теплых или не очень кроватях. Те, кто победнее и статусом ниже, уже на ногах, отправляются в поля, открывают лавки на площади, тяжелой поступью бредут на ферму, некоторые, кому выпала большая честь, бодро шагают в сторону казарм, к слову, готовятся к новому, изматывающему дню.

Быть солдатом в Залесе почетно, не каждому проходимцу выпадает такая честь. Хорошее жалование, на которое возможно прокормить небольшую семью и форма, вызывающая трепет и уважение.

Наяда смотрит на солдат с толикой зависти. Они могут не опускать голову, идти гордо и не бояться смотреть людям в глаза. Стражи спокойствия в городе и оружие, отправляемое на войну с Морватом. Если повезет, то на границе с соседним королевством не побываешь и тогда всего лишь через десять лет ты ветеран, отпущенный в отставку. Ветеран, не бывавший на настоящей войне.

Городские солдаты больше похожи на стайку озлобленных псов, у них нет настоящей военной выправки, всего лишь сборище юнцов, возомнивших о себе слишком многое. Но держатся они строго, спины прямые настолько, что позвоночник грозит осыпаться в штаны от перенапряжения, носы с лихвой задраны, указывая на их почетное положение в обществе.

Наяда, как и положено, опускает голову, рассматривая носки своих потрепанных сапог и прошмыгивает мимо, стараясь держаться подальше от стайки хранителей спокойствия.

Она движется мимо кузни, обходит небольшую конюшню и незаметно покидает город, направляясь к полям. Мощенную дорогу сменяет грязь протоптанной сотнями ног тропы.

Весь урожай собрали еще на прошлой неделе, дело осталось за малым, запастись сеном для скотины. Казалось бы,... Но на деле это сложнее сбора урожая или посева. Тяжелые тюки с травой приходится таскать на своих плечах достаточно далеко до большого амбара. Весь процесс занимает ни один день и сильно изматывает.

Девушка тяжело вздохнула, принимаясь за свою работу. К концу смены у нее снова будет нестерпимо болеть спина, руки загрубеют и покроются коркой вонючей грязи. Но она не позволяла себе думать о плохом.

«Я слуга лорда и короля...»

Ровно четыре года назад в жаркое летнее утро она очнулась на лугу совершенно голая, прикрытая лишь высокой зеленой травой. Тогда тоже сначала возникли звуки. Их разом оказалось слишком много, в голове непривычно загудело. Открыв глаза, девушка увидела

небо и яркий свет. Она крепко зажмурилась, прижимая руки к груди и пролежала так еще достаточно долго, чтобы замерзнуть, не взирая на жару.

Поднявшись с земли, она огляделась, вокруг уже было не так ярко и глаза не слепило. Разнообразие звуков, запахов и цветов пугало ее. Девушка тяжело задышала и заскулила в голос.

«Кто я?»

Это был первый и самый пугающий вопрос, возникший у нее в голове. Вскоре список вопросов неумолимо возрос, но ни на один она не знала ответа.

Так она и простояла вплоть до сумерек, роняя на землю соленые слезы. Никто за ней не пришел. Девчушка даже не знала, должны ли за ней прийти. Но она ждала, дрожа всем телом то ли от страха, то ли от холода. Она обняла себя руками, стараясь представить чьи-то любящие объятия и попыталась не думать о том, насколько одинока маленькая фигурка на летнем лугу.

К вечеру она села в траву, обхватив колени руками и стала смотреть куда-то вдаль. Кто она или что? Откуда взялась? Почему именно этот проклятый луг? И вообще здесь это где? Вопросов становилось все больше, и бедняжка совсем отчаялась, когда вдали послышался грохот.

Она почувствовала, как дрожит земля и вгляделась в поднятое облако пыли вдалеке, земля вокруг тревожно завибрировала, подбрасывая легкие маленькие камушки немного вверх.

Всадники.

Четверо человек двигались невероятно слаженно. Двое впереди, двое позади. Девушка смотрела на них с открытым ртом. Она успела обрадоваться. За ней пришли! Ее не бросили! Сейчас ей все объяснят и успокоят.

Она радовалась до тех пор, пока все четверо не проехали мимо нее, едва взглянув в ее сторону.

Что-то в ее душе резко оборвалось. Девушке показалось, что весь мир ее предал и бросил, она никому не нужна. Она сжалась еще сильнее, обливаясь слезами.

Один из всадников отделился от остальных и двинулся к девушке, с трудом найдя ее в траве, он спрыгнул с коня, не потрудившись его придержать и присел перед незнакомкой.

Оба какое-то время смотрели друг на друга. Он изучающе, она с надеждой. Остальные всадники тоже вернулись, но спешиваться не торопились.

Лорд улыбнулся девчужке, погладив ее по голове. Этот такой простой жест мигом привел ее в чувства, разбередив что-то странное в душе.

— Откуда ты здесь взялась? — С недоумением спросил Ивьенто, стараясь не сильно разглядывать обнаженное тело девушки.

Она всхлипнула в ответ и шмыгнула носом, готовая снова разразиться рыданием.

— Я не знаю, — жалко промямлила девушка.

— Как тебя зовут?

— Не знаю.

Лорд выглядит удивленным, но всего мгновение, потом его взгляд делается до невозможности колючим.

— Тебя подослали? Говори!

— Я..я...не знаю.

Девушка срыгается и закрывает лицо ладонями, чтобы скрыть горячие слезы. Она не понимает, в чем виновата и почему всадник злится. Но теперь ей стало еще хуже.

Второй всадник тоже спешивается и подходит ближе. Он снимает с себя черный камзол и накидывает на плечи девушки.

— В Морвате не настолько обезумели, чтобы подкидывать в наши города детей, — строго констатирует он. — Она нуждается в помощи, — заключает всадник.

И этот нравится девушке намного больше первого. Его взгляд совсем не злой, лишь чуточку серьезный, к тому же он дал ей одежду. Она теплая и приятная на ощупь.

— Меня зовут Дамир. Ты знаешь, кто я?

Девушка отрицательно качает головой и опускает взгляд.

— Ты помнишь, как очутилась здесь?

— Я проснулась утром.

— Проснулась здесь? — Он тоже удивляется и его лицо становится почти забавным.

— Нищенки не наша забота, пусть с ней в городе разбираются, — рычит лорд и встает.

— Она не похожа на нищенку или шпионку. В любом случае, не оставлять же ее здесь.

Девушка переводит взгляд с одного всадника на другого и вздрагивает, когда Дамир поднимает ее на ноги и ведет к коню. Он принял решение и лорду нечем возразить.

Наяда хорошо помнила тот день. Лорд не особо радовался ее появлению в его доме. Но смирился с выбором наследника и позволил ему одеть и накормить девушку. После чего последовала долгая ночь бесконечных вопросов. Ее посадили у камина на ковре, где собралось все светлейшее семейство, разглядывая девушку, словно диковинную зверушку. Они продолжали расспрашивать ее, откуда она, кто, как здесь оказалась.

Ни на один вопрос она, конечно же, ответить не смогла. И ближе к утру все они сдались, вызнать у нее хоть что-то.

Девушка разглядывала обитателей шикарного особняка так же, как и они ее. Это был первый и последний раз, когда ей позволили так себя вести. Смотреть в глаза господам равноценно виселице.

Но в тот вечер Наяда смотрела на красивую элегантную женщину, сидящую в центре и на молодого мужчину. Оба не представились, поэтому она не знала, кто они. Слуги или семья?

Ей хотелось протянуть женщине руку или обнять ее. От нее исходило тепло, название которого девушка не знала, но оно окутывало, словно теплое одеяло, нежно глядя по голове.

Молодой мужчина смотрел на нее с нескрываемой враждебностью, его колючий взгляд был тяжелым, он не говорил, но создавалось ощущение, что загоняет бедняжку в угол с помощью своих темных глазищ. Скрестив руки на груди, он смотрел на девушку сверху, даже свысока, так, будто она кусок грязи, попавший на сапог.

Позже, прожив в доме лорда почти неделю в отведенной ей скромной комнате, Наяда узнала обо всех обитателях дома необходимую информацию. Женщина, которая так ей понравилась — это жена лорда, леди Эдиона, а оба мужчин его сыновья. Старший — наследник, а потому пользуется особым уважением. Младший Мардар, — вот тут было сложнее. Дамир как-то пытался ей объяснить о недуге брата, но Наяда до конца так и не поняла.

Единственное, что было важно — от него надо держаться подальше. И она старалась это выполнять, пока жила в семье лорда.

Когда Мардар показывался из-за угла, она пряталась или попросту убегала в свою комнату. Позже леди Эдиона обучила девушку на свой манер. Она рассказала ей о правилах, научила как себя нужно вести. Несмотря на некоторое пренебрежение, она была по-своему добра к Наяде и хотя бы пыталась отвечать на нескончаемый поток вопросов.

«Почему вы называли меня Наядой?»

«Почему господин Мардар болен?»

«Почему нельзя читать книги?»

«Почему нельзя смотреть на господ?»

«Что со мной будет?»

«Что такое Залес?»

«А что такое война?»

Леди Эдиона по мере своих возможностей отвечала на каждый вопрос и даже не злилась.

Но вскоре настало время уходить. Лорд нашел для Наяды место в городе, отдал ей старую заброшенную хижину на окраине, договорился с фермером о работе для нее, но девушка так и не поняла, почему ей нельзя остаться. Ведь здесь уже привычно и почти не страшно. Она немного привыкла к младшему господину и почти не шарахалась от него по углам, какой-никакой, а прогресс.

Когда Дамир ее увозил, она не плакала, но перед отъездом цеплялась за юбку леди Эдионы, надеясь, что она разрешит остаться, но удостоилась только быстрых объятий от женщины.

И вот ее снова отправили в неизвестность.

Впервые увидев гудящий город, Наяда прижалась к наследнику и широко раскрыла глаза от страха. Так много людей. Как же она сможет выжить здесь? Ее бросят совсем одну. Опять. Неужели господин Дамир был так добр к ней только для того, чтобы бросить посреди ада?

Бросили, но не совсем. Ее оставили на попечение старого вояки. Он иногда заходил, проверить как у девушки идут дела и жива ли она вообще. Бывало, он приносил что-то вкусное.

Он же помог ей восстановить хижину и довести ее до жилого состояния. Он тоже был добр и многому ее научил. Иногда старый солдат оставался в ее хижине до глубокой ночи и сидя в темноте позволял ей задавать вопросы. Он отвечал честно, насколько мог, а

когда вопросы заканчивались, почти ласково трепал девчушку по волосам и укладывал ее спать, сам же незаметно уходил.

Из его рассказов Наяда узнала, что такое война и почему это слово она так часто слышит от горожан. Робин, так ей представился вояка, рассказал, что война — это страшно. Это смерть и голод, кровь вперемешку с грязью и страх. Война между Залесом и Морватом длится уже ни один десяток лет. Некогда жившие в дружеских отношениях королевства, разделили границы и высылают на этот фронт солдат.

Робин сказал, что война началась с убийства, стараясь тем самым как бы подтвердить, что война — это всегда смерть. Она начинается со смерти, ею же и заканчивается.

Но тихонько произнося это слово в темноте, Наяда не чувствовала страха, ее ощущения были другими. И она предпочла о них умолчать.

Робин рассказывал ей о далеких городах, о столице, в которой сам побывал лишь однажды, когда его отправляли на войну, ему посчастливилось мельком увидеть короля. Наяда всегда слушала его с упоением, черпая все те знания, что он мог ей дать.

Так длилось почти год, пока солдат не умер, снова оставив Наяду одну. К тому времени она уже достаточно знала о мире, в котором очутилась, о королевстве, которому принесла клятву верности и о людях, которые ее окружали.

Но одиночество все еще кружило над ней, иногда загоня в самый темный угол. В Хорте у нее не было друзей и со временем они не появились, Наяда так и осталась чужой.

Она сама похоронила Робина в лесу не далеко от своей хижны. Никто не захотел с ним проститься, старый ветеран был не интересен городу. В ту ночь Наяда поняла, что они оба были бесконечно одиноки и потому цеплялись друг за друга как за спасательный круг. Он видел в девушке дочь, которой у него никогда не было, а она пыталась привыкнуть к нему и называть отцом. Это всегда забавило доброго солдата. Возможно, он был единственным, кто любил ее, кто готов был разделить с ней одиночество.

Она долго стояла у его могилы и рыдала, громко в голос, не сдерживая себя. Пока Робин был рядом, она не осознавала, как он ей дорог. Теперь же ей было больно и обидно.

На следующее утро, она пришла в его простенький дом и собрала все вещи, которые могли бы ей пригодиться. Как ни странно, у вояки обнаружилось и оружие, которое по правилам запрещено держать в городе, если ты не действующий солдат или охотник.

Много времени на то, чтобы решиться впервые преступить закон, не потребовалось. Наяда завернула до блеска начищенный меч в кусок ткани и положила к остальным вещам, кинжал спрятала в голенище сапога. Если кто-то найдет все это добро в ее доме, ее ждет виселица.

«Смерть».

Девушка попробовала на вкус это слово, пытаясь найти в душе отголосок страха, но не испытала ровным счетом ничего.

Она забрала еще несколько побрякушек, которые напоминали ей о Робине и его старую военную форму, на воротнике виднелось засохшее пятно крови.

Но все это не принесло ей облегчения.

Через несколько дней лорд поручил наследнику встретиться с Наядой и передать ей небольшое вознаграждение, вроде как за умершего приемного отца. Больше всего на свете девушке хотелось швырнуть мешочек со звонкими монетами в лицо наследнику и плюнуть ему под ноги.

Робин сражался за них, он был верен своему долгу перед королевством, а лорд и не подумал утруждать себя его похоронами.

Она протянула дрожащую руку и приняла монеты, медленно, будто во сне опускаясь на колени.

«Запомни, твои колени нужны тебе только для того, чтобы выказывать преданность своему господину».

— Ваша милость не знает границ, господин Дамир, — она сама себя ненавидела за эти слова.

Ненавидела все свое существо, позволившее ей мирно оплакивать смерть Робина и принять подачку лорда, ненавидела этот город и всех его жителей. Она ненавидела Залес за свою боль.

Но никто и никогда об этом не узнает. Наяда хорошо знала правила и не позволяла себе поднимать головы. Свой гнев она держала взаперти, не позволяя ему выходить наружу.

— Я Наяда, слуга Лорда Ивьенто и его сыновей Дамира и Мардара. Я принадлежу Залесу и верна своему королю Сайвасу и его

семье, — в сотый раз за день повторила себе девушка, разгибая натруженную спину.

Многие ушли на обед, собравшись небольшими стайками возле тени деревьев. У Наяды еды не было, как и денег, на которые можно обеспечить себе обед. Она посмотрела на компанию своих ровесников, жадно поглощающих хлеб с сыром и запивая все свежей водой, сглотнула голодную слюну и направилась в город. На сегодня ее каторга закончена, потому что ей позволили учиться. Оставшуюся часть дня она проведет в душном здании, больше напоминающее тюрьму, под строгим взглядом местного учителя, господина Кортера. Наяда прекрасно знала, что он ее недолюбливает и всякий раз старается поставить в неудобное положение перед остальными. Но это мелочи, ведь ей одной из немногих, кому повезло иметь хоть какое-то образование. Это привилегия богатых семей и знатных. Обычным городским детям запрещают даже читать. Им и не нужно. Единственная их забота, поесть, да поспать в тепле. Ей же господин Дамир любезно предоставил возможность немного выделяться из сброда неграмотных фермеров и слуг. Правда, Наяда не совсем понимала, зачем. Еще живя в доме лорда, его семейство выяснило, странная девушка прекрасно читает и говорит на двух языках, пишет достаточно грамотно и перо в руке держит уверенно.

Но она уже не ребенок и ее не учат читать и писать. Ей рассказывают старую историю и военную историю Залеса, заставляют заучивать карты и манеры. Конечно же учат манерам, ведь для богатых семей это так же важно, как уметь падать на колени для черни. Из всего чему ее учили, Наяда хорошо запомнила только, как держать вилку, не гнуть спину и улыбаться. Она сомневалась, что ей может пригодиться что-то сверх этого.

Учеников из зажиточных семей Хорты так же учили врачеванию. Многие уже умели аккуратно зашивать раны, накладывать самодельные шины на переломы и кучу-кучу всего очень нужного, несомненно. Из этих уроков девушка выносила для себя немного другую выгоду. Она запоминала, куда надо бить, чтобы сломить противника, куда целиться кинжалом, где проходят жизненно важные зоны, попав в которые, легче всего убить врага, если не оказать быструю помощь, конечно же. Но по части помощи она была негодной

ученицей. Господин Кортер постоянно злился на нее и называл никчемной.

Может он и прав.

Наяда не торопясь шла обратно в город, пиная попадавшие под ноги камешки. В фонтане на площади в центре города, она отмыла руки от грязи и травы, умылась и немного передохнула. В воде она видела свое уставшее отражение. Глаза чуть припухлые, под ними залегли тени, губы искривлены в недовольстве. После полей у нее не оставалось сил на учебу.

Девушка постаралась принять скучающий вид и осматривала лотки с едой. Торговцы — всегда улыбаются, наверное, потому что еды у них вдоволь. Наяда почавкала, глядя на отборный кусок свиного мяса и отвернулась. Она уже больше двух лет не ела мяса, но не могла забыть его вкус. Если повезет, она сможет наворовать себе моркови и картофеля из амбара на ужин, а в лесу нарвать диких яблок и ягод для чая. Если останутся силы к вечеру.

Она встряхнула головой и огляделась. Скверное предчувствие заставило ее вскочить на ноги и шире раскрыть глаза. Из таверны не спеша вывалился господин Мардар, стараясь удерживать свой недюжий вес на плече девушки, больше похожей на тростинку. Попытавшись держаться на ногах самостоятельно, он чуть не рухнул ничком на землю. И рухнул бы, если б не проворные руки тростинки.

Еще лишь полдень, а безумный господин уже пьян. Отвратительное зрелище, благо наследник не он. Наяда поморщилась и укрылась в тени столетнего дуба рядом с фонтаном. Она хорошо помнила, что выродка Иьенто надо остерегаться. Ей часто доводилось слышать истории о нем от горожан. Ни одна из услышанных историй не заканчивалась хорошо для черни.

Мардар старательно плелся по дороге, опираясь на ту же тростинку и громко выкрикивал проклятия.

Наяда прислушалась.

— Эти голоса! Эти чертовы голоса сведут меня в могилу!

Она прищурилась, внимательнее разглядывая младшего господина и чуть вылезла из-за дерева.

На одно мгновение их взгляды встретились, Наяда подавила вскрик и шмыгнула обратно за дерево, прижавшись к нему спиной, она скатилась на землю и поджала колени к груди. Она приложила руку к

бешено бьющемуся сердцу, плотнее сжала зубы. Ей стало стыдно за свой страх.

Снова набравшись смелости, она выглянула из своего укрытия и обнаружила, что тростинка уводит безумца в другую сторону. Так то лучше.

Наяда отряхнулась, пальцами расчесала волосы и пригладила их, в попытках выглядеть опрятнее.

Входя в двухэтажное здание школы, Наяда готовилась к очередным упрекам и насмешкам, она ссутулила плечи и опустила голову. В конце концов, как она могла учиться, если ей в руки за четыре года не дали ни одной книги! Даже самой маленькой. Может стоило бы при возможности пожаловаться на это господину Дамиру. Если он позволил ей учиться, пусть позволит и читать, иначе какой с этого прок?

— Добрый день, господин Кортер, — Наяда поклонилась учителю, но недостаточно низко, зная, что он и не взглянет в ее сторону.

Тот что-то неразборчиво буркнул в ответ и отвернулся к окну.

Наяда устроилась на своем месте в конце комнаты у стены, стараясь не обращать внимания на знатных любимцев города так же, как на нее не обращает внимания Кортер.

Главное не заснуть.

Уж это господин Кортер непременно заметит, причем во всеуслышание.

Когда все собрались, учитель любезно указал на огромную карту на стене, предлагая собравшимся вспомнить всех важных людей сначала их королевства, а потом их главных врагов из Морвата по мере значимости.

Король Сайвос, конечно же, это имя ученики проговорили хором, прижав левую руку к сердцу.

За ним последовали королева Арабелла, наследный принц и главнокомандующий королевской армией Айдер, принцессы Виндикта и Сабира. Главные члены королевского совета Десмот, Эльдамир, Хавильен и Фармин. Родной брат короля лорд Эстебан.

Дальше кто мог припомнить, стали перечислять правящих лордов из больших городов Залеса. Лорд Иньенто из Хорта, лорд Ариш из Лонгдаара, лорд Эсвейр из Дасмарка, лорд Верлиан из Беона и лорд

Иладариан из Криана. Двух оставшихся лордов вспомнить никто не смог, а назвать членов их семей и подавно.

— Что ж, — господин Кортер осмотрел своих учеников и тяжело вздохнул. — Сложно говорить о врагах, когда вы не знаете тех, кто вами правит. Лорд Гидеон из Доара и лорд Ридесар из Тейлора. Оба молодых управленца пока не имеют наследников. Доар — ближайший к нам крупный город, поставляющий в столицу оружие. Это важно. Доар снабжает нашу армию, а потому лорд Гидеон имеет особое положение при дворе.

Наяда боялась повернуть голову и увидеть в глазах учеников отблески откровенной тупости. Для них другие города не значили ровным счетом ничего, ведь они никогда их не увидят. Поэтому не столь важно, кто поставляет оружие для армии или драгоценные камни для двора.

— А что поставляет для дворца наш город? — Господин Кортер нахмурился, выискивая в толпе жертву.

Наяда внутренне сжалась, зная кому придется отвечать. Ее имя из уст учителя всегда без исключения звучит как оскорбление.

— Лес, господин Кортер, мы поставляет в столицу дрова и...

— И? По-твоему, Хорт годится только для растопки?

— Нет. Конечно же нет. В обширных лесах Хорта изобилует красное дерево, а в горах за городом добывают мрамор.

— Мрамор, Наяда, Хорт поставляет в столицу мрамор. Это не так сложно запомнить.

— Да, господин учитель.

— Предположим, девушка с окраины города промямлила все верно, тогда чем занимаются другие города, кто знает?

Наяда сжала кулаки и отказалась садиться, она вздернула голову и выставила вперед подбородок.

— Из Тейлора во дворец едет одежда, ведь в Тейлоре обучают лучших портных, они изготавливают для всего королевства предметы роскоши и мебель. А Дасмарк поставляет продовольствие, у них большая территория, весьма плодородная в отличие от нашей. Лонгдаар это алмазные рудники и драгоценности, а Криан — шахты с камнем и углем, так же они добывают железную руду и золото. В Беоне выращивают породистых лошадей и боевых для военных офицеров, в качестве трофеев, к сожалению, ведь почетные офицеры

нос на поле брани не сунут. В Хорте помимо добычи мрамора и поставок древесины, так же производят бумагу и занимаются охотой. Мне кажется, я ответила верно, господин Кортер.

Девушка набрала в грудь побольше воздуха, единственным желанием было уйти отсюда и больше не возвращаться.

— А мне кажется, я не давал тебе слово. Ты как всегда умудрилась проявить свою невоспитанность и несдержанность, Наяда. Будь добра, вернись на свое место и помолчи, — отрезал Кортер, нацепив на лицо маску равнодушия.

Она не стала спорить, зная о бесполезности. Забившись в угол, девушка отстранилась от всего, что ее окружает, не слушая больше ни учителя, ни учеников.

— Выказав отсутствие воспитания, Наяда заикнулась об охоте. Интересно узнать, что вы знаете об этом.

Наяда знала об этом ремесле очень хорошо. С первых дней жизни в Хорте она мечтала стать охотницей, тогда бы ей позволялось держать при себе оружие и редко бывать в черте города. Ей бы не понадобилась скучная учеба в классе и работа в полях. Но и тут ее ждала неудача, гильдия охотников просто отказалась брать под свое крыло чужую девчонку.

Каждый день она спрашивала себя, какое ей дело до имен правящих особ и их семейств. Гораздо важнее знать, что король Сайвос последнее десятилетие заставляет города ту же затянуть пояса, война истощает весь Залес и вскоре люди задохнутся не от войны, а от нехватки ресурсов. Наяда знала имена всех важных деятелей Залеса, но понятия не имела, как Хорт протянет еще одну зиму, амбар со съестными запасами наполовину пуст, охотники стараются компенсировать это дичью, но их попытка выглядит жалкой, ведь мясо себе позволить могут только богатые, бедняки будут довольствоваться, по всей видимости, воздухом и благодатью короля Сайвоса.

Под конец дня у Наяды совсем не осталось сил, но из школы она выпорхнула так, будто за спиной у нее отрасли драконьи крылья. Возвращаясь домой, она не забыла посетить плохо охраняемый амбар и стащить себе скудный ужин. Проходя через реку, она заметила тучную тень на берегу и от неожиданности выронила морковку,

которую уже начала грызть, очистив от грязи рукавом. Тихо выругавшись, девушка замерла, присматриваясь к тени.

Она заставила себя медленно опуститься, чтобы поднять с земли упавший ужин, не сводя взгляда с силуэта.

Силуэт между тем перевалился и уселся у реки поудобнее, изысканно бранясь.

Слишком изысканно.

Наяда подобралась ближе, пытаясь со спины определить незваного гостя.

— Ненавижу...ненавижу...

Девушка снова замерла, подавляя желание развернуться и уйти. Ей не хотелось заиметь проблемы, особенно с господским вырожденком. Вместо этого, она настороженно подошла к мужчине, присев рядом с ним.

— Господин Мардар?

Раньше сын лорда не забредал к реке, тут ему было слишком скучно, не выпивки, ни людей, над которыми можно поизмываться.

Наяда нарушила сразу несколько правил, заглянув младшему господину в глаза и взяв его за руку. Он дернулся как от удара и сжал зубы, от этого на его лице сильнее обычного выступили точенные скулы. Но смутило девушку не это, а глаза господина.

— Вы чего-то боитесь?

— Голоса, — будто раненный зверь прошипел Мардар, закатывая глаза.

— Здесь только я, господин.

Наяда сильнее прижала к груди украденные продукты одной рукой, второй она крепче сжала ладонь господина. Его глаза с каждой секундой становились все безумнее, побуждая девушку бросить его одного и убежать домой. Но отчего-то ей не хотелось удирать сломя голову. Она смотрела на молодого мужчину, изъеденного неизвестной болезнью, и ощущала грусть.

Девушка провела рукой по волосам Мардара, убирая растрепанные черные пряди с лица. Она ощутила на лбу господина холодный пот. Не смотря на жару он дрожал. И выглядело это достаточно забавно. Ростом Мардар был головы на две выше Наяды и крупнее нее раза в четыре, но жался к ее руке словно ребенок-переросток.

— Здесь никого нет, господин, — снова повторила девушка, усаживаясь поудобнее.

— Голоса, они отвратительны, — прохрипел господин.

— Не слушайте их, — Наяда пожала плечами. — Смотрите на луну или водную гладь, успокойте дыхание, ощутив в воздухе раннюю свежесть, присущую осени.

Она снова взяла его за руку, в любой момент готовая убежать.

— Здесь им вас не достать.

Мардар надолго закрыл глаза, откинув голову назад. Он явно боролся с тем, чего Наяда не могла увидеть или услышать, его глазные яблоки нервно подрагивали, а губы шевелились, будто он тихо шептался с кем-то.

Так продолжалось достаточно долго, и девушка старалась не терять бдительности. Младший сын лорда славился непредсказуемостью.

Когда Мардар наконец открыл глаза и взглянул на девушку, она с облегчением выдохнула.

— Спасибо.

Эта была первая благодарность в ее жизни, Наяда не смогла сдержать улыбку. Ненадолго господин сделался нормальным и сейчас его можно не опасаться. Такие проблески были весьма редкими, об этом знал весь Хорт. Наяда втайне радовалась, что ей посчастливилось не напороться на безумца в момент агрессивного приступа.

— Уже поздно, господин, вас наверняка ждут дома. Я могу вас проводить, если позволите.

Наяда надеялась встретить в поместье лорда Дамира, доброго и улыбчивого. Люди его любят и радуются его появлению в городе, как весеннему солнцу. Ей господин Дамир тоже очень нравился.

Мардар тихо засмеялся, не выпуская руку девушки.

— Ты?

Наяда пожала плечами, потихоньку высвобождая руку.

— Я знаю короткую дорогу и привыкла к темноте.

— Ты это украла? — Он указал на две большие картофелины и две средние морковки.

— Одолжила, господин, фермер в курсе, — не моргнув соврала девушка.

— Я безумец, а не тупица. А ты воровка, — рыкнул он, поднимаясь.

Наяда поджала губы от обиды и тоже встала. Сегодня она нарушила много правил и не будет хуже, если она нарушит еще одно. Вырвав свою руку из хватки Мардара, она толкнула его в плечо и посмотрела ему в глаза. Будь здесь леди Эдиона, ее хватил бы удар.

— Сначала попробуйте пожить так как я, а потом судите.

2 Над пропастью

Наяда не могла отвести взгляд от своей ладони, зажатой в руке Мардара и поверить в происходящее. Сын лорда тянул девушку за собой в сторону ее дома, совсем не пренебрегая прикосновением к ней. Ей пришлось поспевать за широким шагом господина, но это не самое страшное, ведь он мог запросто предать ее городскому суду за воровство и... Девушка не знала, как обозвать свое отвратное поведение перед господином, но наверняка, наказание за это гораздо серьезнее, чем за кражу пару картофелин.

Все же достаточно просто. Наяда мысленно загибала пальцы:

«Не смотреть в глаза! — Один».

«Не заговаривать без разрешения. — Два».

«Не прикасаться к господину. — Три».

«И самое главное: ни при каких обстоятельствах не пытаться ударить благородных господ». Об этом вслух никем и никогда не говорилось, потому как настолько простые истины и так всем понятны.

Она умудрилась нарушить все правила и даже не по одному разу всего лишь за четверть часа. По пути Наяда успела тысячу раз пожалеть о содеянном, но просить пощады не пыталась. Если Мардар хоть бы в половину настолько безумен, как о нем говорят, то просить пощады у безумца так же бесполезно, как просить голодный желудок замолчать.

Девушка попыталась высвободить руку не в силах больше бежать за младшим господином, но он только сильнее сжал ее ладонь и ускорил шаг.

Когда они добрались до хижины, единственным желанием Наяды было упасть на пороге и немножко отдохнуть, а потом пусть казнят, если так уж сильно надо.

Мардар затормозил на импровизированном крыльце, впервые за все время взглянув на девушку.

— Ты живешь здесь?

Наяда осторожно кивнула.

— Одна?

Снова молчаливое соглашение.

Может если молчать и соглашаться, он просто потеряет к ней интерес и уйдет?

Мардар пропустил девушку вперед и подтолкнул ее в спину к двери.

— Знаете, вообще-то я очень благодарна лорду и королю за позволение...

— Заходи, — отрезал господин, почесав подбородок.

Наяда сглотнула ком в горле и опрометью юркнула в свое скромное жилище, Мардар вошел следом. Он по-хозяйски нашел старую оплывшую свечу и поджег ее от очага в центре одной единственной комнаты.

Наяда поспешила скрыться в тени на всякий случай.

Сын лорда застыл около свечи и долго смотрел перед собой, о чем-то думая, он хмурился и это заставляло девушку сильнее вжаться в стену. Если бы она могла, то слилась бы с тенью.

От взгляда Мардара не укрылось ничто. Постепенно он осмотрел каждый угол, даже потрогал ее постельное белье и нахмурился еще сильнее, брови у него на переносице почти сошлись друг с другом. Он подошел к очагу и пошевелил кочергой тлевшие поленья, оживляя слабый огонек. Провел рукой по грубому столу, за которым как предполагалось девушка ела, если было что. Больше всего его заинтересовали сухие травы, подвешенные на ржавых гвоздях на стене. Потом он вернулся к двери, привалившись к дверному косяку и простоял так еще какое-то время, обводя комнату взглядом.

— Тебе не платят за работу в полях?

Молчание.

— Когда я обращаюсь к тебе, будь так любезна отвечать.

Не выходя из своего укрытия, Наяда попыталась объяснить, сама понимая, как жалко это выглядит.

— Сейчас я работаю только половину дня, поэтому платят гораздо меньше. Едва хватает на налоги и одежду, но...

— Почему только половину?

— Господин Дамир позволил мне учиться в школе, — девушка подавилась, решив, что сейчас Мардар поднимет ее на смех.

Но он не засмеялся и не улыбнулся. Он сложил руки на груди и чуть наклонил голову набок, выискивая в тени девушку.

— Ты тоже меня боишься?

Наяда предпочла не отвечать на этот вопрос.

Мардар тяжело вздохнул, усмехнулся, вспоминая, как девушка вела себя у реки. Она говорила с ним совершенно...нормально. Под ее нежным голосом гул голосов в его сознании стал утихать и вскоре совсем прекратился. Ему редко удавалось избавиться от недуга надолго, но в этот раз он чувствовал себя намного лучше. А сейчас она жмет к стене и смотрит на него как на дьявола воплоти.

Он достал из кармана брюк две золотые монеты и положил их на подоконник. Уходя, он закрыл за собой дверь.

В ночи Мардару всегда сложнее совладать с голосами. Они набрасывались все разом, шептали или откровенно верещали. Он не мог разобрать слов, не мог отогнать их. В конце концов невидимая борьба за собственный разум настолько изматывала его, что он напивался, а после падал без чувств. Каким образом он оказывался в поместье, Мардар не помнил, да и не хотел помнить.

Сейчас он бодро шагал по протоптанной траве и ощущал себя хозяином своего тела и разума, голоса отступили и пока не спешили возвращаться.

Мардар полной грудью вдохнул свежий ночной воздух и улыбнулся, он намеренно шел до поместья долгой дорогой, наслаждаясь этой ночью.

Ночь и в самом деле выдалась прекрасная. Знойное лето медленно перетекало в осень, холода еще не пришли, но воздух перестал быть душным и тошнотворным.

На городской площади Мардар присел на каменный борт фонтана, смотря на звездное небо. Впервые за долгое время он мог насладиться звездами, ища в них известные созвездия. Но вместо этого мужчина раскрыл ладонь и стал разглядывать причудливую заколку для волос. Он считал, что своровать у воровки это не воровство. К тому же, девушка явно не пользовалась этой вещичкой.

— Господин Мардар! Я так долго искала вас. Лорд Ивьенто очень волнуется, давно пора вернуться.

Мардар нехотя поднял взгляд на девушку, впервые не желая ее придушить. Надоедливая нянька, приставленная к нему отцом. Она

прожила в поместье уже около полугода, а он до сих пор о ней ничего не знает.

— Как тебя зовут?

— Элишка, господин, я ваша служанка. — Девушка казалась удивленной, но лишь самую малость. Она присела перед господином, стараясь выдавить из себя заботливую улыбку.

— Я знаю, кто ты, — тяжело вздохнул Мардар, поднимаясь. — Идем домой.

Он ощущал почти обреченность, что придется идти в поместье вместе с Элишкой. Она изо всех сил старалась быть полезной и выполнять все приказания лорда, но от этого становилась занозой в заднице. Толку от нее было меньше, чем предполагалось. Вместо успокоения и подобия хоть какого-то равновесия, она только злила господина.

Наяда выдохнула с облегчением, когда безумец ушел из ее жилища. Первым порывом было, запереть дверь на засов и заложить окно дровами. Поборов этот порыв, Наяда подошла к окну, чтобы увидеть удаляющуюся фигуру. Мардар ни разу не оглянулся, но тревожное ощущение ее не покидало.

Девушка гадала, когда за ней явятся солдаты, в ночи или к утру. Понимая, что натворила, она все равно не испытывала такого страха как рядом с Мардаром.

К утру ее скорее всего казнят или кинут в городскую тюрьму, но Наяда думала о двух золотых монетах, оставленных господином. Стоит ли этот жест рассматривать как угрозу? Этих денег могло бы хватить ей на всю зиму, возможно осталось бы немного на начало весны. Но какой с них прок, если скоро ее арестуют.

Так или иначе, но умирать на голодный желудок девушка не собиралась. Ополоснув добытые овощи в тазу с речной водой, она поставила небольшой котелок над очагом, залила его чистой водой и стала нарезать в посудину морковь и картофель ее тайным оружием, забранным из дома Робина. Несмотря на время и ужасное использование в домашних целях, кинжал все еще не утратил остроты.

Это еще один предмет, за который ее станут судить. После ареста ее дом обязательно обыщут и найдут меч, кинжал, две золотые

монеты. Монеты сочтут ворованными. За воровство скорее всего ей присудят плетть у позорного столба, а за оружие смертный приговор.

Поужинав, Наяда закуталась в плед и вышла на улицу, сначала она подумывала бежать в леса, но к концу скудного ужина передумала. Она не умеет выживать в лесу и не продержится в диких места одна долго.

Она стала подумывать о том, чтобы попробовать вымолить прощение у господина Дамира. Но ноги несли ее в совсем противоположную сторону. Наяда сама не заметила, как оказалась около могилы Робина.

— Зря ты оставил меня одну. У меня совсем не получается привыкнуть к этому месту, — грустно заметила девушка. — Если бы ты был рядом, все было бы намного проще.

Она уселась в изножье могилы, скрестив ноги.

— С тобой я бы не наделала столько глупостей, правда?

Наяда печально улыбнулась, вспоминая, как Робин бранил ее за проступки. Он, бывало, грозил девушке розгами, однажды взялся за прут, сорванный с дерева и гонял ее вокруг хижины, но ни разу не ударил. А после драки с городскими мальчишками, она пришла к нему с повинной, ожидая, что в этот раз ей уж точно перепадет, но вместо этого Робин всю ночь просидел с ней в обнимку около очага. Тогда он сказал, что она должна быть сильной и не давать себя в обиду.

Сейчас Наяда тоже пыталась быть сильной и не заплакать на могиле единственного человека, для которого она что-то значила.

— Моим последним желанием будет упокоиться здесь, рядом с тобой, — она погладила маленький холмик, поросший травой.

Бросив последний взгляд на могилу, девушка поплелась обратно.

Дома она сразу же рухнула на кровать и быстро уснула беспокойным сном.

Утром первым делом Наяда повторила привычный ритуал и уже через двадцать минут сидела около наполовину потухшего очага и ждала солдат. Ждать пришлось долго. Видимо Мардар решил поиздеваться над ней напоследок, ожидание самая отвратительная пытка.

Она бы ждала и дальше, но работа ждать ее не будет, и остаться без тех крох, что ей платят за сбор урожая и сбор сена на зимовку,

равносильно голодной смерти. Однако есть две золотые монеты, которые помогли бы ей продержаться какое-то время.

И все же это не повод терять работу, другую в ее положении будет найти крайне сложно.

Наяда остановила поток мучающих ее мыслей и собралась на работу, перед выходом из дома, она спрятала монеты в тайник под половицей, где прятала и отцовский меч.

Как забавно, раньше ей с трудом удавалось назвать Робина отцом, теперь же иначе она о нем и не думала.

Проходя мимо реки, за четыре года Наяда так и не узнала, как называется ее холодная ванная по совместительству с колодцем, она внимательно осмотрела берега с обеих сторон, выдохнув с облегчением. Мардара нигде нет, как и солдат. Это уже хорошо.

Она привычно умылась, побрызгала ледяной водой на открытую шею и чуть смочила густые локоны цвета темного дерева. Уходить от дома дальше ей не хотелось, но и деваться некуда.

Тяжело вздохнув, девушка свернула на дорогу, ведущую в город, мысленно подсчитывая, в какой момент ее все-таки арестуют. Интересно, будет ли начальник городской тюрьмы Нионин к ней снисходителен. Ожидая ареста, Наяда хотела рассчитывать хоть бы на хорошую клетку, а не валяться дни и ночи на прогнившей подстилке из сена и мочиться в заплесневевший угол камеры.

Нионин когда-то был хорошим другом Робина, и девушка надеялась, что тюремный король вспомнит об этом, когда придет время.

Пересекая площадь, Наяда пару секунд пооблизывалась на лоток с мясом, принадлежавший Дусу. Ранним утром, пока торговец разделывал свежее мясо, на площади торговала его жена Талри.

Наяда поморщилась, увидев сварливую женщину. Все в Хорте знают, сварливость не главный козырь Талри. Тучная сплетница, каких мало, скандальная, но при этом настолько энергичная, что это ей в пору разделывать туши для продажи, а не ее хилому муженьку. Непонятно, как он сам себя еще не зарезал массивным тесаком размером с голень Талри.

Их единственному сыну Кхеврену удалось унаследовать характер матери и тело отца, убойное сочетание. Именно с ним она подралась, когда была еще подростком. Об этом событии напоминал маленький

шрам на ключице. Если бы не сын лесника Вулхи, она бы отделала Кхеврена как надо, но гигант, особенно по детским меркам, мальчик Вулхи растащил обоих за шиворот до того, как Наяда успела свернуть мерзавцу шею.

По площади лениво прогуливались слуги из домов Алых и Лавандовых, отстраненно разглядывая товары на лотках. Наяда поджала губы, чтобы не вырвался презрительный смешок. Будучи слугами Знатных Домов, обычные слуги вели себя почти так же горделиво, как и их хозяева.

Всего в Хорте пять Знатных Домов. В Залесе принято называть Дома цветами, временами года, растениями или стихиями. Здесь, в Хорте это цвета. Дом Алых, Дом Белых, Дом Зеленых, Дом Лиловых и Дом Лавандовых. Один богаче другого. Самые уважаемые в городе это Дом Алых. Наяда всего пару раз видела самих представителей Дома и каждый день мучилась от пытки лицезреть их отпрысков в школе. Старшая из детей господина Дэггета и госпожи Крилансы, леди Муриетта, напоминала Наяде мраморную статую с неживыми огромным глазищами, обрамленными черными густыми ресницами. Больше она о старшей наследнице ничего знала, на уроках та сидела молча и даже господин Кортер не смел отвлекать ее от важных дум на занятиях. В городе отпрысков Алых просто так не увидишь, только на больших праздниках. До школы их довозили в карете. Слишком знатная семья, а главное, Наяда так и не поняла, почему.

Покачав головой, девушка двинулась дальше, по привычке низко опуская голову перед казармой. На мгновение она замерла, прислушиваясь к разговорам солдат, но поняв, что о ее аресте ничего не слышно, постаралась быстрее пересечь город.

Ненадолго девушка задержалась около кузни, помахав Трагмалу и Эрарту рукой в знак приветствия. Кузнец и его младший сын в ответ тепло улыбнулись, не отрываясь от своей работы.

Миновав высокую городскую стену, девушка сошла с широкой дороги и двинулась в поля, стараясь выше поднимать ноги, чтобы не пачкать штаны травой. Перед ней, шагах в десяти весело щебетали дети торговцев фруктами, шутя между собой только им понятными рассказками. Для них эта подработка повод отвлечься от городских будний и заработать немного медяков на собственные расходы. Для Наяды этот тяжелый изнурительный труд — способ выживания.

Наверное, поэтому Эбета и Босмая сторонились девушку, смотрящую им вслед каждое утро.

Обернувшись на едва различимый шорох, Наяда едва не подскочила от испуга.

— Не тормози, — прорычал Огвайн, младший брат Вулхи, отодвигая девушку в сторону.

Такой же огромный, как брат и такой же тупой, хотя мальчишке не так много лет, у него есть шанс начать отличаться от брата. Наяда покачала головой, невольно оглядываясь на поместье лорда, стоящее чуть за городом и обнесенное собственной стеной, словно маленькая крепость. Четыре года назад девчушка без имени по ошибке подумала, что здесь ее с радостью примут, поместье лорда станет ее домом. Та девочка была слишком наивной и позволяла себе мечтать. Многие успели перемениться, но одно осталось неизменным, каждый раз, глядя на поместье, Наяда думала о Дамире, о его широкой доброй улыбке, о статной фигуре и нежных руках.

Наяда встряхнула головой, запрещая себе снова превращаться в мечтательную дурочку. Если бы кто-то в городе узнал, как она на самом деле относится к наследнику лорда, не сносить ей головы.

Забирая у фермера Лоуита вилы, Наяда надеялась, что этот день пройдет быстро и незаметно. Она еще не начала собирать траву, а руки уже нещадно болели при каждом прикосновении от лопнувших мозолей. В конце смены ей придется оттирать в фонтане не только грязь, но и кровь.

— Ты сегодня какая-то задумчивая, — Лоуит положил ей руку на плечо, — не выспалась?

«А разве должна была?» — чуть не прокричала в ответ девушка.

— Руки стерла, — вместо этого посетовала Наяда, принимаясь за работу.

Лоуит один из немногих, кто относился к ней достаточно терпимо. Во-первых, он смотрел сквозь пальцы, прекрасно зная, что Наяда подворовывает у него овощи. Во-вторых, он искренне считал, что она хорошая партия для одного из его сыновей. В этом их мнения расходились.

Наяда не могла долго смотреть на долговязого Томми без кривляний, а добрый, но туповатый Шутнос вызывал у нее не более, чем умиление. Жена фермера скончалась при третьих родах, унеся с

собой жизнь не родившегося младенца два года назад и Лоуит считал, что в их доме непременно нужна хозяйка, сам он жениться не планировал, якобы все еще скучал по бедной Генне. Но на деле свою скуку он нес в таверну под пологом ночи и уединялся с дочерьми Омура, держателя таверны. Все об этом знали и всем было глубоко все равно. К тому же, Кэтта и Брида обсуживали не только фермера, но и каждого, у кого найдется лишний медяк.

Жена Омура, Утага-большезада, сама воспитала дочерей так, чтобы иметь дополнительную прибыль с таверны за счет собственных детей. Повезло только самой младшей, Элишке. Но это как посмотреть. Постояльцев таверны обслуживать ей не пришлось, зато Утага не побрезговала продать дочь в няньки безумному господину, что, наверняка еще хуже.

Через несколько часов работы Наяда готова была заскулить в голос от боли в руках. Когда Лоуит подошел к ней с кувшином чистой прохладной воды, ей хотелось заколоть его вилами. Платя ей один медяк за рабочую смену, фермер считает, что оказывает девушке большую услугу, а поднеся один раз водицы, надеется заарканить ее для одного из своих отпрысков.

— Вы очень добры, спасибо. — Дрожащими руками Наяда приняла кувшин и принялась жадно пить, не обращая внимания, что пачкает хорошую посуду своей дешевой неблагородной кровью.

— Знаешь, Томми не отказался бы от помощницы.

Мне бы кто помог.

Наяда попыталась выдавить улыбку, возвращаясь к работе. Возможно, большинство ее проблем сошлись на нет, если бы она подыграла Лоуиту и побежала к его сынку. Ей бы не пришлось выживать, горбатиться в полях и может быть ходить в школу и каждый день видеть богатых и самовлюбленных детей Знатных Домов. Но плодиться как свинья и сдохнуть от бесчисленных родов, не входило в ее жизненные планы.

Спускаясь с крыльца двухэтажного дома, Томми радостно помахал девушке рукой, привлекая ее внимание. Наяда отметила, что в его широкой улыбке не хватает двух зубов, а ведь парню всего двадцать с небольшим. Печальное зрелище.

Наяда гордилась тем, что к девятнадцати годам не потеряла ни одного зуба ни в болезни, ни в драке, напротив, ее улыбка была достаточно привлекательной, насколько она могла сама судить. Зубы ровные, почти идеально белые, не смотря на пагубный образ жизни. На лице нет шрамов и рытвин, как у большинства бедняков, в волосах пока еще не проявилась седина. И это еще один пункт, почему ее быстро невзлюбили в Хорте. Она отличалась от всех его представителей, настолько сильно, как день и ночь отличаются друг от друга.

Наяде вдруг вспомнилось пару строк из песни, которую сочинил местный бард Фолвик.

*День прекрасен сиянием,
Солнце жалит огнем,
Ночь придет неспешно,
Сменяя неплем огонь.*

Девушка достаточно громко пропела причудливую песню барда, зная, что никто ее не услышит. Лоуит давно ушел помогать до дочерей торговца, а все остальные были от нее достаточно далеко.

*День дарит тепло,
Светом озаряя чела,
Ночь пригвоздит льдом,
Возглавляя мрак.*

Ей нравилось петь, слышать, как собственный голос льется, подобно спокойной реке, в которой она умывалась каждое утро. Когда удавалось не упасть в конце дня в спячку, Наяда выскальзывала из хижины и шла в таверну, чтобы послушать песни Фолвика. Их легко запомнить, бард не особо трудился над сложностью своих произведений.

— Тьма, что так бела, И свет, что чёрен...

— Неплохо.

Наяда выронила вилы и подпрыгнула на месте. Второй раз за день ей грозила остановка сердца. Она приготовилась развернуться и вlepить Томми пощечину, нечего к ней так подкрадываться.

Обернувшись, девушка сглотнула приготовленные ругательства и грузно упала на колени. Она не заметила, как остальные работники

побросали свои дела и давно преклоняют натруженные ноги перед господином.

— Ночью ты не спешила падать ниц, — Мардар сложил руки на груди, изображая скуку.

— Простите меня господин, мое поведение ужасно и...

— И не простительно, но я не злюсь.

Привычка господ перебивать на полуслове бесила девушку. Ее речь всегда была плавной, тягучей, она не спешила высказать все и сразу, растягивая слова, но видимо, придется рано или поздно научиться, чтоб иметь возможность договаривать до конца.

Наяда сильнее опустила голову, почти касаясь подбородком груди. Если Мардар ждал лучшего момента, чтобы поквитаться с ней, то он его нашел. Уставшая, буквально измотанная работой, со стертыми в кровь руками и отбитыми коленями, она не станет сопротивляться.

— Красивая песня. Ты ее придумала?

— Нет, господин, песни сочиняет бард Фолвик.

— А ты, стало быть, их исполняешь.

— Нет, господин, просто...

Мардар захохотал, открыто и громко, никого не смущаясь. Наяду от этого смеха пробрало холодом до самых костей.

Господин поправил волосы и протянул девушке руку, улыбаясь. Наяда мельком взглянула на пустую ладонь и не понимая пожала плечами. Зачем подавать руку, если не собираешься что-то дать?

Она уже почти носом уткнулась в пустую ладонь, пытаясь понять, что господин пытается ей предложить, когда Мардар потерял терпение и поднял ее на ноги, перехватив под подмышки.

— Я не стану тебя наказывать. Пока.

Пытаясь подсчитать, стоит ли снова валиться на колени в благодарность или остаться стоять, девушка не заметила, как стала рассматривать господина. Строгое лицо с высокими скулами, волевой крепкий подбородок, не слишком тонкие губы прекрасно сочетаются с достаточно широкими линиями рта, губы слегка искривлены усмешкой. Яркие зеленые глаза, смотрящие на нее с изучающим интересом, густые брови с чуть приподнятыми уголками и прямой длинный нос. Мардара можно было бы назвать красивым, если б не злая усмешка и искорка безумия во взгляде. С братом они слишком разные, добродушная привлекательность Дамира не идет ни в какое

сравнение с злобной красотой Мардара. Даже цвет волос различал братьев на доброе и злое. Светловолосый, даже почти рыжеватый Дамир и черный, как ворон, безумец младший брат.

Спохватившись, она быстро опустила взгляд и сцепила руки за спиной.

Мардар усмехнулся, забавляясь.

— Если скажешь, как ты это сделала.

— Сделала что, господин? — Она захлопала ресницами, припоминая, что еще могла натворить сверх того, что уже умудрилась.

— Отогнала голоса, — сухо заключил Мардар, повторив стойку девушки.

— Господин, как радостно видеть вас! — Наяда впервые обрадовалась появлению Томми.

Она выдохнула с облегчением, когда интерес господина перешел на отпрыска фермера.

— Солнце в это время жарит нещадно, позвольте предложить вам устроиться на веранде или в беседке? Шутнос подаст вам лучшее из наших вин!

— Нет, — отрезал господин, теряя интерес к беззубому. — Я уже ухожу.

Остаток рабочей смены Наяда провела в относительном спокойствии. Жжение в руках грозило сделать безумной и ее, солнце в самом деле не щадило, напекло ее темную макушку и иссушило загрубевшую кожу на руках.

Когда пришло время, сложить вилы и отправиться в школу, девушка валилась с ног и тайком мечтала об аресте, чтобы избавиться от работы на пару дней. Если повезет с хорошей камерой, то такое положение дел можно будет назвать отпуском.

На обратном пути Наяда наткнулась на Вилмета, начальника стражи, прошмыгнула мимо него как стайка желтоголовых королек, быстро, незаметно и бесшумно.

По дороге в школу ей встретились только парочка охотников наперевес с добычей и Рейда, юркая рыжеволосая девочка, дочь владельцев небольшого магазинчика Лавка Мелочей. Девочка будто создана для солнечной погоды, яркие веснушки на ее милом личике

тому подтверждение. Она весело порхала по улице, играя с шифоновым платком.

Наяда немного завидовала ее беззаботности и веселости. Наверное, такими могут быть только дети.

В остальном улицы пустовали, все, кто мог старались поспрятаться по домам от последнего испепеляющего солнца в этом году.

У фонтана девушка задержалась дольше обычного, промывая руки не только от грязи, но и от крови и остатков стертой кожи. Она давно привыкла к саднящей боли, но сейчас едва сдерживала ругательства и стоны.

Не удивительно, что Мардар безумен, этот город и ее начинал сводить с ума.

Какое удовольствием было бы, если б можно было собрать свои жалкие пожитки, пересечь стену и отправиться на поиски лучшей жизни, лучшего города, который примет ее. Но просто так гулять между городами и думать, где лучше осесть, в Залесе нельзя.

Если есть лишние серебряные монеты, то конечно можно. Но тех, кто от рождения и до смерти существует на одном и том же клочке земли, легче контролировать. Поэтому в Залесе часто случается так, что где родился, там и пригибаешься, пока от тебя есть толк. Если уж вдруг толк пропал, то милости просим в список непокорных.

Еще одно жестокое решение короля Сайвоса, которого Наяда не понимала. Список непокорных представлял из себя что-то вроде буклета из имен тех, кого Его Величество желает привезти в столицу и кинуть на арену для собственного развлечения и на потеху столичным.

Наяда слышала в таверне рассказы об этой арене. По слухам, бои там не прекращаются ни днем, ни ночью. Со всего Залеса свозят «непокорных» оголодавших, отощавших и стравливают друг с другом. В своей речи семь лет назад, король Сайвос сказал, что арена — это особая казнь для тех, кто не ценит жизнь в Залесе. Но Наяда считала это простым извращением жестокого алчного мерзавца.

Но....

«Я Наяда, слуга Лорда Ивьенто и его сыновей Дамира и Мардара. Я принадлежу Залесу и верна своему королю Сайвасу и его семье.»

На входе в школу, девушка посторонилась, пропуская вперед целую вереницу из наследниц Дома Лавандовых.

Ализ, старшая дочь, шла впереди, смотря перед собой и вела за руку самую младшую Эгилину, которой едва стукнуло шесть лет. Обе волочили за собой длинные подола дорогуших платьев, чуть приподнимая их свободной рукой. За ними следовали близняшки Хора и Морана, похожие как две капли воды внешне и разные как лед и пламя характером. Тихая, по-своему скромная Морана сильно блекла на фоне взрывной Хоры, особенно на занятиях.

Процессию девушек замыкала Кессиди, самая младшая из старших дочерей Лавандовых, пятнадцатилетняя девчушка, бледная тень своих родителей.

Все дети из Дома Лавандовых уродились как на подбор, стройные высокие, светловолосые. Наяда не сразу научилась их различать.

Пропустив девушек, которые с легкостью не заметили ее присутствия, Наяда прошмыгнула внутрь, радуясь прохладе в здании. За Лавандовыми она дошла до класса, устроилась на ставшее уже привычным, место у стены и обмякла на стуле.

Постепенно класс заполнился благородными особами из всех Знатных Домов.

Перед Наядой возвышались затылки Нита и Эвара из Дома Зеленых, их брат Феррант решил сегодня сидеть рядом с Мораной, все-таки они больше года обручены. Наследник Дома Белых Хагдол и его сестра устроились рядом с чадами Алых Аргоилом и Рирмит, Муриетта села отдельно ото всех, не причисляя себя ни к кому.

Только у Дома Лиловых пока еще не завелось детей. Семнадцатилетняя леди Эванлин, вышедшая замуж за Хеуда двумя месяцами ранее, сама еще не окончила обучение. Она села рядом с Кессидой, единственной подругой.

Наяда отметила, что леди Эванлин выглядит слишком грустной для девушки только-только обретшей семейное счастье. Ее взгляд говорил сам за себя, она не мечтала оказаться женой в Доме тридцатидевятилетнего Хеуда.

Наяда не совсем знала, как заключаются браки в Знатных Домах, но до того, как увидела подавленную и сломленную леди Эванлину, полагала, что у господ есть выбор. По всей видимости, она ошиблась.

И все же, Хеуд пусть и не молод, но он хотя бы не беззубый Томми. Наяда видела его однажды на празднике в честь осеннего равноденствия. Он показался девушке сдержанным и холодным, но уж

точно не противным дуралеем, как Томми. К тому же, выглядел тогда Хеуд достаточно молодо для своих лет, седина на его волосах только-только начала проявляться.

— Сегодня я хочу рассказать вам историю Красных Теней, — подал голос господин Кортер. — Эта история знаменует новый горизонт для Залеса. Кто-нибудь из вас знает, о чем я хочу поведать?

Наяда знала о Красных Тенях, но голоса не подала. Тех крох, что она урвала из разговоров пьяных горожан, вряд ли хватит на полноценный ответ, который порадует Кортера.

— Убийцы Его Величества короля Сайвоса, — впервые подала голос Муриетта.

Господин Кортер чуть склонился перед леди и продолжил.

— Совершенно верно замечено, леди Муриетта. Красные Тени с детства обучены убивать по приказу короля. Это не преступники, они появляются среди людей открыто, повязывая на голову красный платок и закрывая им половину лица. Их подлинная личность доступна только Его Величеству. Но чем они особенны?

— Наравне с солдатами они сражаются за наше королевство на фронте! — Гордо пробубнил Эвар со своего места, так, будто он сам входил в состав Теней.

— Верно. Но сражаются они не открыто. Их посылают за линию фронта в Морват. Появление такого отряда перетянуло вес войны на сторону Залеса. Поэтому Теней в столице принимают очень тепло. Им не приходится платить в тавернах, например. Любой торговец с радостью бесплатно отдаст им любой товар.

С радостью, как же! Наяда хмыкнула, не успев вовремя опомниться.

— Я сказал что-то смешное, Наяда?

— Нет, господин Кортер. Простите.

— Тогда будь так любезна, сиди тихо, другого прока от тебя я не ожидаю.

С центра класса послышались тихие смешки. Отлично, она снова попала в неловкое положение, но отчего-то ей не было до этого дела. Если Знатные Дома искренне верят в благородность Теней, то это их проблемы.

Наяда слышала от солдат, что Тени Его Величества настолько безжалостны, что перед их возвращением в Вонт таверны

закрываются, торговцы стараются успеть сбыть свой товар быстрее обычного и убраться подальше.

Какое-то время Наяда честно старалась слушать учителя и запоминать, но в конце концов усталость взяла свое, она задремала и очнулась только, когда кто-то с силой затряс ее за плечо.

Открыв глаза, девушка увидела над собой Эвара.

— Вставай, отличница, занятия закончились.

Она быстро пришла в себя, подобравшись. Пару раз встряхнула головой, чтобы отогнать сон и поднялась. К тому времени класс опустел, остались только Эвар и Нит, разговаривающие о чем-то с господином Кортером.

Наяда помассировала затекший затылок и пошла прочь, ни с кем не прощаясь. Еще один день прошел.

По пути домой, она свернула в лес, чтобы поискать диких яблок на ужин. Живот еще до школы начал подавать сигналы о своем бедственном положении, а теперь и вовсе рычал как медведь.

На ощупь, стараясь не напороться глазом на ветку, Наяда пробиралась в глубь леса по памяти. Так близко к городу живности особой не водилось, иногда вдалеке проскакивала напуганная лисица с маленькой добычей в зубах и сразу же скрывалась в листве.

Наяда знала место в гуще хортовского леса с россыпью невысоких деревьев, плодоносящих кислыми некрупными яблоками. Если повезет, то не все еще сгнили и удастся собрать пару штук на ужин.

Пробившись сквозь темноту и опасные ветки к знакомому месту, она принялась рыскать по земле рядом с яблонями, перебирая гнилые и битые плоды. Пригодные для пищи, девушка складывала в подогнутый на манер сумки низ кофты, придерживая ткань руками, чтобы яблоки не рассыпались обратно на землю.

Со стороны глухих непроходимым зарослей слышались шорохи, кто-то бежал, ломая под собой сухие прутья.

Помня рассказы охотников о том, что дичь так близко к городу не подбирается, Наяда притаилась за яблоней, вглядываясь в темноту.

Из зарослей выскочила леди Эванлин, пару секунд она переводила дыхание и двинулась дальше. Наяда успела разглядеть распахнутые в ужасе глаза и изодранное в клочья богатое платье, в котором девушка

была в школе. Теперь оно походило на лохмотья, к которым привыкли бедняки.

Правильные черты лица леди Эванлин исказил первобытный, почти животный страх, рот открыт в беззвучном крике, на который, видимо, не хватает сил, на скуле длинный кровоточащий порез. Первым порывом Наяды было выйти из укрытия и кинуться на помощь. Но что-то удерживало ее на месте, заставляя внимательнее вглядываться в ночь.

Какого черта леди из Знатного Дома забыла ночью в лесу, да еще и одна? И от кого она спасается бегством? Инстинкт не подвел девушку, вскоре она увидела Хеуда, осторожно следующего по следам жены.

Наяда прикрыла рот рукой, чтобы не пискнуть от удивления. Ее мозг отчаянно пытался найти объяснение происходящему.

Хеуд медленно поднял руку перед собой, нашептывая что-то. Его ладонь озарилась бледно-голубыми искрами, густой комок из искр быстро перерос в шар и взметнулся с руки господина вперед.

Ночную тишину прорезал звонкий крик леди Эванлин.

Наяда тоже закричала, не до конца понимая, от страха или от прилива адреналина в крови, и выскочила из своего укрытия, накидываясь на Хеуда.

Она не могла понять, что происходит, но отчаянный, полный боли и страдания крик леди заставил ее двигаться. Наяда попыталась опрокинуть господина Хеуда на землю, толкнув его обеими руками в грудь.

Хеуд оказался быстрее, он успел перехватить девушку за горло, отодвигая от себя, чтобы она не могла дотянуться до него и приподнял ее над землей.

Ощущая, как ноги отрываются от земли, Наяда не смогла ощутить страх, хоть и очень пыталась. Господин из Знатного Дома мог запросто ее убить и ничего ему за это не будет. Но единственное, что заботило девушку, руки господина, утратившие свои искры.

Она барахталась в его хватке и рычала, пока не услышала холодный голос Хеуда.

— Забудь о том, что видела, девчонка. Забудь, как страшный сон, если хочешь жить.

С этими словами господин разжал руку, и Наяда повалилась на землю, громко кашляя.

Хеуд давно ушел, Наяда слышала его затихающие шаги, а она продолжала жаться к земле, пытаясь переварить увиденное. Она не сможет последовать совету господина, не сможет забыть увиденное этой ночью, даже если это грозит ей смертью.

Искры, слетающие с руки Хеуда это не просто факт насилия над супругой, это нечто большее, что-то чего девушка пока не могла объяснить.

Постепенно придя в себя, она собрала растерянные яблоки и поплелась домой, все еще не веря до конца во все, что произошло.

3 Карнавал лжи и улыбок

Наяда сладко потянулась, высовывая нос из-под одеяла и закряхтела. Она не любила холода, но обожала спокойное зимнее время. Ее каторга в полях на время закончена, до весны руки успеют зажить, но главное, теперь она могла позволить себе поспать подольше и не стонать всякий раз, разгибая спину.

Совсем без работы провести всю зиму она не сможет, придется искать себе место служанкой. В прошлом году ее согласились нанять охотники, следить за их трехэтажным каменным домом. Всю зиму она провела, не выходя из их дома. Готовила на всех членов гильдии, стирала, мыла, убирала. К концу зимы она устала еще больше, чем в полях. Зато неплохо отогрелась и отъелась.

Сегодня в городе намечен очередной праздник. Наяда устала запоминать, по какому поводу лорд сгоняет людей на площадь, но если порассуждать логически, в первый день зимы может быть либо День Ветров, либо свержение величайшего из великих с трона, что невозможно, как считают многие. Да правит король Сайвос вечно!

Девушка бодро встала с кровати, полноценно ощутив жгучий холод в хижине и юркнула обратно под одеяло, дрожа всем телом.

Она повторила попытку, кутаясь в одеяло, дошлепала босыми ногами до очага, разворошила угли, подкинула пару свежих поленьев и подставила к очагу руки. Нужда в работе в каком-нибудь теплом доме стала значительно острее.

Прошло три месяца с тех пор, как ей не посчастливилось наблюдать в лесу нечто странное между Хеудом и Эванлин. С той ночи кое-что изменилось. Леди Эванлин перестала посещать школу и появляться на улицах города, но она точно была жива, Наяда пару раз видела ее в окне особняка.

Сама же девушка упорно молчала о случившемся не только из опасений, но и потому что уже столько же не видела ни Дамира, ни даже Мардара. Она могла бы рассказать все начальнику стражи Вилмету, но не была уверена, что мужчина ей поверит.

Поэтому Наяда продолжила свою привычную жизнь, гадая об увиденном каждую свободную минуту. Отчасти ее заботила судьба

леди Эванлин, с другой стороны, ей стало интересно присмотреться к господину Хеуду. Даже несмотря на прямую угрозу ей все равно интересно. Неизвестная сила влекла ее, и девушка летела к ней как мотылек на свет. Дважды ей удавалось подкараулить Хеуда и последить за ним какое-то время. Но в оба раза господин вел себя до отвращения обычно.

Занятия в школе закончились месяц назад, господин Кортер с большим удовольствием объявил Наяде, что она завершила свое обучение и захлопнул перед ее носом дверь. Створка к образованию плотно закрылась навсегда. Весной ей предстоит найти постоянную работу, обосноваться на одном месте и посвятить свою жизнь служению.

Наяда быстро оделась, прервав ритуал с зеркалом, тщательно причесала волосы и заплела их в длинную косу, чтобы выглядеть опрятнее. Вместо издававшей лучшие времена рабочей одежды, она надела темно-синее платье, подвязав талию черной лентой. Поверх платья она закуталась в теплую шерстяную накидку. Сегодня она должна получить работу. Иначе...

О другом исходе девушка думать не хотела, она обязательно найдет себе место и все будет хорошо. Главное, не оплошать перед господами. Перед выходом из дома она заставила свое лицо искриться хорошо заученной улыбкой.

В городе, тщательно подавляя желание сбежать, девушка активно сновала между горожанами, учтиво здороваясь и желая доброго праздника. Первыми на ее пути встали Талри с сынком. Наяда из всех сил сжала кулаки и обнажила зубы, выдавливая из себя: «О, как прекрасно вы выглядите, добрая Талри. Ваши глаза так и сияют».

Ложь давалась почти легко. Она подходила к каждому, кого замечала в толпе. Базафа, торговец овощей с упоением рассказал девушке о своих нынешних заботах. Ей пришлось выслушать его отповедь. Ивирас и Веомеса, владельцы Лавки Мелочей с детьми сдержанно поприветствовали Наяду и поспешили отойти от нее, будто она была заразной. От Омура и Утаги, держателей таверны, девушка сама старалась держаться подальше, отделавшись коротким приветствием. Господин Кортер едва взглянул в сторону бывшей ученицы и брезгливо цокнул языком, не ответив на ее приветствие,

впрочем, как и всегда. Фермер как всегда пытался сетовать на отсутствие хозяйки в доме. Решив потешить старика, Наяда быстро обняла Томми и поцеловала его в щеку, пожелав им с братом доброго праздника.

Скрываясь в толпе от вездесущего Лоуита, она делала вид, что не слышит его просьбы провести День Ветров в их семейном кругу.

Заметив в толпе скупающих охотников, Наяда подобралась и направилась к ним.

— Доброго дня, Блэйя!

Охотница сдержано кивнула, улыбаясь одними уголками губ. Но Наяда не собиралась сдаваться без боя.

— Прекрасный день, верно? Не особо холодно, но так свежо. Чудесно!

— Да, верно.

— Помните, прошлой зимой погода выдалась куда свирепее. Я тогда работала у вас.

Блэйя пальцем почесала кончик носа, разглядывая девушку, будто пыталась ее вспомнить.

— Меня зовут Наяда. В прошлом году вы наняли меня на зиму. Работать у вас было таким удовольствием.

— Мне жаль, девочка, но в этом году нам служанка не по карману. Сложные времена сейчас.

Наяда сглотнула ком в горле, все еще пытаясь широко улыбаться. Ее надежды на теплую зиму медленно таяли, растворяясь в миндальных глазах охотницы.

— Но вы бы могли заплатить потом или...

— Или не нанимать служанку и подписать на домашнюю работу новичков, — заключила Блэйя, теряя интерес к девушке.

Прикусив губу, девушка отошла, чтобы больше не надоедать охотникам. В конце концов они одни из немногих у кого есть вполне легальное оружие.

Заметив у сколоченной из старых досок сцены кузнеца с семьей, Наяда рысцой затрусила к ним, приподняв подол платья.

— Трагмал! — Наяда приветственно замахала рукой. — Трагмал, здравствуй!

— Доброго дня, милая. Какая ты нынче нарядная. Праздничное настроение имеется?

Добрая улыбка кузнеца немного отрезвила девушку, она с удовольствием вложила свою маленькую ладошку в широкую ручищу мужчины, красуясь стареньким платьем.

— День Ветра мой любимый праздник! — Соврала девушка, здороваясь с женой кузнеца Анилой, миловидной крепкой женщиной. Наяда отметила, что шрам над бровью ее ничуть не портит, наоборот, добавляет некого шарма в образ женщины.

— Я ищу работу на зиму. Могу делать всё-всё.

Трагмал вежливо засмеялся, похлопывая девушку по плечу.

За него ответила Анила.

— Сейчас мы едва ли сможем позволить себе помощницу, милая. Но если будет совсем туго, на зиму можешь перебраться к нам. Будешь помогать мне по дому.

Работа за еду. Лучше, чем ничего. Но Наяда рассчитывала на денежное вознаграждение.

— Спасибо, ты очень добра, — с грустью пробубнила девушка, понутив голову.

— Не расстраивайся, — Анила погладила ее по щеке, — год выдался сложным для всех, но я уверена, ты сможешь найти хорошее место.

Наяда такой уверенности больше не испытывала.

Последствия непонятной ей войны начал ощущать весь город. Товары у торговцев значительно подорожали, их прилавки поредели, а плата за труд стала совсем мизерной. Кажется, даже господа потеряли уверенность в своем положении.

В углу сцены уютно примостились музыканты, наигрывая веселые песни. Фолвик решил исполнить свое новое произведение, впечатляя собравшихся зрителей.

Несмотря на веселую музыку, едва ли кто-то в самом деле веселился. Над Хортом нависла тень, угрожающая перерасти в бурю.

На почетных местах около сцены, стали появляться семьи Знатных Домов, располагаясь в удобных, заранее выставленных креслах. Между ними мельтешили слуги, похожие на дворовых псов, кланчащих кость.

Толпу горожан солдаты оттеснили дальше, чтобы не мешались своим нищим видом.

Праздник вот-вот начнется, а Наяда едва сдерживала слезы, выискивая в толпе кого-нибудь, у кого еще могла поковырять работу.

Гомон толпы раздражал ее, привычно голодный желудок готов был съесть сам себя, от досады на все и сразу девушка пнула камень, тихо рыча. Чтобы выжить, ей приходилось ластиться к тем, кто живет чуть лучше нее. Вместо этого она предпочла бы оказаться на линии фронта. Солдат хотя бы кормят неплохо.

Чуть пританцовывая на месте, чтобы не замерзнуть, она пыталась разглядеть сцену, на которую вот-вот должен выйти лорд и рассказать, как все распрекрасно в Хорте, как радостны его жители и добра знать.

«Мы процветаем и будем процветать!», любил на всех собраниях говорить Лорд Ивенто.

Наяда плюнула себе под ноги. Теперь она злилась, желая выцарапать лорду глаза. Интересно, как быстро ее убьют, если она все же кинется на него.

Девушка сжала зубы, подавляя гнев и вытянулась, чтобы увидеть хоть что-то.

Лорд явно не спешил появиться. Оно и понятно, в его поместье наверняка тепло, ему незачем морозить задницу на холоде, как его подданным.

— Еще не очоурилась в своем домишке, гарпия?

Наяда вздрогнула и резко обернулась. Пришлось для начала подавить рвотный позыв перед тем как ответить Кхеврену.

— Твоими молитвами, слабак.

Заводить ссору, а тем более драку, посреди праздника, девушка не хотела, поэтому предпочла отойти в сторону, оставив Кхеврена сочиться ядом наедине с самим собой.

Она ощутила знакомый прилив адреналина, согревающий и призывающий к действию. При других обстоятельствах Наяда с удовольствием врезала бы маменькину сынку от всей души, вкладывая в удар всю накопившуюся за четыре года обиду и злость.

Но детство прошло, она не могла безнаказанно кинуться на юношу, избить его, поправить юбки и пойти дальше. Пять ударов плетей у позорного столба ожидало ее за драку.

Обернувшись, чтобы посмотреть, ушел ли Кхеврен, Наяда подумала о том, что пять плетей не так уж много за возможность

сломать уродцу пару костей. По детской привычке, юноша корчил ей рожи и явно не думал прекращать это занятие.

Укутавшись в накидку плотнее, девушка нашла себе место около фонтана, чуть вдалеке от гудящей толпы. Солдаты пока не спешили прогнать ее обратно, и она позволила себе помечтать, пока не появился лорд.

Наяда обвела толпу горожан взглядом, особо не задерживая внимание на ком-то конкретном, на секунду представляя себя среди них, своей, не одинокой и не отверженной. Ее тоже поздравляют и охотно пускают в свою компанию.

Девушка даже заулыбалась, впервые за долгое время искренне. Как хорошо было бы жить среди людей, которые считают тебя такой же. Наяда давно поняла, что для горожан она что-то вроде чужестранки, причем обязательно с территории злейшего врага.

На мгновение, лишь на одно, она позволила мечтам унести ее дальше. Позволила увидеть себе картину из совершенно другого мира.

Она идет под руку с Дамиром, с ее и только ее Дамиром, он смотрит на нее с небывалой нежностью, наслаждаясь каждым мгновением.

— Брысь отсюда! — Солдат грубо подхватил девушку за шиворот и толкнул в сторону площади.

Наяда недовольно фыркнула, ей редко удавалось помечтать, да еще и так жестоко прерывать сладкий миг, просто бесчеловечное зло со стороны хранителя спокойствия. Всё же солдаты отвратительные существа. Если для общества Наяда чужая, то для солдат она даже не человек.

Погрустнев, девушка направилась обратно, стараясь пробраться поближе к сцене. Ее небольшую и юркую едва замечали в толпе.

— Я рад видеть всех вас! — Начал Лорд Ивьенто, прижимая одну руку к сердцу. — Поистине прекрасен и священен для нас этот день. И мой взор радуется, видя ваши счастливые лица.

Наяда с трудом сдержалась от презрительной усмешки. Она неотрывно смотрела на лорда, замерев, словно хищник перед охотой.

— За сезон все мы много работали без отдыха и настало время безмятежного затишья. Этот день знаменует собой не только приход зимы, но и появление на свет принца Айдера, нашего будущего короля и действующего главнокомандующего нашей доблестной армии.

Главнокомандующий по слухам ни разу не бывавший в сражении. Наяда крепче сжала челюсть. Покорность и смирение. Покорность и смирение.

— Так возмолимся же вместе благосклонным Богам за жизнь и долгое счастливое правление нашего принца!

И горожане, и Знатные дома, и солдаты, каждый на площади приложил правую руку, сжатую в кулак, к сердцу, чуть склонив голову в молчаливом поклоне. Наяда сделала тоже самое, в тайне ото всех ненавидя короля и его наследника, да и всё его чертово семейство.

«Я Наяда, слуга Лорда Ивьенто и его сыновей Дамира и Мардара. Я принадлежу Залесу и верна своему королю Сайвасу и его семье.»

Глубокий вдох. Выдох.

Девушка опустила голову, зажмурив глаза.

С каждым днем ей становилось все сложнее верить в эту клятву.

Четыре года назад, привезя ее к хижине, Дамир обмолвился о том, что через пару дней ей предстоит дать клятву правящей династии. Так она станет своей. Ложь, своей она так и не стала.

Но то многочисленное собрание запомнила навсегда.

Ее вывели на площадь, сопровождаемую двумя солдатами в парадной форме, заставили подняться по помосту на сколоченную под торжество сцену, встать на колени перед Лордом Ивьенто и его сыновьями и произнести заранее заученные слова.

Согнанные по случаю горожане смотрели на нее во все глаза, кто с откровенной злобой, кто с недоверием. Но не было ни одного доброжелательного взгляда.

Она клялась в верности государству, о котором почти ничего не знала и людям, которых никогда не видела. Все это сопровождалось гробовым молчанием и недовольным сопением лорда. По его мнению, она была слишком медлительна, а могла бы и побыстрее избавить его от необходимости находиться среди грязной челяди.

Наяда не заметила, как речь лорда, сменил всеобщий нарастающий гул. Люди начали расходиться в сторону, чтобы дать простора для большого общего костра, который солдаты собирали прямо перед людьми.

Всем хотелось согреться. Всем без исключения.

Дочери Омура Кэтта и Брида уже начали разносить оплаченный лордом алкоголь по толпе. Люди опрокидывали кружки залпом, предвкушая разливающееся по телу тепло опьянения.

Наяда отважилась поднять голову и посмотреть на сцену. Она надеялась хоть бы мельком увидеть Дамира, вместо этого увидела музыкантов, готовящихся снова заиграть знакомые всему городу мелодии.

Прямо перед ее носом резко полыхнул огонь, угрожая опалить девушке лицо. Чья-то сильная рука оттянула ее назад. Девушка широко распахнула глаза, тихо пискнув от неожиданности.

— Не припомню, чтобы в сегодняшних планах было кого-то сжечь, — Мардар изо всех сил пытался четко выговаривать слова, затуманенный алкоголем мозг явно мешал. Наяде показалось, что мозг господина в принципе часто ему мешает.

Он пьян и довольно сильно, мутные глаза выдавали его с лихвой.

Пока Наяда думала, что ответить, господин успел раствориться в толпе. Она пожала плечами, но от костра решила держаться на приличном расстоянии. Пара тройка пьяных горожан не преминут в шутку окрестить ее ведьмой и подкинуть в костер вместо углей.

Остаток дня до наступления темноты она шаталась по площади из угла в угол, наблюдая за беснующимися людьми. Изрядно подвыпив и обогревшись, горожане раскрепощались, многие пустились в пляс, кто-то подпевал музыкантам.

Теперь все ее попытки найти работу обречены на провал. Даже если кто-то на пьяную голову согласится ее нанять, к утру подобный договор потеряет силу.

Талри давно оставила мужа в стороне и дергала телесами вокруг костра в общем танце. Скорее всего через пару дней Фолвик сложит об этом обидную песенку.

Торговцы обосновались около сцены, распивая пиво и медовуху за разговорами. Дуса упорно старался не замечать сотрясения жены, называемые танцем. Базафа и Кабун вообще ничего не замечали, увлеченные музыкой и выпивкой.

Охотники, будто по сговору решили остаться в стороне от празднества. Только Анкерива, мужчина похожий на медведя, предводитель гильдии охотников накидывался медовухой и лапал

дочерей Омура и Утаги. Сами держатели таверны ничего не имели против, если потом в их кармашке звякнет пара монет.

Наяда заметила Холгара, лесника, горланящего что-то нечленораздельное и чуть поодаль, в компании других женщин его жену Лиоверу с дочерью Региттой. Остальных отпрысков лесника Наяда не видела и в принципе была этому рада.

Около фонтана кто-то склонился над телом Кхеврена, мертвецки пьяного. Гаденыш даже не смог нормально помереть, перебрав медовухи, просто свалился и заснул. Завтра его ждет порка от тучной мамы и тихое порицание отца.

Сыновья кузнеца Фего и Эрарт, обычно сдержанные в своих действиях и улыбчивые, старались держаться друг друга и ухлестывали за красавицей Эбетой, дочерью торговцев фруктами.

Даже старая торговка трав Тада тенью шаталась по площади, улыбаясь беззубым ртом. В ее седую косу сегодня вплетена красная лента.

Знатные Дома разошлись сразу после речи лорда, считая себя слишком благородными, чтобы праздновать с чернью. Лорд Ивьенто исчез сразу после речи, как и Дамир. Пару раз где-то в тени Наяда замечала Мардара и Элишку, семенящую за ним хвостом.

Наяда наблюдала за горожанами и хмурилась, пока не поняла, что солдаты больше не станут силком удерживать ее на празднике, значит можно отправиться домой.

Она выскользнула с площади, пятясь. Ей хотелось убраться как можно быстрее, добраться до кровати и провалиться в блаженный сон.

Прошмыгивая между домов, девушка несколько раз оглянулась на пустынную улицу. В дали от площади тихо, звуки праздника почти неслышны. Девушка замедлила шаг и перевела дыхание.

Как на зло впереди замаячил мужской силуэт, вынырнув из-за соседних домов. Наяда готова была привычно опустить голову и пройти мимо. Ровно до тех пор, пока в темноте не различила того, кто перед ней.

Хеуд.

Он сложил руки за спиной, глядя прямо на девушку и ждал.

Наяда снова попятилась, обдумывая пути отступления. Она подумала об отцовском кинжале, который сейчас пришелся бы весьма кстати. Но отсутствие оружия редко ее пугало, девушка подобралась, в

любой момент готовая к драке, пусть даже с человеком, который обладал нечто странным и непонятным.

Про себя Наяда отметила, что Хеуд достаточно худой, хоть и широкоплечий. Если она сможет подобраться к нему достаточно близко, то успеет ударить в кадык. Невольно вспомнились ручные молнии господина, ползающие по его ладони. Но леди Эванлин выжила после прямого удара, значит, не настолько его сила страшна, как кажется на первый взгляд.

Наяда сжала кулаки, чуть согнув колени, готовясь к драке, платье, несомненно будет помехой, но терпимой.

Неожиданно гул в ее голове заглушил абсолютно все звуки, в глазах потемнело, боль в затылке угрожала расколоть череп на двое.

Удар, еще один. Она развернулась боком, чтобы иметь место для маневра и оскалилась. Из перепачканного кровью рта медленно стекала бордовая струйка, спускаясь по подбородку. Девушка поднесла руку, сжатую в кулак к ребрам, защищая важные органы, вторую чуть выставила вперед на уровне собственной головы, одновременно защищаясь и готовясь к удару. Ей страшно хотелось упасть и не шевелиться, чтобы хоть как-то восполнить силы, вместо этого она закричала и двинулась на врага. Серия ударов, она била неустанно, почти не чувствуя боли от прилива адреналина. Удары противника если и достигали ее туловища, то оставались незамеченными.

Наконец он рухнул на выжженную, все еще дымящуюся землю, стирая кровь с лица. Над бровью человека в необычной военной форме пару мгновений виднелось белое мясо, а после кровь из раны хлынула как под напором.

Девушка позволила себе чуть расслабиться, опустить руки, наблюдая за врагом. Из последних сил он достал из отсека на поясе нечто непонятное.

Она наклонила голову, изучая противника, из маленькой черной палки он явно целился в нее, считая это чем-то смертоносным. Девушка усмехнулась, присаживаясь перед врагом.

— Что ты такое? — Глухо спросил он, сплевывая кровь.

Девушка не ответила, она вытянула одну руку вперед, только сейчас ощущая ноющую боль в двух сломанных пальцах и выбитый локоть.

Противник закашлялся, уже не сплевывая кровавые сгустки, а срыгивая их. Спустя пару секунд, он задрожал всем телом и закричал, теряя остатки своей жизни. Он умер быстро, так не и получив ответа.

Девушка поднялась с земли, оглядывая простирающееся перед ней поле. Всего пару часов назад здесь гремела битва, теперь земля усеяна трупами. Она посмотрела на свои руки, затянутые в темно-синюю жесткую форменную ткань, пошитую специально для таких как она. На плече вышитый серебряными нитями знак: расколота на две части корона. Чтобы никогда не забывала, кто она и для чего создана.

— Не думай пытаться сбежать.

Сначала Наяда решила, что ей послышалось, так тихо говорил господин. Она встряхнула головой, отгоняя страшное видение и постаралась устоять на ногах.

— Доброй ночи, господин, — девушка чуть присела, кланяясь и попыталась проскочить мимо. Сейчас ей было не до него.

Хеуд поймал ее за локоть и заставил остановиться. Наяда поморщилась от боли, скорее всего от его хватки на коже останется синяк.

— Я слышал, тебе нужна работа.

Наяда сглотнула, открыв рот, чтобы ответить, но впервые слова застряли где-то в глотке, отказываясь выходить наружу. Она снова встряхнула головой, на этот раз, чтобы привести себя в порядок.

— Благодарю вас за беспокойство, господин. К счастью, работу я все же нашла.

Она изо всех сил старалась делать вид, что ничего не произошло в том зловещем лесу осенью, но нервное подёргивание верхнего века на правом глазу ее явно выдавало.

— Мне кажется, ты врешь, девчонка. На первый раз я тебя прощаю. Но впредь, не смей.

Хеуд сильнее сжал девушке руку.

— Хочу тебя осчастливить, моей супруге нужна служанка. С завтрашнего дня ты переезжаешь в наш дом. Эта работа постоянная, в свой сарай ты больше не вернешься.

— Простите, господин, но я не достойна вашего предложения. Госпожа Эванлин заслуживает более усердную служанку. — Наяда постаралась выдавить улыбку.

Хеуд осмотрел ее с ног до головы, будто увидел впервые и чуть оттолкнул от себя, наконец выпустив девушку.

— Это не предложение. Завтра утром явишься в мой дом. Эванлин... Госпожа Эванлин тебя встретит и объяснит твои новые обязанности. А если вздумаешь ослушаться...

На руке Лилового потрескивали искры, угрожая перерасти в шар и перепрыгнуть на девушку. Наяда сразу вспомнила вопль леди Эванлин, отчаянный, полный боли и мольбы.

— А если об этом случайно узнает господин Дамир? — Наяда кивком указала на руку Хеуда.

Он засмеялся, прогоняя ручные искрящиеся молнии и медленно надвигаясь на девушку.

— Это будет последнее, что ты, возможно, успеешь сделать. Возможно, девчонка, такой маленький процент на удачу. Подумай.

Процент и удача, два неприятных слова для Наяды. Какой процент был того, что она окажется именно на том лугу около Хорта? Вероятно, небольшой. Быть может процент того, что она выжила был еще меньше. В обоях случаях девушка не была уверена, что это удача. Хорт определенно нельзя было назвать удачей.

— Я буду рада служить леди Эванлин, угождать ее нуждам и защищать, если придется.

Наяда вздернула подбородок, давая господину явственный намек.

— Вот и чудно. Не задерживайся.

С этими словами господин Хеуд пожелал удалиться в ночь, оставив девушку осмысливать произошедшее.

Наяда кое-как добрела до ближайшего здания и скатилась по стене на землю, подгибая ноги к груди и обхватывая голову руками. Она не обращала внимания на холод. Голова все еще неприятно гудела, заставляя ее морщиться и терять из виду очевидное. Она нашла работу, пусть и не совсем удачно, но постоянную, вероятно, хорошо оплачиваемую. Не будет же Хеуд швырять ей пару медяков и ждать, что она останется. Хотя конечно же останется. Во-первых, лучше ничего не представится, во-вторых так проще всего, не привлекая внимания, наблюдать за Хеудом. А еще естественно, жить в тепле и не думать, как не замерзнуть насмерть в своей жалкой лачужке.

Девушка просидела на земле какое-то время, снова и снова прокручивая картины из видения. Что это было? А главное, кто? Наяда

ощущала и видела все перед собой так, будто этим бесстрашным созданием была она. Но это невозможно. Если бы она была на войне, что вряд ли, об этом бы стало известно властям, после того, как информацию о ней внесли в общий список жителей Хорта.

Все в этом видении было странным, размышлять об этом на холоде, означало превратиться в ледышку. Девушка медленно встала, все еще ощущая слабость и пошатываясь, будто не пропустила мимо себя пару кружечек медовухи, пошла домой.

Дом. Какое странное слово, чуть сладкое на вкус с примесью некой горечи, с привкусом грусти и послевкусием тепла и сожаления. Она считала своим домом старую хижину, в которой не прожила детство, не родилась и не была счастливой. В ее понятии дом должен был обладать всеми тремя качествами, чтобы считаться домом. Но самое главное, это не дом, в котором все напоминает о родителях. Это лишь пустая оболочка, наполненная разваливающейся мебелью. Наяда даже не была до конца уверена, были ли у нее вообще родители. Иногда она с затаенной завистью смотрела на тех, кто рос в семьях, имел радость каждый день обнимать родителей.

У нее был только Робин. Отец не по праву ее рождения, а по стечению обстоятельств, при жизни он в самом деле старался. Старался показать ей, что такое родительская любовь и забота, он старался заменить ей и мать, и отца, которых возможно, никогда и не существовало. Она могла родиться где угодно, от женщины, которая ее не желала и даже не удосужилась взглянуть на лицо новорожденной дочери, прежде чем отдать ее. Могла родиться на фронте и потерять мать за секунду, убитую вражеским солдатом. Правда ей не известна и никогда не будет известна. Она до конца жизни обречена нести это бремя, не зная правды.

Как-то Наяда задумалась, а что, если эта самая правда очень горькая и причинит ей много душевной боли. Через пару дней после этой мысли, она поняла, что какой бы ужасной не была правда, она хотела бы ее знать, хотя бы ради того, чтобы понимать себя, свои чувства.

Она чувствовала, что правда может принести ей исцеление и покой, о которых девушка так мечтала. Чтобы ни скрывалось за ее появлением на свет, она смогла бы это принять.

Вместо того, чтобы завалиться спать, Наяда еще долго просидела у остывшего очага. Она не помнила, как добралась до дома, когда она пришла в сознание, то уже подходила к своей хижине. Домой...

Тяжело вздохнув, девушка сдвинула кровать немного в сторону и отодвинула две половицы. Она улыбнулась, смотря на завернутый в ткань меч. Ее наследие, оставленное Робинот. Интересно, хотел бы он, чтоб она его забрала? Еще одно, о чем она никогда не узнает, старый воин умер неожиданно и быстро, его сердце отказалось биться в одну из ночей. Большой и сильный Робин рухнул перед девчушкой на дощатый пол с оглушительным грохотом и замер. Наяда кричала, долго, пискляво, как самый настоящий ребенок, увидевший нечто ужасное, она ползала рядом с телом воина, скребла пальцами доски пола, топала ногами и заливалась горячими слезами. Ее крик вполне могли слышать в городе, однако никто не пришел, хранители спокойствия оставили без внимания ее личную трагедию. До самого утра она скулила и трясла тело приемного отца, не веря, что этот могучий мужчина может так просто взять и умереть.

Взяв оружие в левую руку, девушка встала и выпрямилась. Ей нравилось, как меч тяжелил руку, отсекал страхи и сомнения. По-настоящему, девушка до сих пор не знала, что такое страх. У нее ни разу не возникло чувство, заставляющее ее бежать, спасаться, прятаться или плакать и умолять о пощаде. Всякий раз сталкиваясь с проблемами, ее внутренний инстинкт требовал собраться и готовиться к бою, а не бежать. Либо выжидать и наблюдать, подмечать мелочи и внимательно слушать.

Она знала, что должна бояться Мардара, но это не инстинкт, не ее собственные чувства. Так наказал Дамир в первый же день их знакомства, и она слепо подчинялась. На деле же ей было жалко младшего господина. Тогда у реки она ощущала не страх, а тоску. Они оба были бесконечно одиноки в этом мире. Он больной сын лорда, обреченный быть тенью брата. Она свалившееся с неба непонятное существо, не знающее о себе ничего, ей судьба уготовила всю жизнь прожить в неведении.

Вроде как происшествие в лесу должно было бы напугать, но вместо этого вызывало интерес.

Или показательные порки. Наяда слышала, что многие женщины при виде того, как бьют привязанного к столбу человека, испытывают

страх. Кто за себя, кто за родных, но это определенно страх, некоторые падают в обморок.

Наяда первые пару лет во все глаза наблюдала за поркой, но не испытала ничего. Совсем ничего. Потом она пыталась представить, что ее так же по глупости нашкодившую ведут к позорному столбу. Вот и Вилмет стоит неподалеку, сжимая в руке плеть. Опять ничего. Будто кто-то поставил барьер на подобные ощущения.

Робин говорил, что бояться нужно прежде всего войны. Когда он был жив, она лгала, будто согласна с ним, будто одно это слово повергает ее в настоящий ужас.

Наяда выставила правую ногу вперед, развела плечи, занося меч за плечо для рубящего удара сверху и опрокинула его одним резким рывком. Сразу же сменила позицию, защищаясь. Провела мечом по дуге, другой рукой держа воображаемый щит для защиты. После каждого удара она сменяла стойку, повинаясь зову тела.

Удар сверху от верхней стойки.

— Стойка дамы, — неожиданно для себя прошептала девушка.

Ее движения плавно перешли в нижнюю стойку.

— Зуб кабана...

Наяда в изумлении открыла рот и глупо заморгала, но не остановилась.

Она плотнее обхватила рукоять меча и занесла его для удара противнику по ребрам, защищая свою голову от предполагаемого удара невидимым щитом. Она откуда-то знала, что этот стиль направлен на бой с противником в легком или среднем обмундировании.

Она переставила ноги, балансируя в выдуманной схватке, баланс ее тела и оружия выходил идеальным, так будто она тренировалась всю жизнь. Она знала, что меч не предназначен для прорезания доспеха и искала у воображаемого противника слабые или открытые места на теле.

Девушка сделала еще пару выбросов, нанося удар, несколько раз отскочила, ловко переставляя ноги, защищаясь. И случайно посмотрелась в зеркало.

На одно мгновение в зеркале возник образ сильной молодой девушки, искушённой боем. Она сжимает в руке длинный меч, совсем непохожий на отцовский, с лезвия капает кровь. Волосы заплетены в

причудливую прическу из косичек, чтобы ничто не мешало в бою. На руках железные браслеты, то ли украшенные, то ли просто для чего-то снабженные двумя синими камнями по одному на каждом, на шее помимо шрама и татуировки ошейник, точная копия браслетов, с таким же иссиня-черным камнем в середине. На щеке виднеется причудливый узор, нанесённый краской. Она одета в темно-синюю форму, чем-то похожую на военную, но другую. Эта больше похожа на одежду, которая не сковывает движений, она одновременно легка и тяжела, ткань плотная, с множеством карманов и отсеков под оружие. Но оружия в них не видно. Однако видно разломанную на две части корону, вышитую серебряными нитями.

На лице этой другой Наяды нет ни единой эмоции. Она похожа на восковую куклу. Но при этом весь ее вид буквально кричит об исходящей от нее опасности и свирепости. Грудь этой незнакомой, но без сомнения опасной девушки, медленно поднимается и опускается, будто у нее появилось пару секунд на передышку, а после она снова пустится в смертельный пляс, отнимая чужие жизни.

Наяда закричала, хватаясь за голову. Боль вернулась. Меч выпал из рук и звонко ударился об пол. Наяда вжалась в пол, сильнее сжимая голову руками, почва будто вышла из-под ног, она больше не чувствовала опоры и баланса, только гул, только нарастающую боль. Она кричала пока из горла не посыпался кашель, угрожая сорвать себе голос и явиться к Хеуду в совсем жалком виде.

Хеуд. Завтра утром она должна прийти в его дом и приступить к работе.

Наяда кое-как приподнялась с пола, стиснув зубы так, что губы побелели, лишившись краски. Она медленно подняла взгляд и посмотрела в зеркало, надеясь снова увидеть в нем призрака, увидела она себя, растрепанную девушку с дрожащими от боли руками. На бледной коже выступил румянец от прилившей к голове крови. Она тяжело выдохнула, ловя себя мысли, что сейчас невероятно похожа на ту, что видела в зеркале пару мгновений назад. Лицо лишено эмоций, потому что тело активно подавляет их, борясь с болью. Глаза почти стеклянные, но взгляд такой же твердый и уверенный. Хотя уверенности Наяда совсем в данный момент не испытывала.

Она даже потрогала собственное горло, чтобы убедиться, что на ней нет ошейника и шрама. Татуировка, благо, осталась на месте.

Медленный глубокий выдох.

— Что я такое? — Она вспомнила вопрос умирающего мужчины из своего недавнего видения. — Что я такое?! — Закричала она своему отражению.

В дверь настойчиво постучались.

Девушка отпрянула от зеркала, настороженно глядя то на меч, то на дверь.

— Эй! Что за шум? Открывай немедленно.

Мгновенно осознав всю комичность ситуации, девушка быстро запихала меч обратно в тайник, вставив на место половицы, сдвинула кровать обратно и огляделась. Уже подбегая к двери, она стянула платье через голову, оставшись в тонком нижнем платье, откинула одежду в темный угол и сделала пару вдохов, чтобы казаться спокойнее.

Открывая, она сонно почесала глаз и зевнула, не прикрывая рот.

— Что происходит? — Солдат оттеснил ее от входа и ворвался в ее простенькое жилище.

— Дурной сон, только и всего. Простите, что нарушила тишину. — Наяда попыталась говорить услужливо и покорно, как учили.

— Сон дурной, говоришь? — Солдат подозрительно огляделся, ища улики чего-то незаконного.

— Кошмар, я бы сказала, — поддакнула девушка.

Солдата ее объяснение явно не устроило, но не найдя ничего подозрительно, он не мог ее арестовать. Он еще раз грозно потаращился на нее, грозя пальцем и вышел из дома.

— И чтобы ни звука больше, поняла?

Наяда убедительно кивнула, пытаясь быстро соорудить благодарную улыбку.

— Благодарю вас за бдительную службу, это очень важно в наше беспокойное время. Слава королю Сайвосу и его доблестной армии!

Эти слова, казалось, расслабили не-вояку, он довольно отсалютовал девушке и пошел прочь. А Наяда едва сдержала плевок от отвращения и тихо затворила за ним дверь.

— Я должна узнать больше, — прошептала она в пустоту, теперь понимая, что проработает у Хеуда недолго. Ей нужны ответы и найти их в Хорте она не сможет.

Она достала из внутреннего кармана платья, который сама пришила еще прошлым летом, медяк и подкинула его высоко над собой, поймала и шлепнула монетку о тыльную сторону ладони.

— Два месяца, — улыбнулась девушка, убирая монету обратно.

Жребий брошен, ее судьба решена.

Наяда собрала свои немногочисленные пожитки и завернула их в ткань. Завтра она попрощается со своим домом, никогда по-настоящему не бывшим ее. Но обязательно вернется за вещами в тайнике. Когда придет время.

4 На пороге Знатного Дома

Утром, как и должна была, она явилась к дому Хеуда, полная решимости. Только решимость поугасла, пока она целый час танцевала у закрытой двери, переминаясь с ноги на ногу, открывать ей явно не спешили.

Закусывая синюю от холода губу, девушка не переставала стучать, отбила себе и кулак, и остаток нервов. Если бы открыл ей Хеуд, она кинулась бы на него, не задумываясь о последствиях. Но спустя час перед дверью появилась леди Эванлин, слегка заспанная, в теплом халате поверх нижнего платья, почти прозрачного. Ее упругая грудь красиво выделялась, немного натягивая невесомую ткань платья.

— Здравствуй, — как ни в чем не бывало прошептала леди и приложила палец к губам. — Мой муж еще спит, поэтому не шуми.

При слове муж, нижняя губа леди задрожала. Халат мог многое скрыть, но не от прозорливых глаз Наяды. Она подметила маленькие пятна крови на воротнике, алеющие синяки на красивой груди, ссадины и синяки на коленях и бедрах.

Наяда нахмурилась, переступая порог нового жилья. Будет намного сложнее, чем она предполагала. Ставший надоедливый голос в голове подсказывал: «Беги! Выйди из этого места и беги как можно дальше».

Девушка уверенно прошла дальше, оценивая Знатный Дом Лилового господина глазом нищей девчонки. Леди Эванлин не запрещала, она терпеливо ждала, пока новая служанка восхитится убранством.

Наяда аккуратно поставила свой узелок с пожитками в прихожей размером чуть ли не со всю ее хижину, сняла накидку, в доме жарко, даже слишком жарко. Наяда оглядела гостиную, не заходя в нее. Камин в два человеческих роста, диваны, кресла с дорогой обивкой. На стенах картины в позолоченных рамах. Причудливые статуэтки мифических животных. Наяде больше всего понравилась та, что венчала каминную полку. Дракон, расправивший крылья, готовый взмыть высоко в небо, опалить всех огнем, разрушая все, чего коснется его пламя. Все остальное — ничего такого, чего бы она не видела

раньше. Поместье лорда немного шикарнее, все же. Да, дорогое, да, со вкусом, но холодное, почти безжизненное, как хозяин этого дома.

— На первом этаже гостиная, кухня, кладовка для продуктов и столовая. На втором этаже наши спальни, гостевые комнаты, библиотека, ваннные комнаты, два гардероба и трофейный зал. Рядом с библиотекой кабинет господина Хеуда, туда тебе заходить нельзя, как и в его спальню.

— У вас с господином разные комнаты?

— Да.

Леди Эванлин олицетворяла собой то, чему пытались научить Наяду. Спокойствие, покорность, смирение.

— В доме больше нет слуг, кроме тебя, поэтому в твои задачи будет входить немало дел. Но ты справишься. Придется справиться. Да, кстати, к мужчинам из знатных домов обращаются так же как к лордам, не думаю, что ты знала об этом, но постарайся не совершать ошибок. Мой муж этого не терпит.

О нетерпении Хеуда Наяде хорошо известно, но она не осмелилась сказать это вслух, по крайней мере, сейчас.

— Почему, кроме меня нет слуг?

— Не задавай много вопросов, этого он тоже не любит.

Леди Эванлин стала подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж и Наяде пришлось следовать за ней, чтобы не потеряться в этом хаосе дороговизны и пестроты.

— Ты будешь жить в гостевой комнате, рядом с моей спальней. Еще тебе нужно будет привести себя в пристойный вид.

— Пристойный? А что со мной не так?

Леди Эванлин остановилась и оглянулась на девушку. Она долго разглядывала ее. Надо отдать ей должное, как у настоящей леди, знающей, что такое настоящее воспитание, не возникло на лице тех эмоций, которые она на самом деле испытывала, глядя на девушку.

— Платье более пристойное решение, волосы надлежит заплести и желательно приподнять, чтобы затылок был открыт. Еще твои руки. Гадкое зрелище.

Наяда быстро посмотрела на свои руки. Обкусанные до мяса ногти, грязь под ними, мозоли. Все как обычно. Она поспешила убрать руки за спину.

— И твоя осанка. Всё в тебе выдает образ жизни, к которому пришлось приспособиться. Если будешь слушаться и вести себя как надо, я помогу тебе исправиться.

Наяда дернулась, так будто леди Эванлин огрела ее по щеке и поджала губу. Еще ни разу ей не говорили, как жалко на самом деле она выглядит, особенно так ровно и безэмоционально.

— Идем.

Леди провела служанку до своей комнаты, жестом приглашая ее зайти. В комнате леди Эванлин было не так пестро, мебель намного проще и более сдержанных тонов. Однако помещение казалось пустым, будто лишенным души.

Кровать до отвращения убрана, даже декоративные подушки не измяты. На письменном столе ни листочка. Он просто пуст, будто леди им не пользуется. На туалетном столике пустая ваза. Единственный книжный шкаф, высокий почти под потолок, набитый книгами из школы, книгами по истории, этикету и всё. Ни одной книжки для души, хотя Знатные Дома без сомнения могли себе это позволить. Окна плотно зашторены, не пропуская в комнату тусклое солнце.

Наяда не заметила никаких признаков жизни. Даже она умудрялась немного оживить свою хижину маленькими трофеями, травами, летом цветами, рисунками на деревянных стенах.

— Сначала тебя нужно отмыть от грязи. Сегодня можешь воспользоваться моей ванной, но только сегодня, в качестве исключения.

Наяда знала, что означает этот жест. Это не жест доброй хозяйки, бросающей кость своей слуге, это нечто большее. Эванлин человек, безумно нуждающийся в друге, которого у нее нет.

— Свою старую одежду оставь в ванной комнате, я подберу тебе что-нибудь, пока ты моешься. — Леди открыла дверь в ванную, поманив служанку пальцем. — Мыло не экономь, я не люблю грязь. В конце возьми масла, которые тебе приглянутся, чтобы кожа пахла приятно. И ради всего святого, хорошенько потришь мочалкой.

— Чем? — Наяда глупо уставилась на свою новую госпожу.

— Ну...Щеткой для тела, только она не очень похожа на щетку. Поняла?

Девушке пришлось кивнуть против собственной воли, чтобы не казаться еще глупее. Леди Эванлин подтолкнула ее в ванную и закрыла

за ней дверь.

Она осмотрела пустую ванну, воды нигде нет, как же тогда мыться?

— Госпожа, здесь нет воды.

Наяда услышала тяжелый вздох.

— Поверни краны на ванной. Левый кран — горячая вода, правый — холодная. Разберешься.

Наяда сглотнула комок в горле, этот дом нравился ей все меньше и меньше. Мочалка, кран с разной водой. Что дальше?

Она привыкла мыться в реке, не задумываясь о температуре воды. Повинуясь приказу леди, девушка скинула грязную одежду, ногой сдвинув грудку тряпок в сторону и подошла к ванной, затаив дыхание.

Повернуть кран... Просто повернуть. Наяда залезла в большую ванну, в которой могла бы поместиться лежа в полный рост и присела, чтобы внимательно осмотреть изогнутый кран и два колесика по бокам. Девушка решила начать с правого, зажмурившись, она резко провернула колесо. Из крана полилась самая чистая вода, которую ей приходилось видеть. И очень холодная. Взвизгнув, девушка провернула колесико обратно и взялась за второй. На этот раз хлынул кипяток, опалив ей ступни. Скуля как побитая дворняжка, Наяда выскочила из адской конструкции.

После третьей попытки, она поняла, что оба колесика нужно вертеть одновременно, чтобы сохранялся баланс холодной и горячей воды.

Никогда в жизни ей еще не было так хорошо. Идеально теплая вода медленно наполняла ванну, покрывая ее тело. Девушка тихо постанывала от удовольствия. Так вот какого это, быть госпожой. Если бы ей предложили, она не раздумывая продала душу, причем пару раз минимум, чтобы повторить эти прекрасные ощущения.

Отмываться ей пришлось долго, больше времени ушло на то, чтобы понять, что есть мочалка, которая не как щетка, еще больше на то, чтобы выскрести грязь из-под ногтей на руках и ногах. Когда дело дошло до головы и пышной копны волос, Наяда хотела привстать, чтобы взять мыло и поскользнулась, чуть не пробив лбом дно ванной. Потом она еще долго осматривала дно, надеясь, что не повредила его, мало ли как на такое происшествие отреагируют леди и милорд. Нехорошо в один день приобрести работу, а на другой уже потерять.

Покончив с ужасной процедурой отмыывания от грязи, точнее обдирания кожи вместе с грязью, Наяда приоткрыла дверь и выглянула наружу.

— Леди Эванлин, госпожа... Я, кажется, закончила.

— Тебе кажется? — Леди тихо засмеялась. Даже ее смех был наполнен смирением, абсолютно безрадостный и сухой. — Выходи, я подготовила тебе свежую одежду.

Ну что ж, Наяда не была особо стеснительной. Она вынырнула из пропаренной неги ванной в комнату, прикрыв грудь мокрыми волосами, с которых еще стекали струйки воды.

Эванлин приподняла одно из приготовленных платьев и сравнила, быстрым оценивающим взглядом. Потом отложила его и взяла другое. Наяда заметила, как она тайком рассматривает ее. Леди не был знаком тяжелый труд, поэтому ее фигура не отличалась силой и выносливостью, а Наяда не знала о насилии, поэтому ее тело было чистым, без кровоподтеков и ран. Обе знали разные стороны этого мира и приглядывались друг к другу.

— Знаешь, мне иногда... — Начала Эванлин и запнулась.

— Мне тоже. — Понимающе кивнула служанка.

Она знала этот взгляд. Одиночество, тоска, все это испытываешь, когда рядом нет близких, нет друзей, некому выговориться о муженьке-садисте, например.

— Это платье тебе подойдет.

— Вы очень щедры, миледи.

— Брось. Мне не нужна говорящая игрушка, понимаешь? Лучше говори, что думаешь, так будет намного интереснее.

— Тогда я бы предпочла штаны платью.

— Но почему? — Эванлин впервые за их знакомство заулыбалась по-настоящему, трясая изумрудным платьем перед носом девушки. — Посмотри, какое красивое. Цвет, крой, длина. В нем все идеально.

— Я не привыкла наряжаться. Но я умею защищать.

Эванлин открыла рот, желая что-то сказать, но замолчала. Сделав над собой усилие, она повторила попытку.

— Никто не сможет меня защитить, да и что ты можешь против него?

— Вы удивитесь, — Наяда обнажила ровные зубы в улыбке, принимая платье из рук леди.

Леди Эванлин не стала спорить, она успела подметить крепкие мышцы на руках, ногах и даже на впалом животе. Позже, тем же днем, Наяда успела доказать свою полезность, поймав руку господина, занесенную для удара над леди.

— Ладно, давай для начала покажу тебе дом.

Плавным движениям леди, служанка могла только позавидовать. Двигалась она с грацией присущей кошке, шлейф халата напоминал облако, создавая невероятное впечатление. Наяда не понимала, как при таком давлении, леди Эванлин смогла остаться настолько нежной и элегантной.

Леди решила начать с мест, в которых Наяде запрещено появляться, она подвела ее к двери спальни Хеуда и молча указала на нее, так же молча дав знак: «Нельзя», дальше следовал кабинет господина и снова тот же знак жестами, только чуть усиленный нервным подергиванием глаза. Наяда все прекрасно поняла: «Нельзя-нельзя-нельзя», в этом доме ничего нельзя. Не проблема, обходить стороной два помещения она точно сможет.

Следом леди Эванлин завела ее в библиотеку. Наяда ахнула в изумлении. Ни разу в жизни (или она это не помнит) она не видела столько книг. Квадратная комната, сплошь заставленная высокими стеллажами под потолок, в центре комнаты бордовое кресло с высокой спинкой и пуф под ноги. Однако освещение для чтения слишком тусклое. Наяда сразу поняла, кто проводит здесь время, но Эванлин не запретила здесь появляться.

— Пыль протирать раз в неделю. Это важно. Никакой влаги.

Наяда кивнула, от обилия кровавого цвета в комнате ее замутило. Бордовые обои, бордовое кресло, пол из красного дерева. На этом фоне отчетливо выступали черные шкафы, заставленные книгами. Жуть. Жутко представить, какие книги Хеуд здесь почитывает в свободное от угроз время.

Потом леди показала девушке гостевые комнаты, наказав убираться в них раз в неделю, чтобы в любой момент были готовы к приему важных гостей и комнату, отведенную для Наяды. По сравнению с ее прошлым жилищем, эта комната стала для нее дворцом. Видимо, гостевую комнату не подумали переделать под скромные нужды служанки. Весьма широкий жест.

Леди Эванлин показала Наяде ваннe комнаты со всеми удобствами, некоторыми из них девушка не имела ни малейшего представления, как пользоваться, но решила не говорить об этом, гардеробы с целым завалом различной одежды тоже не особо интересны. Один для женской одежды, другой для мужской.

Больше всего Наяду заинтересовал трофейный зал.

— Здесь собраны все артефакты, которые когда-либо добыли или получили представители Лиловых. Многим из них ни одна сотня лет, между прочим.

Леди вроде бы старалась говорить с гордостью в голосе, как и положено хорошей жене, но на ее лице написано совсем другое. В аду она видела эти артефакты и Хеуда вместе с ними. Поняв, что Наяда внимательно разглядывает не исторические ценности семейства Лиловых, а ее саму, Эванлин быстро нацепила на лицо привычную безэмоциональную маску.

В зале артефактов, бережливо убранные под витрину, стояло немало интересного, но Наяда решила оставить это на потом.

На первом этаже леди пропустила гостиную, которую служанка и так видела, сразу отвела ее на кухню.

— Готовить тебе не придется. Но возможно, кухарке понадобится твоя помощь, будь готова.

— А где кухарка?

— Понятия не имею. Господин Хеуд нанял ее вчера, уволив предыдущую. Она не будет здесь жить. Поэтому в ее отсутствие сервировка стола и мытье посуды — на тебе.

Прекрасно. Осталось узнать, что такое сервировка стола и с чем ее едят. Наяда закатила глаза, пока леди Эванлин этого не видела.

Столовая в серых тонах напоминала хорошо обставленную камеру пыток. Длинный стол, сдвинутый к окну с человеческого рост и десять весьма безвкусных стульев с мягкими спинками. Наяда не сильно представляла, как в таком помещении можно наслаждаться едой. Она помнила столовую в поместье лорда. Та столовая из каждого угла казалась уютной и живой, там хотелось не только кушать, но и жить. А сюда не хочется заходить даже ради вкусной еды.

— На этом всё. Нужно будет обсудить твои обязанности более конкретно. И довести твой облик до приличного вида.

Они вернулись в комнату леди, где она села в кресло и подозвала к себе служанку, попросила ее сесть на пуф и развернуться к себе спиной.

Когда она коснулась ее волос, Наяда чуть не замурлыкала от удовольствия. Чтобы она быстрее заснула, Робин часто гладил ее по голове, тихо напевая военные песни. Они странным делом успокаивали девушку.

Леди Эванлин с проворством дикого зверя занималась ее непослушными волосами, сведя их в длинную косу и обернув ее вокруг головы. Чтобы эта конструкция держалась, леди Эванлин зацепила ее волосы шпильками. К своей голове служанка теперь боялась притрагиваться, ей казалось, что все труды госпожи развалятся, стоит ей только коснуться косы.

Потом госпожа заставила Наяду показать ей руки, после некоторого сопротивления, девушка все же сдалась, густо покраснев. Но у нее создалось впечатление, что леди это занятие по душе, она давно не была в обществе живого человека и наслаждалась каждой минутой, делая из служанки красивую молодую девушку.

Спустя час ногти Наяды стали выглядеть по-королевски, иначе она это описать не могла, кожа рук благодаря стараниям леди перестала шелушиться и облезать.

— Не представляю, как вас отблагодарить, госпожа, — изумленно простонала девушка.

— Не нужно, достаточно того, что ты здесь. Но, а сейчас, — она всплеснула руками, — мой супруг наверняка проснулся. Тебе стоит ему показаться. Идем.

Наяда ожидала, что они подойдут к запретной спальне и подождут пока Хеуд вывалится из своего логова, но леди направилась к лестнице. На первом этаже она дошла до гостиной, встала у окна и принялась смиренно ждать. Наяда ее энтузиазма не разделяла. Чего они ждут? Зачем?

— Приятно видеть тебя преображенной, зверушка. — Хеуд зашел в гостиную, не издав ни единого звука. Наяда сомневалась, что человек так может.

Она впервые не могла понять, кому адресовано это оскорбление. Леди Эванлин тоже успела переодеться к пробуждению мужа.

— Под толстым слоем грязи скрывалась роза, — Леди постаралась улыбнуться девушке, обходя ее, чтобы приблизиться к мужу.

— Рад, что она пришлась тебе по вкусу, играйся, пока я добрый. — От этих слов леди вновь дернулась, улыбка с лица мгновенно сошла, но Хеуд будто и не заметил этого. — Как насчет обеда? Надеюсь новая кухарка тоже скрытое дарование в своем деле.

— Я лучше пообедаю в своей комнате, — грустно ответила леди Эванлин, отворачиваясь от мужа.

Наяда услышала в этих словах протест. Единственный вид неповиновения, на который леди еще была способна.

Хеуд схватил жену под локоть, как и Наяду прошедшей ночью, от этого обеих девушек едва ли не перекосило.

— Будешь делать то, что я скажу.

— Я поем в своей комнате, — ее голос опасно дрогнул.

Господин не обратил никакого внимания на то, как его новая служанка подобралась и наклонила голову, наблюдая за их диалогом, он вообще перестал замечать служанку. И как ни в чем не бывало размахнулся, чтобы ударить жену, все еще держа ее за локоть. Леди Эванлин зажмурилась, она не пыталась сопротивляться, не вырывалась из рук мужа, просто ждала удара.

Наяда заставила инстинкт самосохранения залечь на дне и подскочила к господину, заняв место леди.

Достаточно хрупкая на первый взгляд, настолько, что сбивает с толку, но сильные мышцы, скрываемые платьем, выдали в девушке что-то вроде бойца. Эванлин предпочла умолчать об этом, особенно после того, как служанка вовремя возникла между ней и мужем, поймав его руку.

Казалось бы, ничто не предвещало беды, разве станет разумный человек бить жену при чужих, однако же Хеуду не было дела до присутствия служанки.

Наяда крепко ухватила за руку господина, не выпуская ее и вздернула подбородок, чтобы смотреть Хеуду в глаза. Она не боялась его и не позволит леди Эванлин бояться.

— Что ты творишь, девчонка? — Зашипел Хеуд, одним взглядом обещая переломать служанке все кости.

Наяда показалась Эванлин бесстрашной и глупой. Только глупец способен так себя вести. Но она защитила ее, в самом деле защитила, рискуя собой, своей жизнью ради нее. Как и обещала.

От страха леди зажала рот рукой, чтобы не взвизгнуть.

— Когда вы взяли меня на работу, я обещала защищать госпожу, — Прорычала она, не торопясь отпустить руку Хеуда.

— Да как ты смеешь...

Наяда выгнулась, будто подставляясь для удара, подраживая тем самым господина и усмехнулась. Высший акт неповиновения.

— Хеуд, пожалуйста, она не понимает, что творит, — попыталась вмешаться леди.

— Заткнись! — Огрызнулся он на нее. — А ты... Ты об этом пожалеешь, грязная...

— Я вообще-то помылась сегодня, очень тщательно.

Близость к Хеуду сбрасывала с нее остатки разума. Она знала, что он опасен, он может лишить ее жизни одним лишь словом. И все равно готова была кидаться в стычку каждый раз, как видела его. Не потому что отчаянно хотелось защитить леди Эванлин, они особо то и не знали друг друга. Просто некий комок в груди из жажды противостояния и злости, поднимался всякий раз, как их взгляды встречались. Наяде казалось, Хеуд знает что-то такое, что ей бы очень пригодилось. Это раздражало еще сильнее.

Все эти годы, живя в Хорте, она изо всех сил сдерживалась, заставляя вести себя правильно, покорно, не вызывая подозрений и лишнего внимания. Но сейчас все в ней горело, угрожая взорваться. Наяда не понимала, что повлекло за собой такой всплеск чувств, видение или отражение в зеркале прошлой ночью? Тогда что-то надломилось в ней, выпуская наружу нечто новое, неизведанное.

А между тем вернулось и осознание реальности. Девушка медленно опустила руку и склонила перед господином колени.

— Мой разум помутился, милорд. Мне так жаль. Смею ли я просить пощады?

Однажды ничто не заставит ее поступать так.

Поздно, Хеуд успел заметить в ее глазах вызов, как бы она не умоляла, он не забудет того, что видел. Господин присел перед служанкой, одной рукой обхватил ее подбородок и приподнял. Он о чем-то думал, но о чем, Наяда не могла понять, слишком холодными

казались его глаза, девушка не понимала до конца, может ли этот человек испытывать хоть какие-то добрые чувства.

— Правильным будет высечь тебя и кинуть в тюрьму, гнить.

Его слова уже хлестнули девушку сильнее любой плети.

— Ты лишь подтвердила мои подозрения о своем кошмарном воспитании. С этого дня Эванлин займется этим, если хочет спасти тебе жизнь. — Он красноречиво взглянул на жену и снова посмотрел на служанку. — Больше повторять не стану, учти.

Леди Эванлин подхватила Наяду под руку и быстро увела в свою комнату.

— Ты хоть понимаешь, что наделала?

— Мне очень жаль, миледи.

— Нет, тебе не жаль, не ври! — Эванлин поцокала языком. — Пойми ты, глупое создание, он хотел тебя убить. Убить! Я уговорила взять тебя служанкой, чтобы ты была под нашим контролем и не взболтнула лишнего.

— Вы говорите о той ночи в лесу?

Наяда начала понимать происходящее. Ну конечно же, с чего бы Хеуду ни с того, ни с сего нанимать ее, да еще так рьяно. Он боялся. Боялся, что однажды язык девушки, которая видела то, чего не должна была, развяжется. В таком случае легче всего устранить это маленькое недоразумение, никто бы на него не подумал. Или, как предложила леди, у которой оказалось весьма доброе сердце, что неожиданно, держать ее на привязи, не позволяя открывать рот лишний раз.

— Что я тебе говорила утром? Веди себя тихо, молчи и прислуживай. Неужели так сложно?

— Он издевается над вами.

— Это... Это неважно, ясно? Делай, что говорю и не глупи. Не связывайся с ним. Никогда.

Предостережение Эванлин было до боли искренним. Она тоже кое-что знала.

— Скольких уже он убил?

— Молчи, Наяда, молчи! Не смей это произносить!

Она подчинилась, зная, что так будет правильно. Замолчала, снова склоняя голову. Но ничто на свете не сможет обуздать ее дух, ни Хеуд, ни его молнии. Ночью Наяда приняла решение, которому отныне должна следовать, ради его достижения. И она будет играть в эту

странную игру, подыгрывая господину-извергу и госпоже-птичке столько сколько будет нужно.

Птичка, именно так Наяда могла одним словом описать леди Эванлин. Маленькая, хрупкая, невысокого роста. Приятная внешность и большие испуганные глаза. Птичка, запертая в шикарной клетке, тщательно подготовленной хищником.

— Вы сказали, что многие дела будут на мне. Чем именно мне предстоит заниматься?

Леди Эванлин чуть расслабилась, получив тот вопрос, на который может ответить. Она поудобнее устроилась в кресле, не теряя ни капли грациозности и начала перечислять. По мере перечисления каждого пункта, Наяда поняла, что нужно было задать вопрос иначе: «Чего не предстоит делать?». Она пожалела, что некуда записать все наказы госпожи.

Так прошел ее первый день в Знатном Доме. Пока леди перечисляла кучу пунктов и подпунктов, Наяда размышляла, как сильно ее жизнь изменилась всего за один день. Теперь она тоже заперта в клетке. Хеуд хорошо подготовил эту ловушку для голодранки, которая в первую очередь подумает не о безопасности перед тем, как принять щедрое предложение, а о еде, которая сулит слугам в богатых семьях.

Но и он смертен, поэтому не учел лишь одной детали. Если он считал себя хищником, а неразумную служанку жертвой, то не просчитал, что жертва становится опасней любого хищника, в тот момент, когда ее загоняют в угол.

5 День служанки

Девушка открыла глаза и вскочила с кровати, бегая по комнате в поисках свежего платья и туфель. На службе в Знатном Доме ее пробуждение стало похоже на нечто нервное и приткое, будто находилась она на службе в королевской армии. Секунда на осознание, что проснулась. Еще секунд пять на подъем своего брэнного туловища. Быстро оделась, заплела волосы и побежала.

За неделю такого бешеного ритма Наяда почти к этому привыкла. Почти. На позднем завтраке она тайно зевала, стараясь делать это так, чтобы никто не видел, на позднем ужине была похожа на сонную муху однодневку: день отжила, к вечеру померла.

Как и предупреждала леди Эванлин, обязанностей у Наяды и в самом деле было предостаточно. Первые несколько дней она даже не успевала подумать о чем-то своем, после долгого дня падала на кровать и моментально засыпала.

Просыпаясь с рассветом, она бежала сервировать стол, теперь Наяда знала, что это слово не обозначает название блюда. Накрыв расставленную посуду шелковыми салфетками, девушка бежала в гостиную, чтобы разжечь посильнее огонь в камине. Одним только чудом не перепачкавшись в саже, опрометью бросалась в кухню, ставила греться чайник и убегала, зная, что через десять минут придет кухарка и продолжит работу на кухне.

Ее утренний ритуал сопровождался пробегом по дому. Стараясь ничего не забыть, Наяда на ходу перечисляла, что еще нужно сделать до пробуждения хозяев.

Она влетела в ванную комнату господина с пачкой свежих полотенец. Самое большое для тела, поменьше для злобной морды, еще меньше для ног и самое маленькое для мерзких рук. Она не понимала, почему ванная леди находится в ее комнате, а ванная господина на другом конце коридора от его комнаты, задумываться об этом было некогда. Разложив полотенца, девушка проверила наличие всего необходимо для того, чтобы вымыться и освежиться и побежала дальше, оставив дверь ванной приоткрытой, знак того, что она здесь была и все проверила.

Стараясь ступать как можно тише, Наяда прошла по коридору и тихонько постучалась в комнату леди. Ей ответил сонный, немного гнусавый голос, приглашая войти.

Леди Эванлин потянулась в кровати и сразу же застонала от боли. Пока Наяда была рядом, Хеуд больше не трогал супругу, но старые раны заживают не так быстро, как хотелось бы.

— Достань нежно-голубое платье. Хеуд любит этот цвет.

Наяда пожала плечами, но исполнила приказ. Она не понимала леди Эванлин, не понимала Хеуда. За неделю у нее создалось впечатление, что обоим супругам нравится некое противостояние и садизм в отношениях.

Леди однажды поделилась с Наядой, что получая очередной синяк или кровоподтек, на следующий день она покупает себе дорогое украшение, которое везут прямо из столицы Залеса. Наяда не стала спрашивать, как такое возможно, ей не хотелось снова показаться глупой, леди Эванлин и так достаточно часто обращала на это внимание.

— Помоги одеться, — прохрипела леди, с трудом поднимаясь с кровати.

Наяде после работы в полях тоже тяжело давалось пробуждение, руки, которые теперь зажили и стали намного нежнее, болели всегда, она даже не помнила такого благого времени, чтобы как сейчас, не ощущалось боли. Разогнуть спину прямо стало для нее настоящим прорывом, как и заставить отяжелевшие ноги двигаться. Но она никогда не вставала с кровати с таким трудом. Боль, которую приходилось ощущать ей, не шла в сравнение с тем, что чувствовала леди Эванлин. Никто никогда не бил Наяду, многие грозились, но еще никто не отважился попробовать. Она бы точно не стала терпеть, как леди. Лучше плеть у позорного столба, чем молчаливое принятие своей участи от чьих-то рук.

Наяда помогла госпоже затянуть платье и поднесла ей туфли-лодочки в цвет, помогла леди дойти до туалетного столика и принялась расчесывать ей волосы. За неделю госпожа научила служанку выделять с копной волос разные прически, как правильно следить за ногтями и содержать свое тело в порядке. По ее словам, гораздо приятнее видеть рядом опрятного человека, даже если это всего лишь слуга. Наяда жадно схватывала все, чему леди ее учила. Она даже

почти научилась вальсировать вместе с леди Эванлин, так госпожа предпочитала развлекаться, напевая приятную мелодию и кружась по мягкому ковру.

По вечерам она допоздна читала школьные книги по истории, но служанке в них заглядывать не позволяла. Однако иногда рассказывала что-то про Вонт, что-то про Доар, но только общие сведения, ничего интересного. Больше Наяде понравилось танцевать.

Служанка аккуратно расчесала мягкие волосы госпожи, завила концы горячими щипцами и вплела в пряди искусственные цветы размером с ноготь. Ей нравилось проводить время с леди Эванлин, она не была слишком строгой или тщеславной, как остальные представители Знатных Домов. Она скорее относилась к служанке как к подруге, Наяда почти готова была в это поверить.

— Чай подать в комнату или столовую, миледи?

— Муж сегодня должен проснуться рано, поэтому завтракать я буду с ним.

Наяда кивнула и поспешила на выход, сервировка стола оставалась на ней, кухарка для этой цели была слишком безвкусной особой, как отметила леди Эванлин.

Проходя обратно по коридору, девушка замерла на пару секунд около окна. Со дня работы у Лиловых она еще ни разу не покинула стены дома. Свежий зимний воздух так и манил вылезти на короткую прогулку в лес. К тому же за неделю город накрыл слой снега, все на улицах блестело и сверкало на солнце, словно сделанное из алмаза.

На лестнице от спешки Наяду угораздило подвернуть ногу. Она еще не привыкла до конца к невысоким каблучкам, которые требовала носить госпожа из-за маленького роста служанки. На самом деле Наяда не слыла низкой, ее рост скорее был средним, но не для Хорты, где люди издавна сложились крепкие и высокие. Даже слишком высокие. Она задумалась, припоминая. Дамир и Мардар выше нее головы на две, не меньше, а леди Эванлин почти на голову. Хеуду она едва доставала до груди носом, а вот Робин был с ней одного роста.

Потому что он тоже не из Хорты.

Эта мысль напомнила девушке об отсутствии семьи и детей у вояки. После наступления войны в Залесе старались жениться как можно раньше, чтобы успеть продолжить род, никто точно не знал, как мало ему отмерено из-за нависшей над головой угрозы. Многие кого

отправляли на фронт, не возвращались. Их слишком молодые жены оставались с детьми на руках, но так по крайней мере кровь погибших продолжала жить в их детях.

Робин так и не обзавелся семьей в Хорте. Причин могло быть две. Либо у него была семья, но в другом городе, в который он предпочел не возвращаться по каким-то личным причинам. Либо же, будучи чужим для Хорты, как и Наяда, семья по закону для таких была непозволительной роскошью. При жизни он никогда об этом не рассказывал, эта тайна умерла вместе с ним.

Влетев в столовую вихрем, девушка подхватила тарелки и столовые приборы, семена вокруг стола, чтобы все расставить к приходу хозяев. Закончив, она принесла из кухни тяжелый поднос с фарфоровым чайником и парой миленьких чашек, выпечку на двух отдельных блюдах и палочки корицы. Об остальном должна была позаботиться кухарка.

Наяда успела закончить за минуту до того, как в столовую вошел господин Хеуд.

Борясь с собой из последних сил, девушка опустила голову и присела.

— Приятно видеть, как тебя колотит от того, что приходится склоняться перед мной, — вместо приветствия заметил Хеуд.

— Доброе утро, милорд — сквозь зубы ответила девушка, сжимая кулаки. Сегодня она просто обязана быть умницей, чтобы попытаться отпроситься на прогулку.

Господин уселся на свое привычное место, махнув служанке, чтобы она занавесила окна, подобно пауку Хеуд ненавидел свет солнца. Воображение Наяды живо пририсовало господину пару лишних отвратительных пар глаз и шесть пар мерзких мохнатых конечностей.

Леди Эванлин вошла в столовую, не сказав ни слова, как и служанка, она не поднимала головы, присаживаясь в быстром реверансе.

Наблюдая как богачи напичкивают желудки едой, Наяда жадно глотала слюну, надеясь, что скоро и она сможет полакомиться. Постоянное недоедание сыграло свою роль, при виде чего-либо съедобного девушка начинала давиться слюной и слышать рьяное рычание мгновенно пробужденного желудка.

Наконец ей посчастливилось улизнуть из столовой обратно на кухню, пока хозяева были заняты собой и своим завтраком, Наяда удобно устроилась за разделочным столом, на котором Блоном начинала приготовление пищи, нарезаая мясо и овощи, отчего деревянная поверхность всегда пахла кровью. Кухарка поставила перед девушкой миску с кашей и тарелку с яичницей, приправленной специями.

Наяда втянула носом пряный запах пищи перед тем, как наброситься на нее и расплылась в улыбке. Единственное, чем хороша работа в подобном месте, — кормят досыта, так девушка успокаивала себя, когда приходилось видеть господина. Вообще она старалась избегать его присутствия по совету леди Эванлин, чем меньше они пересекаются, тем спокойней в доме.

— Вкусно, деточка? — Кухарка присела напротив, положив испещренные выпуклыми венами руки на столешницу и подперев подбородок.

— Очень, Блоном, ты волшебница, — довольно промычала Наяда с набитым ртом.

Кухарка улыбнулась, покачала головой, наблюдая, как девушка уминает кашу с проворством дикого зверя.

— Откуда же ты такая взялась, деточка. Ешь как мужчина, а выглядишь как лань.

Наяда не поняла, оскорбление это или комплимент, поэтому просто пожала плечами, не отрываясь от дела. Она знала, что многие относятся к ней предвзято из страха. Война сделала всех подозрительными друг к другу, она убивала в людях любовь и сострадание. Наяда много раз видела кровавые последствия войны, когда в Хорт возвращали распотрошённые трупы солдат. Но гораздо страшнее не изуродованные мертвецы, а горожане, ожесточающиеся всё больше и больше с каждым днем. Многие из них потеряли своих сыновей, отдав их королевству в качестве пушечного мяса. Еще больше тех, кто овдовел, такие раны калечили навсегда, оставаясь на теле неизгладимым рубцом. Но кто-то все еще верил, что рано или поздно войне придет конец. Наяда таких убеждений разделить не могла, она плохо знала историю Залеса, помнила, что война началась задолго до ее рождения. И если она не окончилась в ближайшие пару лет, значит не закончится вовсе. И ведь люди уже давно привыкли

жить в страхе и лишениях, растить детей только затем, чтобы со слезами на глазах проводить их на фронт. Правда из Хорта солдат забирали реже, чем в других городах, может быть дело в численности населения. Наяда как-то раз слышала, что лет десять-пятнадцать назад Хорт был одним из самых больших королевских городов, вторым по величине и населению после столицы Вонт. Здесь даже специально возвращали и тренировали тех, кто позже отправится на фронт, а не в городскую стражу. Что произошло потом, Наяда не знала, однако сейчас население Хорта значительно поредело. Множество заброшенных домов, достаточно хороших, стоят чуть за главной городской площадью, в нежилой части города.

Она была однажды в той части, где окна домов плотно заколочены, а патрули солдат редки. Наяда пробралась туда из интереса, зная, что горожанам ходить в заброшенную часть города запрещено. Случилось это через некоторое время после смерти Робина, когда девушка поняла, что нарушать законы не так уж опасно, если делать это аккуратно.

Наяда увидела десятки заброшенных домов, с табличкой на каждом. На табличках в основном перечислялись имена погибших солдат, живших когда-то в этих домах и даты.

После недолгой прогулки по мертвой части города, девушка поняла, от прежнего Хорта остался лишь жалкий отголосок города. Вдвое больше половины города отведено под руины из заброшенных зданий, тогда как живые обосновались вокруг площади и чуть поодаль от нее, ближе к реке, то есть в противоположной от руин стороне.

— Ты чего задумалась, деточка? — Хихикнула женщина, наблюдая за застывшей девушкой с ложкой каши во рту.

— Задумалась, — буркнула Наяда, стряхивая с себя воспоминания об увиденном.

Она быстро расправилась с яичницей, поблагодарила кухарку и отправилась в библиотеку, прихватив с собой пару тряпок. Полдня ей придется провести здесь, протирая горы книг, которые ей никогда не позволят прочесть.

Девушка невольно засмотрелась в окно, наслаждаясь видом снежной метели. Приличная часть окна обросла ледяным узором, настолько красивым, что у служанки захватило дух. На улице во всю

бушевала стихия, заволакивая снежным покрывалом улицы, деревья, крыши домов и макушки, перебежками снующих по делам слуг.

Наяда прижалась в окну носом, в надежде ощутить свежий морозный воздух. Она никогда не думала, что если отнять у нее возможность морозить зад на холоде, то она станет по этому скучать. На деле оказалось, что долгое время в заключении теплых стен Наяда сидеть не может.

Она тяжело вздохнула, возвращаясь к пыли. Сама виновата, никто не заставлял ее тащиться в лес пару месяцев назад, мольбы голодного желудка не в счет, и выскакивать напрямик на Хеуда. Однако если б не тот случай, то сейчас скорее всего, она бы коченела в своей хижине, медленно, но верно превращаясь в ледышку, что тоже не слишком радостная перспектива.

Спустя четыре часа, Наяда смогла наконец вылезти из библиотеки с видом человека, только что прочитавшего наисложнейший труд человечества. Подготовив столовую для обеда, она успела удалиться до того, как господин и леди явились к обеду.

Под бдительным взглядом Блоном, девушка буквально в два подхода выхлебала лучший в ее жизни суп, раньше в качестве супа она ела только отварную морковь с картофелем, приправленную солью и засушенными лавровыми листьями, залитые водой из реки, упорно называя это супом. Последнюю неделю Наяда радостно признавала свою ошибку, наслаждаясь творениям кухарки.

После обеда девушка снова взялась за тряпки, вымывая и без того чистые полы. К концу дня она тихо бурчала, проклиная Хеуда и его натуру жмота, из-за того, что второсортный колдунишка не мог себе позволить разориться на пару-тройку служанок.

Размяв затекшие ноги, Наяда успела до ужина убраться в гардеробе господина, где, по всей видимости, каждую ночь черт обе ноги ломал и вылизала витрины с трофеями, не в силах задумываться над их происхождением.

К ужину она как всегда помогла переодеться леди Эванлин и подкинула в камин в гостиной свежих дров, чтобы лучше прогреть комнаты. В последнее время госпожа все чаще мерзла, кутаясь в шерстяную шаль. Наяда начала подозревать, что дело не в холоде. Леди Эванлин похудела за несколько дней и осунулась, кожа ее посерела и обтянула впалые щеки. Глаза поблекли и казались

выцветшими, как та шаль, что леди накидывала себе на плечи, пытаюсь согреться.

Наяда много раз видела, как от разных болезней и просто от нищеты умирают люди и знала, даже чувствовала приближение костлявой, запах умирающей плоти, уставшей бороться за остатки жизни.

В этот раз ей пришлось придержать леди Эванлин под руку, пока она спускалась по лестнице в столовую. Дражайший супруг будто и не видел перемен в леди. Он как ни в чем не бывало кивнул жене, не обращая внимания на служанку и опустился на стул, изящно вытаскивая из-под тарелки белоснежную салфетку и кладя ее себе на колени.

Наяда твердо решила поговорить с госпожой перед сном. Так продолжаться не могло, если ее мучает болезнь, то нужно позвать лекаря, а если ее болезнь имеет имя Хеуд, то обратиться к лорду за помощью, отказать леди из Знатного Дома он просто не посмеет. Скандал и бунт знати Хорте ни к чему.

Наяда ощутила на своей щеке слабое дуновение ветра, будто поглаживание и невольно улыбнулась, только потом осознав, что это леди Эванлин поглаживает ее по щеке, позволяя удалиться. Вместо того, что быстрее исчезнуть и кинуться в кухню, где уже, наверняка ждал приготовленный для нее ужин, Наяда обошла стол и встала в тени у массивной шторы.

Решив не откладывать на потом, Наяда сделала глубокий вдох и решила попытать удачу.

— Милорд, позвольте спросить?

Хеуд перестал уплетать дивные пирожные, приготовленные старушкой Блоном и посмотрел на девушку.

— Так и быть, спрашивай.

Леди Эванлин предостерегающе посмотрела на служанку, она тоже перестала ужинать.

— Я уже неделю не была на улице, хочу прогуляться немного.

— И в чем же твой вопрос?

Наяда сжала челюсть, поджав и губы, чтобы не выругаться. Манера Хеуда вести диалог раздражала с каждым днем сильнее. Невозможно представить, какого приходилось весьма разговорчивой и нежной леди Эванлин.

— Я надеялась, что вы не будете против, — заключила девушка, стараясь выдавить улыбку.

— Нет.

— Нет?

— Нет.

— Нет..., — как попугай повторила девушка.

Наяда заставила руку, медленно ползущую к горлу господина, остановиться. Осознавая весь идиотизм этого бесполезного разговора, ей очень хотелось похрустеть костями. Костями Хеуда.

— Но почему? — Предприняла новую попытку девушка.

— Я не обязан перед тобой отчитываться. Если сказано нет, значит нет.

Леди Эванлин даже привстала, качая головой. Тихий умоляющий жест, чтобы остановить Наяду. Она знала моментально вспыхивающий характер служанки. Они успели это обсудить однажды. Леди Эванлин настаивала на том, что девушке нужно вести себя тихо, лишний раз не напоминая о своем присутствии Хеуду. Прошлым вечером она призналась, что очень привязалась к Наяде и не хочет ее потерять, а о безжалостности господина и напоминать не стоило. Наяда каждое утро, помогая леди одеться, видела следы его жестокости.

Они и в самом деле достаточно быстро сблизились. Это было странно и непривычно для обеих, кто бы мог подумать, что госпожа и служанка могут стать подругами.

— Я не пленница в этом доме, так почему же не могу ненадолго из него выбраться? — Механизм противостояния запущен. Наяда подняла голову и посмотрела прямо в глаза господину.

— С меня хватит. Видят боги, Эванлин, я старался.

Он встал, явно ожидая, что служанка забьется в ужасе. Но Наяда с радостью приняла вызов, гордо вздернув подбородок.

Они стояли друг на против друга, девушка ждала, когда руки господина заискрятся молниями, Хеуд, видимо, рассчитывал, что служанка вот-вот падет ниц, осознав свою ошибку.

— Хеуд, прошу тебя, — умоляюще простонала леди, тоже поднимаясь. С появлением в доме служанки, их жизнь явно стала разнообразнее на скандалы.

— Проси пощады, дрянь, — прорычал Хеуд, подходя к девушке вплотную.

— Я не обязана ничего у вас просить, — рыкнула в ответ девушка, не желая уступать, — милорд, — она присела в заученном реверансе, все еще не сводя взгляда с господина.

Наяда почти услышала, как терпение Хеуда натянулось до предела и лопнуло. Она переступила опасную черту, но вместо страха ощущала кипящий адреналин в крови.

Хеуд схватил ее за горло и закаркал ей прямо в лицо:

— Ошибаешься, девчонка.

Леди Эванлин взвизгнула от страха, уронив фарфоровую чашку. Жалко посудинку, она наверняка стоила намного больше, чем Наяда могла себе представить.

— В мой кабинет, живо!

С этими словами господин развернулся на месте и зашагал прочь из столовой, предварительно выпустив из рук горло служанки. Наяда удивилась, не заметив дыма, исходящего из его ушей.

— Ну зачем...

Слезы леди отрезвили девушку. Она подошла к ней, наклонилась, чтобы собрать стекло.

— Я с самого начала говорила ему, что не подойду для этой работы, — прошептала Наяда, убирая осколки.

Передавая осколки Блоном, девушка успела заметить сочувствующую улыбку кухарки, принимая осколки, она быстро провела по руке девушки. Для Наяды это было больше, чем просто участие или забота. Намного больше.

Поднимаясь по лестнице и заворачивая из одного коридора в другой, Наяда не испытывала ничего, кроме интереса. Вход в кабинет господина был для нее под запретом, она несколько раз ловила себя на том, что останавливается около запретной двери и тянется к ней рукой, благо девушка успевала вовремя себя одернуть.

Сегодня она увидит то, что скрывает Хеуд. Она не думала, о том, какое наказание ее может постигнуть, что бы не изобрел извращенный мозг господина, она это переживет и выплюнет, хотя бы ему назло.

Мгновение Наяда соображала, стоит стучаться или нет, решив, что не стоит бесить Хеуда сильнее, тихо постучалась.

— Войди, — эхом разнесся жестокий голос.

Девушка расправила плечи, распахнула дверь и вошла, не мешкая ни секунды, Хеуд не заставит ее бояться.

Не много времени понадобилось, чтобы догадаться, логово, которое в этом доме называют кабинетом, совсем не является кабинетом. Почти пустой, с двумя креслами в центре, одно из которых полностью железное без обивки, да массивный дубовый стол у окна, заваленный бумагами. Ни ковра на полу, ни картин. Стены голые, даже не выкрашены в какой-либо цвет, как в остальных комнатах.

Хеуд дожидался ее, стоя у окна и заведя руки за спину, на служанку он не посмотрел. Он долго молчал, не подавая вообще никаких признаков жизни, Наяде показалось, что господин даже моргать перестал.

Наяда приготовилась заговорить первой, когда услышала ровный голос господина.

— Каждый день я жалею, что не убил тебя в лесу.

Девушку перекосило от такого заявления.

— Что ж, в самом деле, значительное упущение, — подначила она.

— Если ты думаешь, я первый кто об этом задумался, то ты дура, Наяда.

Она решила пропустить мимо ушей, что господин впервые назвал ее по имени.

— Что вы имеете ввиду? — Впервые за свое знакомство с этим мрачным типом Наяда перестала испытывать отвращение, ее захлестнул интерес и беспокойство. Беспокойство значительно росло по мере того, как она разглядывала темный кабинет господина. Поначалу показавшимся почти обычным железное кресло, обрело четкие очертания, когда девушка смогла привыкнуть к темноте. На подлокотниках и там, где ножек кресла касаются ступни, свисают кожаные ремни с темно-коричневыми отметинами. Кровь. Наяда заставила себя не смотреть на оружие пыток.

— Я говорю о твоём появлении в Хорте. Ты никогда не думала, как оказалась в поле?

— Если что-то знаете, можете просто сказать, а не разыгрывать очередную драму! — Выкрикнула девушка.

Понимание, что Хеуд что-то знает о ее прошлой жизни жгло изнутри. Он тихо засмеялся и развернулся к девушке.

— Ты знаешь, почему я тебя нанял?

— В красках, милорд.

Леди Эванлин еще после первой стычки успела обрисовать служанке долгий недельный спор, о том, как с ней поступить, где леди заняла непрошибаемую (в это сложно поверить) позицию.

— Так вот пока что я не могу тебя убить, сейчас это привлечет внимание, которое мне не нужно, придется много и многим заплатить. Сомневаюсь, что ты этого стоишь.

— Это не повод держать меня взаперти. Даже у вас нет таких прав на мою жизнь. К тому же наем я больше, чем придется заплатить за мое убийство.

— Ты так хорошо знакома с законами, раз берешься утверждать?

Наяда подобралась перед тем как шагнуть навстречу Хеуду. Он не мог заставить ее бояться, не мог приручить как Леди Эванлин, поэтому пытался заинтересовать тем, что она мечтала узнать, за что она бы многое отдала.

Она скопировала стойку господина, чуть приподнимаясь на носках, чтобы быть выше и ухмыльнулась ему в лицо.

— Что, легко тягаться с теми, кто бессилен перед вами? Равного противника найти не пытались?

Лицо Хеуда выдавало в нем изумление, поэтому Наяда поспешила продолжить, увидев пробитую брешь.

— Мне наплевать на ваши планы, милорд. Наплевать на ваше милосердие, я не стану благодарить за то, что оставили меня в живых. — Наяда растягивала слова, каждым последующим вбивая ржавый гвоздь в глотку Хеуда. — И уж тем более, я не стану прыгать на задних лапках в надежде получить информацию, которой вы обладаете. То, что должна, я узнаю и без вас.

— Смело. Но глупо.

— Пусть так. — Наяда заставила себя засмеяться. — Но вы намного глупее, пусть и знатного происхождения, — вот сейчас она нарыла себе не только могилу, но и пару сотню ударов плетью, которые не переживет и столько же лет в тюрьме с отрубленной головой, — ведь вы совершили еще более глупую ошибку, приведя меня в свой дом.

Тут Хеуд не мог не признать ее правоту. Их по положению можно было назвать врагами и вести врага, пусть и не слишком уж опасного в

свой дом, чтобы держать его, а точнее ее на виду, по меньшей мере глупо и недальновидно.

— Предлагаю заключить сделку. — Господин взял себя в руки, блеснув холодными глазами.

Гул с улицы заставил обоих замолчать и забыть о разногласиях. По мере нарастания гула, Хеуд и Наяда удивленно переглянулись.

Спустя пару минут стала ясна причина гула. Один из солдат бил в набат, призывая жителей высунуться наружу из теплых зданий. Хеуд поспешил вниз, волоча за собой служанку и на ходу подхватывая под талию слабеющую жену. Все трое уставились в окно в поисках причины такого шума.

Долго ждать не пришлось. Наяда первой заметила темное облако из марширующих солдат.

Хеуд выскочил на улицу и обе девушки тенью последовали за ним, забыв про теплую одежду.

Наяда спустилась с крыльца, не обращая внимания на жгучий снег, западающий в туфли. Марш солдат в ее голове отдавался призывной дробью. Как бы не пыталась, она не могла отвести от них взгляд.

Многие соседи тоже повыскакивали кто в чем.

Группы новобранцев шли достаточно слаженно крепким строем. На ком-то совершенно новые доспехи, похожие на чешую дракона, черные с серебряными вставками. У кого-то заметно потертые и даже погнутые в некоторых местах. Наяда с ужасом догадалась, что эти доспехи достались совсем еще юным мальчишкам от отцов и братьев. Большинство из новообращенных воинов не успели обзавестись первой щетиной, но уже взвалили на себя бремя войны.

Наяда пробиралась между горожанами, чтобы получше рассмотреть солдат. Никто ей не мешал.

На лицах тех, кто постарше читалась обреченность. Парнишки помоложе старались храбриться и гордо задирать головы, чтобы их эмоции было сложнее прочесть.

— Они идут умирать. Их убьют, — сама себе прошептала Наяда, впервые в жизни холодея от подступившего к горлу страха. Это ощущение было настолько для нее в новинку, что девушка едва не задохнулась.

Горожане молча смотрели на солдат, глядя на них уже как на мертвецов. Король Сайвос сошел с ума, если забирает на войну почти детей. Наверное, каждый, кто вылез из дома подумал об этом.

Наяда набрала в грудь побольше воздуха, прижимая правую руку к сердцу и запела:

*Братья спешат на выжженную землю,
Чтоб исполнить приговор,
Шаг стальной чеканя,
Идут они на смерть.*

Ее голос разнесся по толпе, окутывая каждого, кто потерял в войне любимых и родных. Наяда не думала останавливаться. Впервые слова сами складывались вместе и превращались в грустную песню, почти что отчаянный крик, провожающий тех, кому не суждено вернуться.

*Отец говорил мне,
Война — есть смерть и зло,
Он познал всего сполна,
Пересекая поле трупов.*

Наяда заставила себя продолжить, взглядом найдя в толпе начальника стражи Вилмета. Ее голос стал сильнее и громче.

*Отец говаривал мне,
Король сошел с ума!
Проклято его правление
И венец кровавый.
Что голову убийцы...
Тот венец венчает.*

Последние слова девушка из себя выплюнула. По толпе горожан разнеслось удивление. Кто-то прослезился, кто-то застонал в голос, не смущаясь.

Хеуд подхватил девушку сзади, закрывая ей рот ладонью и оттаскивая из толпы. Наяда сопротивлялась, но слишком слабо,

заметив, как шагающие солдаты на ходу салютуют ей, прижав правые руки к сердцам, которые вскоре навсегда замрут. Многие из них в почтении перед другими павшими, которые уходили на фронт той же дорогой, опустили голову.

Кто-то из горожан подхватил ее песню, запев последний куплет. Это последнее, что Наяда слышала, пока Хеуд затаскивал ее в дом.

— Ты без чьей-либо помощи умудряешься рыть себе могилу. И с каждым разом получается все глубже. — Зарычал господин, прижимая девушку к стенке. Увидев белое лицо жены, застывшее от ужаса, он зашипел тише, так, чтобы его слышала только Наяда. — Ты хоть представляешь, чем это может обернуться?

Его дыхание неприятно обжигало девушке шею, но она не сопротивлялась.

— Город могут закрыть, идиотка. Могут ввести комендантский час, начать казнить людей на площади, отбирать у бедняков последнее. И все это из-за глупой песенки столь же глупой девчонки.

Он отпустил девушку, отпихнув от себя и ушел в свой кабинет.

Тогда Наяде это казалось невозможным. Лорд Ивенто не станет мучать и без того измученных людей. *«Он не такой»*, упорно твердила себе девушка. Дрожащие губы леди почти переубедили ее. Почти.

Она подошла к девушке так близко, что Наяда ощутила запах исходивший от нее. Запах смерти, запах быстро умирающего тела.

— Однажды, когда я была еще очень маленькой, город уже закрывали. В наказание у Знатных Домов стали забирать юношей и отравлять их на войну. Так моя семья потеряла единственного наследника.

Наяда всегда считала, что Знатные Дома неприкасаемые в подобных вопросах.

— Мне очень жаль вашего брата.

— Его звали Кристан. Если бы он был жив, мне бы не пришлось выйти замуж за Хеуда. — Леди Эванлин погладила девушку по плечу. — Иди в свою комнату, скорее всего за тобой скоро придут.

Это откровение ее ничуть не поразило. Наяда знала, чем рискует, когда пела прощальную песню для солдат. Видимо, казни начнутся с нее. Как бы показательные, для тех, кто может, как и она, усомниться в величии короля Сайвоса.

Наяда не спеша поднялась в комнату, отведённую для нее, присела на кровать, разгладив юбку и стала ждать.

Когда за ней придут, она не станет бояться. Тем самым она покажет остальным, что смерть — это не всегда конец. Иногда чья-то смерть знаменует начало чего-то нового, чего-то, что зародится в сердцах людей, которые устали терпеть.

6 Слишком много тайн

В феврале леди Эванлин умерла.

Наяда вошла в ее комнату утром, как обычно, чтобы помочь госпоже одеться и увидела ее лежащей в кровати. Эванлин не дышала.

Она умерла, как настоящая леди. Предположительно, среди ночи она проснулась и начала задыхаться, почуввав свой конец девушка заставила свое лицо принять спокойное выражение. Она не звала на помощь, иначе бы Наяда непременно услышала. С того момента, как здоровье леди Эванлин стало ухудшаться, она спала чутко, бывало, что пару раз за ночь, незаметно заглядывала в ее комнату, чтобы проверить, все ли нормально.

Упав рядом с кроватью госпожи на колени, Наяда гладила ее по ледяной руке, умоляя проснуться. Все должно быть совсем не так. Такие как Эванлин не должны умирать молодыми, не должны страдать.

Наяда почти не плакала, она знала, что госпожа не одобрила бы этого. Укладывая ее тело в более спокойную позу, служанка заметила в ее сжатом кулаке клочок бумаги с одним единственным словом: «Вейра». Что это значит или могло бы значить, Наяда не знала. Пока не появился Хеуд, она поспешила сжечь то последнее, что умирая, оставила ей подруга. Единственная, кто не считала Наяду чужой или опасной.

Девушка вдруг вспомнила, как леди Эванлин ласково заплетала ей волосы и обнимала ее, когда служанка готова была взорваться от злости на господина. Она вспомнила нежное поглаживание по щеке, танцы в комнате госпожи, в те недолгие моменты она улыбалась.

— Прощай, — прошептала служанка, отпуская руку своей госпожи и накрывая ее тело одеялом.

Когда господин Хеуд узнал о несвоевременной кончине своей жены, он лишь пожал плечами, не переставая при это отхлебывать чай и закусывать булочкой.

Наяда закусила губу, чтобы сдержать себя и от души не врезать бесчувственному ублюдку по физиономии.

Следующие два дня она прибывала в подобии транса, растеряв все чувства и эмоции. Чтобы подготовить тело леди Эванлин к захоронению, Хеуд позвал местных повитух, швырнув каждой по золотой монете. Но большая часть работы все равно легла на плечи служанки. В этот раз она не была против.

Наяда протерла тело госпожи чистыми тряпками, смоченным в отваре из засушенных роз, шиповника и крапивы. Девушка не знала местных богов, ей некому было объяснить, в кого верят в Хорте, поэтому она не знала, как прочесть молитву над телом подруги. Она не знала ни одной молитвы. Одна из повитух взяла эту роль на себя.

Пока та предавала душу Эванлин богам, Наяда смотрела на тело умершей, отмечая следы постоянных побоев. Помимо этого, девушка заметила то, чего раньше не видела. На запястьях и лодыжках леди кровавые следы от ремней, чуть выше запястья и на локтевом сгибе небольшие синяки и уколы от игл.

Закутывая Эванлин в шелковый саван цвета Знатного Дома Лиловых, Наяда пообещала отомстить за ее смерть.

С той ночи, когда Наяда показала открытое неповиновение, провожая солдат, многое переменилось. Ее не забрали и не казнили, как она ожидала. Но не потому, что власть Хорты слепа и равнодушна к подобным проявлениям. Просто каким-то чудом господин Хеуд смог выкупить ее жизнь, Наяда подозревала, что к этому по большей части причастна леди Эванлин. С того вечера ссор в доме больше не было.

Хеуд лишь один раз позвал служанку в гостиную, предложив ей сделку — она служит его жене и молчит, а он взамен поделится с ней тем, что знает, когда придет время. Точнее, когда станет доверять ей. Пока что такого чуда не произошло. Но с тех пор он и вовсе перестал замечать служанку, не причисляя ее даже к мебели. А леди Эванлин начала подолгу пропадать в кабинете-логове Хеуда.

Пару раз Наяда видела, как из этого кабинета Хеуд выносит бесчувственную жену на руках среди ночи. Она была уверена, что это и стало причиной ее скорой смерти.

На второй день после смерти леди Эванлин, Хеуд вошел в комнату жены, облаченный в строгий костюм темных оттенков, с цветком лиловой астры, приколотой к груди и лиловой лентой, повязанной на правом запястье.

В комнате он увидел Наяду на своем привычном посту подле госпожи. Под глазами девушки залегли тени, скорее всего, она не спала. Проигнорировав ее присутствие, Хеуд дал знак наемным слугам, они подняли тело госпожи, переложили ее на носилки и вынесли из комнаты.

— Я могу быть на ее похоронах? — Глухо прохрипела девушка.

— Сиди в доме, — отрезал Хеуд, удаляясь за небольшой процессией.

— Ты ее убил.

Хеуд остановился и замер. Наяда смотрела на его затылок и понимала, как сильно ненавидит этого человека. Все это время он знал! Знал, что его жена умирает по его вине и ничего не сделал. Она сидела прямо на полу, путаясь в водопаде юбок, в этот раз ненамеренная отступать.

Господин медленно развернулся, внимательно осмотрев девушку. Горе сделало из нее тень самой себя. Черно-синие круги под глазами, обкусанные губы, на маленьких ранках застыли крошечные капли крови, дрожащие руки. Платье Наяда давно не меняла, оно сильно измялось. Волосы распущены и спутаны.

Хеуд открыл рот, чтобы задать девушке взбучку, но увидел на ее лице бордовую слезу, скатывающуюся по щеке.

— Ты убил ее! — Громче повторила Наяда, смахивая слезу, превратившуюся в кровь тыльной стороной ладони. — Изверг!

— Не смей выходить из дома, ради своей же безопасности, — тихо ответил господин.

Наяда обняла себя за плечи, скрестив руки и согнулась по полам. Ее не интересовала своя безопасность. Ей просто хотелось проводить леди Эванлин, дважды спасшую ее от неминуемой смерти.

Она чувствовала, как в душе что-то скрипит и ломается. Просидев на полу еще около получаса, бездвижно, девушка вдруг резко подняла голову и распрямилась.

Она. Осталась одна. В доме.

Заставив себя встать, она вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь. Ей все еще казалось произошедшее злой шуткой, она ожидала, что скоро леди Эванлин вернется в свою комнату, распахнет тяжелые шторы и позовет Наяду, чтобы повальсировать, пока есть время.

Наяда остановилась перед дверью, ведущей в комнату господина. Мгновение она колебалась, а потом схватилась за ручку и распахнула дверь. Опрометчиво не поставить амбарный замок на свою обитель, которая хранит много злых тайн.

Выдержанная в теплых тонах, на первый взгляд ничем не примечательная, даже обставлена весьма полноценно, явно дышащая жизнью комната.

Наяда сразу же направилась к картинам, срывая их со стен. Чутье редко ее подводило, но даже оно тут не причем, за время, проведенное в Знатном Доме, она успела хорошо изучить господина. Он не замечал ее чаще всего, но служанка подмечала многое. Срывая и переворачивая картины, на каждой она находила сложенный пополам лист бумаги, собрав их вместе, девушка нашла ответы на свои вопросы, но решила повременить.

После она двинулась к столу у окна, перекопала его весь, собирая все документы, что удалось найти. Она прочтет их позже, если сможет. Похлопав по столешнице, девушка обнаружила выдвижную панель и маленький тайник, куда смогла поместиться одна единственная вещь. Баночка размером с мизинец, до края наполненная кровью. Наяда не знала и не хотела знать, чья эта кровь.

В нижнем ящике она нашла нечто похожее на кристалл неизвестной породы и письмо с королевской печатью. Этого было достаточно. Схватив с прикроватного столика настольные часы, девушка швырнула их в зеркало, она пару мгновений смотрела на свое размноженное отражение. Прощальный подарок. Сделала отражению лучший, на какой была способна, реверанс и вышла.

В своей комнате, девушка сложила все находки на кровати, достала из ящика одежду, которую в начале зимы принесла с собой в узелке. Она быстро переоделась в узкие штаны и черную просторную кофту с длинными рукавами, старые высокие сапоги на плоской подошве, и нашла свою старую сумку, оставленную ей Робинотом. Длинный ремень позволял перекидывать сумку через плечо.

Кристалл, склянку с кровью и все бумаги, кроме письма, девушка сложила в сумку.

Развернув письмо, она пробежалась по педантично выведенным пером словам. С каждой прочитанной строкой, уверенность девушки росла, а глаза расширялись в удивлении.

Забрав с собой подарок леди Эванлин, тяжелый шерстяной плащ с элегантною фибулой, девушка спустилась в гостиную и стала ждать, расположившись в кресле около камина. Она неустанно смотрела на вход, держа в руке письмо.

Ждать пришлось достаточно долго, Хеуд не торопился возвращаться с похорон, скорее всего заглянув в таверну, больше не брезгуя челядью. Когда стемнело, Наяда услышала скрип открывающейся входной двери и приготовилась.

Никогда в жизни она еще не испытывала такой решимости. За зиму она ни разу не вышла на улицу, целиком следуя договору с человеком, верить которому нельзя. Она наблюдала, как умирает подруга и ничего не могла сделать, не зная причин ее недуга. Теперь все встало на свои места, благо королевское письмо не имело шифра и вся информация излагалась на редкость прозрачно.

Кровоподтеки, слабость, следы на запястьях, бледность. Все стало понятно. Многие месяцы леди Эванлин теряла много крови.

Хеуд остановился на пороге гостиной, трезвея на глазах.

— Ты ставил над ней опыты, — Наяда потрясла письмом. — Я то думала, дело в извращенных любовных играх. Но ты ставил опыты над женой.

— Вот ведь сука, — припадая к стене, засмеялся Хеуд.

— Зачем, Хеуд? Неужели это стоило ее жизни?

— Верни то, что украла, девчонка.

Хеуд двинулся на нее, но Наяда успела достать склянку с кровью и крепко зажала ее в руке над огнем.

— Подойдешь и я брошу это в камин. Тогда тебе нечего будет отправить королю, верно?

Хеуд остановился, примирительно выставив руки.

— Наяда, положи это и мы поговорим, — предложил он, обходя девушку по дуге, но не приближаясь.

— Мы уже разговариваем. Ответь, зачем? — Наяда поморщилась, когда ее голос дрогнул от подступивших чувств. — Что это за опыты?

— Милая, тебе сложно будет это понять, а я не хочу раскрывать секреты, испытывая угрозу. Присядь, успокойся.

— Говори! — Девушка прищурилась, склянка опасно скользнула в ее руке.

— Хорошо! Хорошо, — Хеуд пригладил волосы, пытаясь вернуть себе спокойное лицо. Вышло у него не очень, мускул на лице подрагивал, угрожая выскочить и шлепнуть мужчину по щеке. — Это письмо пришло сразу после нашей с ней свадьбы. Его написал один из советников Его Величества. Понимаешь, через кое-какие опыты можно изменить геном человека. И это очень нужно Его Величеству. Но есть один побочный эффект, который тоже стал передаваться генетически. Способности, которые малообразованные и откровенно тупые, как ты, принимают за магию.

Наяда нахмурилась, многое из сказанного она действительно не поняла, но сейчас не время обращать внимание на очередной выпад в ее сторону.

— Что такое геном?

Хеуд засмеялся, тряся головой.

— Сказывается недостаток образования? Геном — это наследственный материал человека, заключенный в клетке. — Все еще видя непонимание, Хеуд продолжил. — У тебя прекрасные голубые глаза, девчонка. Возможно, у твоей матери или отца были такие же. Это и есть ген, переданный тебе одним из родителей или более старшего поколения родственников.

— Что именно вы меняли в генах людей, которых подвергали опытам?

— Многое. Это весьма долгая тема. Верни бутылку с образцом и возможно, я тебе расскажу.

— Хорошо, тогда скажи, что это за образец? — Наяда протянула склянку Хеуду.

— Кровь моей жены, почти изменившаяся. Но она была слаба, поэтому умерла, не пережив изменений.

Наяда усмехнулась, ловко пряча склянку в сумку.

— Гори в аду, продажный Лиловый ублюдок, — выплюнула из себя девушка.

Хеуд тяжело вздохнул, снимая с рук перчатки, которых раньше девушка не заметила. На ладонях сразу возникли ручные молнии.

— Видят боги, я хотел по-хорошему, — он поцокал языком, прежде чем молнии образовали из себя клубок и взметнулись с рук господина.

— Я не верю в богов.

Наяда ловко увернулась от молний, ожидая подобного нападения, каким бы умным Хеуд себя не считал, он слишком предсказуем. Подхватив кочергу, девушка заняла оборонительную позицию. Она не умрет сегодня. Ни за что не умрет, в память об Эвенлин, она обязана раскрыть секрет Хеуда и отомстить за подругу.

Подцепив кочергой тлеющие угли, девушка швырнула их в Хеуда, заставляя его прогнать молнии и закрыть лицо руками. Мужчина противно гаркнул, на лице остались небольшие ожоги, на руках тоже. Он разозлился не на шутку, сокращая расстояние между служанкой и собой.

— Убивая, я буду сдирать с тебя кожу, кусок за куском!

Наяда передернуло от угрозы, она даже скривилась от отвращения, но успела заблокировать удар Хеуда.

Он мог быть в тысячу раз умнее, сильнее и злее ее. Но тело девушки само подсказывало ей верные движения и выпады, ведомое жаждой мести. Она смогла обмануть его ложным выпадом и ударить кочергой в живот.

Хеуд согнулся, но лишь на мгновение, а когда распрямился, Наяда увидела, как его глаза сами стали углями, горя от злости. Он замахнулся для удара, но не слишком проворно, девушка успела отскочить и перевернула перед собой кресло, не позволяя Хеуду приблизиться.

— Сидеть тихо! Тебе нужно было всего то сидеть тихо, но нет! — Взревел он, огибая кресло. — Тебе обязательно нужно сунуть нос в чужие дела.

Наяда попятилась, выход из гостиной Хеуд блокировал собой. Во что бы то ни стало, она обязана выбраться из дома живой.

Думай, думай!!!

Прямо в нее снова полетели молнии, девушка припала к полу, закрыв голову руками, она слышала бешенный ритм сердца в собственной груди.

— Чего ты этим добилась, девчонка? — Рык Хеуда мог запросто сокрушить стены дома. На что Наяда в тайне надеялась, так было бы намного проще выбраться.

— Правды, — поднимаясь, прохрипела девушка.

Отбросив кочергу в сторону, она кинулась на Хеуда, повалив его под собой. Между ними завязалась драка, Наяда сразу вспомнила

драку с Кхевреном. Тогда они тоже валялись в грязи, норовя порвать друг друга. Но в тот раз, Наяде не угрожало ничего, кроме синяков и ссадин. Сейчас же на кону стояла ее жизнь.

Она вцепилась в плечи Хеуда, локтем давя ему на горло.

— И я не хочу умирать, — рыкнула она, надавливая сильнее.

Мужчина извернулся и обхватил Наяду за талию, скидывая с себя, она пролетела добрых девять футов и упала на спину.

— О, дорогая моя, от твоего желания теперь ничего не зависит, — задыхаясь откликнулся мужчина.

Оба тяжело поднялись, переваривая случившееся. Наяда усмехнулась, делая шаг в сторону. Выход открыт, она может сбежать. И в то же время, не может.

Хеуд заметил ее смятие и кинулся навстречу, преграждая ей путь к отступлению. Он действовал быстро, схватил девушку за горло и ударил в лицо. Если бы он не держал ее, она бы непременно рухнула обратно на пол.

— Наслаждайся, — шепнул он ей в лицо, противно улыбаясь.

Наяда почувствовала почти ласковое прикосновение второй руки господина к ее груди. Его ладонь засветилась, как в злополучную ночь в лесу. Ее тело мгновенно пробило молнией, девушка затряслась в судорогах, откидывая голову назад.

Она закричала, срывая голос, попыталась дернуться, чтобы вырваться, но Хеуд держал крепко, не позволяя ей лишних движений. Боль, зародившаяся в груди, медленно сползла вниз по телу, окутывая девушку, она закашлялась от крика и обмякла в руках господина, закрыла глаза, впуская в себя смертельные молнии.

Она вспомнила отца, он возник в ее воображении, улыбаясь и зовя за собой. Робин предстал перед ней совсем молодым без уродливых шрамов, покрывающие его руки и лицо. Наяда зарыдала навзрыд, больше всего на свете желая обнять его и принять протянутую руку. Она выгнулась ему навстречу, глотая соленые слезы.

— Рано, дочка, еще так рано, — возразил Робин.

Рядом с ним появилась Эванлин, в белоснежном платье без увечий, она потянулась к Наяде, но так и не коснулась ее.

— Думай, Наяда, не переставай думать! — Закричала она, ее рот неожиданно стал слишком большим и непропорциональным. —

Прими и вытесни! — Ее рот превратился в настоящую пропасть, выталкивая девушку из приятного небытия.

Она открыла глаза и увидела перед собой ухмыляющееся лицо Хеуда. Отец и Эванлин ушли, исчезли. Наяда чуть не разрыдалась на самом деле. Кровь, льющаяся из разбитого носа, попадала ей в рот.

Ей стоило немалых усилий поднять руку и обхватить руку Хеуда, удерживающую ее за горло. Боль резко вернулась, напоминая ей обо всем, что произошло.

— Даже сейчас ты остаешься непокорной, девчонка. Смирись и сдохни, наконец!

Хеуд плотнее прижал руку к ее груди, на его лбу выступил пот. Видимо, контролировать свои молнии ему было не так уж легко. Он закричал, усиливая натиск.

Наяда заставила себя вдохнуть полной грудью, чувствуя перебирающийся по телу разряд, сотрясающий все ее естество разом.

Прими, прими, прими...

Она начала чувствовать движение молний, рыскающих по жизненно-важным органам, пока еще они не добрались до сердца, что-то удерживало Хеуда, он не хотел убить ее быстро. Его темная сущность принуждала мучать девушку, изводить ее пыткой, лишая остатка сил.

Что-то настолько же сильное, заставляло Наяду не сдаваться, не отдаваться на милость Богам, о которых она ничего не знала и никогда в них не верила.

— Тьма, что так бела и свет, что черен, — одними губами прошептала девушка, лишившись голоса под силой Хеуда.

Но Хеуд понял и улыбнулся, обнажая острые зубы.

— Свет, что дается при рождении и тьма, что избирается единожды.

По всей видимости, эта фраза должна была что-то объяснить девушке, она не могла мыслить здраво, истощенная разрядом ручных молний господина.

Вытесни, вытесни, вытесни...

Она заставила свои пальцы шевелиться, преодолевая боль, сильнее обхватить руку Хеуда, впиваясь ногтями. Второй рукой девушка смогла дотянуться до плеча мужчины и крепко стиснуть его. Пару кошмарных мгновений она собиралась с силами, каким-то

нечеловеческим усилием принуждая молнии скатываться ниже, изгоняя их из себя. Почувствовав слабое облегчение, девушка выгнула спину, извиваясь в руке Хеуда.

— Чувствуешь приближение смерти, девчонка? — Будничным тоном произнес Хеуд. — Чувствуешь холод, который она несет за собой?

Наяда и правда ощущала то, о чем он говорил. Не разрешая себе слушать господина и поддаваться на его уловки, она извернулась в последний раз, чтобы выбрать позицию поудобнее и резко, насколько была способна, откинула голову вперед, ударяясь лбом в висок Хеуда.

Его хватка разжалась, выпуская Наяду. Не пытаясь удержаться на ногах, она рухнула на мягкий ковер, ободрав щеку. Хеуд упал рядом, потеряв сознание.

Она задыхалась от обилия воздуха, от способности владеть собственным телом, от боли, быстро покинувшей ее тело, когда Хеуд отключился. Наяда не знала, сколько он пробудет без сознания. Но вставать она не торопилась, жадно ловя ртом сладкий и такой нужный воздух. Она все еще дрожала, ощущая слабые остатки молний в организме. Теперь она знала, каково приходилось Эванлин.

Приподнявшись на руках, девушка поползла к опрокинутому креслу, из-под которого торчал ее плащ. Кое-как высвободила подарок госпожи и рухнула обратно на пол, пролежав так еще несколько минут.

Я жива. Я Наяда, создание, четыре года назад не имевшее имени, Наяда, потерявшая тех, кого любила. И я не сдамся.

Она могла бы пролежать так несколько дней, если б позволили обстоятельства. Наяда ощущала смертельную усталость, все тело ломило и все еще трясло. Дрожащей рукой девушка вытерла кровь, капаящую из носа.

Шатаясь, она все же смогла подняться и устоять, накинуть плащ и кое-как застегнуть фибулу. Опираясь на перевернутую мебель и неприятно ударяясь о стены от пошатывания, Наяда добралась до выхода, еще больших усилий стоило, открыть дверь и вывалиться наружу.

Она не знала, сколько времени у нее есть, но вряд ли Хеуд пролежит без сознания долго, позволив ей удирать.

Мороз оживил девушку, прогоняя остатки молний. Она смогла распрямиться и отпустила перила. Ночь подбадривала девушку, в ночи легче спрятаться, найти укрытие. Но только куда бежать? Где Хеуд не сможет до нее добраться?

Наяда накинула на голову глубокий капюшон, скрыв лицо и собралась с силами, чтобы смочь бежать. Никогда еще ей не казалось это таким трудным занятием, она невольно вспомнила, с какой радостью бегала в лесу и по дороге на работу в полях. Сейчас это занятие не вызывало прилива радости, не вбрасывало в кровь адреналин.

Девушка тяжело дышала и двигалась намного медленнее, чем в здоровом состоянии. Ее движения казались ей размытыми и заторможенными. Она с огромным трудом перебирала затекшими ногами и держалась за горло, все еще не веря, что с ним в комплекте не идет рука Хеуда.

Петляя между домов, она не пыталась звать на помощь. Никто ей не поможет. Даже если бы ее раздирали днем на площади, едва ли кто-то обратил бы на это внимание.

— Еще немного, совсем чуть-чуть, — сама себя подбадривала девушка, радуясь вернувшемуся голосу. Сейчас ее голос походил на хрип старухи травницы Тады. Но она все равно радовалась.

У фонтана на площади девушка остановилась и упала на колени около него, жажда воды пересилила инстинкт самосохранения. Не задумываясь о том, как это выглядит, Наяда окунула голову в фонтан, бьющий посреди зимы и холода, и стала жадно глотать. Ей казалось, что она никогда не напьется. Ровно до тех пор, пока не услышала голос Хеуда.

— Маленькая мерзкая изворотливая сука! — Прокричал он, ковыляя к площади.

Наяда подняла голову, вода стекала по подбородку маленькой струйкой, девушка не потрудилась закрыть рот. Она безумно устала. Половина лица господина залита кровью, от удара у него лопнула кожа над бровью. Малоприятное зрелище.

— Скоро начну принимать за комплименты подобные отзывы, — буркнула она в ответ, поднимаясь. Ледяная вода помогла собраться с мыслями и прийти в себя. — Это тебе за Эванлин, говнюк. Надеюсь, не скоро заживет.

Взгляд Хеуда обещал ей, что она вообще не заживет, если сейчас же не исчезнет. Наяда с радостью отметила, как сложно ему дается стоять на ногах. Знатный господин не привык, чтобы его били в ответ.

Собрав силы в комок, девушка припустила со всех ног, искренне надеясь, что бежит не как черепаха. За ее спиной что-то шумно гроыхнуло, Наяда не стала притормаживать, чтобы обернуться.

Она бежала к таверне, надеясь, что при зрителях, Хеуд не станет использовать свои молнии. Пьяные крики мужиков и грубые песни стали убаюкивающей музыкой для ее ушей. Наяда чуть не застонала от радости и удовольствия. Спасение так близко.

Девушка не смогла удержаться от соблазна и обернулась, увидев бегущего за ней Хеуда. Желая ему споткнуться и размозжить о камни голову, девушка ускорила. Она надеялась быстрее влететь в таверну и прыгнуть на шею первому попавшему, но обернувшись перед собой увидела только звенящую темноту.

Столкновение выбило из нее остатки уверенности. Не поняв до конца, в какую стену врезалась, девушка полетела на землю, крайне удивленная, ведь стена упала вместе с ней. Потом стена грязно выругалась и обхватила Наяду с обеих сторон.

Приоткрыв один глаз, она увидела под собой безумного господина и чуть не повторила его ругань.

Мардар смотрел на нее как на камень, упавший с неба и не мог понять, в чем дело.

— Спасите, — прошептала девушка, прижимаясь к сыну лорда.

Безумец отреагировал сразу, поднимаясь на ноги и поднимая девушку. Он крепко обнял ее за плечи и прижал к себе, ограждая от настоящего безумца. От столкновения Мардар заметно протрезвел.

— Милорд, — Хеуду хватило наглости улыбнуться, — прошу простить за это недоразумение.

— Что случилось?

Раньше Наяда не могла представить мир, в котором будет радоваться присутствию господина Мардара, на его месте она предпочла бы наткнуться на Дамира, но сейчас она с удовольствием прижималась к младшему господину, наслаждаясь его объятием.

— Эта девчонка, представляете, — слова давались Хеуду с трудом, он задышался и лишь усилием воли держался на ногах, — моя

покойная супруга оказала милость этой гадине, а она оказалась воровкой.

— Ну это не новость, — Мардар пожал плечами.

Наяда даже икнула от обиды, теряя последнюю надежду. Если сейчас младший господин предаст ее в руки Хеуда, ей конец.

— Тогда скажи, что я украла. — Подала голос девушка, пытаюсь выпутаться из объятий Мардара, но он держал крепко. — Скажи, ну же! — Потребовала она.

— Украшения моей милой Эванлин, — не моргнув соврал тот. — Позвольте мне забрать ее домой, милорд и решить это недоразумение.

— Ложь! — Что было сил закричала девушка, кидаясь вперед.

Мардар подцепил ее подбородок пальцем, вынуждая задрать голову, и заглянул ей в глаза.

— Обыщите меня, милорд, обыщите и вы увидите, он лжёт!

— Ты смеешь рассчитывать, что господин поверит тебе, дрянь?! Я высеку тебя за эту наглость! — Наигранно ревел Хеуд, белея то ли от раздутого гнева, то ли от потери крови.

— Пожалуйста, милорд, умоляю вас, пусть меня обыщут.

Хеуд жадно сверлил взглядом ее сумку, понимая, что обыск может повредить в первую очередь ему.

Из сторожевой башни выбежал Вилмет, на ходу поправляя форму и чуть не рухнул ниц перед Мардаром.

— Милорд, господин, о Боги! Вы целы? — Бедолага стал заикаться от страха. Если с младшим господином что-то случится, лорд Ивьенто живьем сдерет с него шкуру.

Мардар отогнал его движением руки, не желая тратить на него время, но начальник стражи не спешил уходить, однако заткнулся и не лез.

— Украшения, значит, — протянул он, разворачивая девушку лицом к себе. Из кармана брюк он выудил до отвращения чистый платок и вытер с ее лица кровь. — Стало быть за такую мелочь ты можешь поднять руку на девушку?

— Милорд, вы же видели, она пыталась сбежать.

— Что на самом деле произошло? — Мардар посмотрел на Наяду, ожидая ответа именно от нее.

Она открыла рот, пытаясь обличить в слова, все случившееся, но не смогла. Ей вдруг захотелось упасть и больше не вставать, драка с

Хеудом, открытие того, как умерла леди Эванлин, откровение, что за всем этим стоит король, все это тяжким грузом легко на ее плечи, проминая под собой девушку.

— Я не крала украшения леди Эванлин, — с трудом произнесла Наяда, ее голос дрогнул и сорвался, когда она произнесла имя госпожи. — Я бы не посмела, милорд. Я любила госпожу.

Это откровение смутило ее саму, девушка густо покраснела.

Вилмет хихикнул, но вовремя спохватился и прикрыл рот рукой.

— Сучка, ты за все мне ответишь! — Зарычал Хеуд.

Такая агрессия удивила не только Вилмета, но и Мардара, он плотнее прижал к себе девушку, закрывая ее от Хеуда.

— Имеешь наглость прятаться за господина! Отвечай за свои поступки передо мной!

— Уймись, — предостерег его Мардар.

Наяда съежилась, мечтая исчезнуть. Душевная боль потери жгла ее почти физически, она никогда не простит Хеуда за смерть леди Эванлин. Ловко извернувшись, Наяда улизнула из рук Мардара.

Ее тело двигалось само, Наяда ощутила прилив силы и полное опустошение, как когда ее впервые посетило видение о странной девушке-воине. Она боялась признаться себе, что видела ни какую-то знакомую из прошлого, а себя. Сейчас ее обрадовал подступивший приступ адреналина, кровь зашумела в ушах, когда она сжала кулаки и пригнулась, чтобы развернуться и наотмашь ударить Хеуда ногой в грудь.

— Это ты ответишь за ее смерть! — Взревела девушка.

Хеуд повалился на дорогу, Наяда села сверху, не чувствуя ничего, кроме потребности выпустить боль, которая копилась годами, наружу. Она приготовилась ударить мужчину в лицо, прекрасно зная, что столкновение его головы с камнем и этот удар наверняка убьют его. Больше всего ей хотелось именно этого. Она закричала, занося руку... Но она не успела.

Мардар подхватил ее под грудь и стащил с обмякшего Хеуда. Он обнял Наяду и прижал ее голову к своей груди.

— Тише. — Он успокаивающе поглаживал ее по спине. — Не кричи, успокойся. Он не стоит этого.

Вилмет тут как тут, заломил девушке руки, оттаскивая ее от блаженного тепла господина, да так проворно, что Мардар не успел

опомниться, как начальник стражи скрутил нарушительницу покоя.

Только сейчас Наяда заметила вокруг собравшихся пьянчуг вперемешку с солдатами. Она чуть не убила Хеуда на глазах у всех. Предвкушая, что произойдет дальше, девушка расслабилась, позволяя Вилмету окончательно скрутить ее, надеть железные наручники, представляющие из себя два согнутых толстых прута, закрепляемых стальным болтом и соединенных короткой цепью, и увести.

Она понимала, что Мардар бессилен, она накинулась на господина из Знатного Дома на глазах у солдат и горожан, едва не убив его. Наяда сбилась со счета, в который раз оказывается на волоске от смерти, ведь ей снова угрожает казнь.

Она усмехнулась, закрывая глаза. По крайней мере перед казнью ей позволят выспаться, пусть не на мягкой кровати, а на гнилой соломе, но это лучше, чем помирать уставшей.

Вилмет остановил ее перед камерой и снял наручники.

— В память о Робине, — тихо проговорил он, подталкивая девушку в камеру.

Наяда обернулась, благодарно улыбаясь перепачканными в крови зубами.

— Спасибо.

7 Сын лорда

Господин Мардар плелся по ночной улице, ему удавалось волочить ноги и не упасть навзничь в сугроб. Он был пьян.

И никогда раньше он еще так не напивался. Голоса, временами перерастающие в настоящий вопль, одолевали его, вынуждая сходить с ума. Прошлая ночь создала новую брешь в его сознании. Вспоминая отчаянный взгляд девушки и ее тихую просьбу о помощи, Мардар злился. Сам на себя, на Хеуда, на толпу, вывалившуюся, чтобы посмотреть представление. Не будь толпы, он смог бы ее защитить, послать Знатного ко всем чертям и увести девушку в безопасность.

Мардар все еще ощущал ее теплые руки на своей груди, цепкие пальцы оставили неглубокие царапины на его коже, но это мелочи.

«Спасите», прошептала ему девушка и голоса разом исчезли, не затаились далеко в сознании, они будто разбежались в разные стороны, оставив господина в покое. Его сознание прояснилось и за одно это он готов был ее защищать.

Мардар открыто проклинал законы и правила, созданные его отцом. Явившись домой после того, как Наяду скрутили и увели, он разнес в щепки всю мебель в гостиной, перебудил весь дом и открыто проклял лорда Ивьенто за его чертовы ограничения. Мама как всегда тихо заплакала, глотая слезы, чтобы никто их не увидел. В этот раз он не внял слезам Эдионы, предоставив Ивьенто разбираться с нервами матери.

Наяда не сопротивлялась, когда ее уводили, не кричала и не пыталась плюнуть Вилмету в лицо. Мардар сам видел, как она обрадовалась заключению, выдыхая с облегчением. По всей видимости тюрьма намного лучше дома Знатного. Но так же он видел не дюжую силу, заключенную в слабом девичьем теле. Когда Наяда кинулась на своего хозяина, Мардар при всем желании не сумел ее удержать. В мгновение миловидная девушка переменилась, сделавшись чем-то другим, опасным и смертоносным, держалась она как-то иначе, не как всегда.

Плечи чуть опущены, подбородок прижат к груди, а глаза... Ее глаза выдали в ней совершенно другого человека. Ее тело двигалось плавно, точно зная, что нужно делать, она будто танцевала, выгибаясь навстречу ветру.

Мардар постарался не смотреть в сторону площади, где все и случилось. Люди, которые еще не попрятались по домам, старались обойти господина широкой дугой. Пару недель назад Дамир пошутил, что его безумный брат своим присутствием в городе вынуждает горожан соблюдать введенный комендантский час намного лучше солдат. Эта глупая шутка не предназначалась для его ушей, но едва ли что-то могло укрыться от него.

«Безумец», шептались о нем люди. Выпускать этого безумца из поместья было большой ошибкой лорда, но у старика рука не поднималась отнять у сына единственное, что ему доступно.

Мардар знал, что ему уготовано. Когда появились голоса, родители пытались его вылечить, они перепробовали все возможные средства, привезли в Хорт столичных врачей, отец тогда сильно потратился. Ничего не помогло. С каждым днем становилось хуже. Какое-то время мальчишеская гордость заставляла Мардара бороться, пытаться изгнать голоса из своей головы или хотя бы не слушать их. Но в итоге он сдался. С тех пор наследие отца перешло к Дамиру,

младший сын остался ни с чем. Он никогда не будет управлять городом, хоть и знал его жителей гораздо лучше брата.

Лет в семь или восемь, совсем мальчишкой, он шнырял по подворотням Хорты босиком, резвясь с местной ребятней, домой возвращался перепачканный в грязи, всякий раз доводя матушку до обморочного состояния. Многие из тех ребят, бывшие его друзьями по играм давно обзавелись семьями, некоторые внуков уже поджидали. И все они шептались за его спиной: «безумец», забыв про детство, где он был обычным мальчиком, бегающий с деревянным мечом и представляющий себя храбрым воином. Люди очень быстро забывают хорошее.

— Мой господин, прошу вас, идемте, так поздно уже.

Элишка всеми силами старалась поспевать за господином, ей пришлось задрать юбки до колена и шагать настолько широко, что девушка рисковала навернуться и переломать ноги.

Мардар отпихнул девушку от себя, стараясь просто припугнуть ее, а не причинить вред. Как же она его достала.

— Милорд, молю вас, вернитесь домой, ваш отец так волнуется, — девушка снова приравнялась к его шагу. Настырная.

— Сколько он тебе платит? — Мардар резко остановился, и девушка чуть не врезалась в его спину. Она глуповато покачала головой, опуская юбки.

— Ивьенто. Сколько он платит за меня?

— Я не знаю, господин. Деньги получает мама, а я...

— А ты делаешь всю грязную работу. Несправедливо.

Элишка замерла, прижимая руки, сложенные домиком к груди. Сейчас она была похожа на испуганную птичку с большими оленьими глазами. Если бы отец не навязал ее Мардару, возможно они смогли бы сдружиться.

Мардар ощутил невыносимую усталость в мышцах. Он бы и рад пойти домой, но площадь не отпускала его. Он знал, что там, за поворотом в сырой камере сидит другая девушка, просившая его о помощи.

— Господин, позвольте вам помочь, вы так устали, утомились, — Элишка старалась говорить спокойно и ровно, как научила ее Эдиона, но этот тон еще больше раздражал младшего господина.

— Прошу тебя, уйди. Иди к своей матери или в поместье, куда угодно, Элишка, только уйди, — взъелся он в ответ.

— Не гневайтесь на меня, милорд, — улыбнулась девушка.

Мардар постарался как можно ласковее погладить ее по голове и увидел, как улыбка с лица Элишки медленно сползает.

— Проваливай, — прошипел он и отвернулся.

Он ненавидел себя за то, что заставляет ее бояться. Но что он мог поделать? С первого дня девушка шарахалась от него, как огнем ужаленная.

Стоило ожидать, что Элишка не тронется с места, преданно хлопая глазами.

— Так холодно, милорд, очень холодно, — для убедительности она потерла ладони, пытаясь согреть их паром изо рта.

Мардар подхватил ее за локоть и поволок за собой. В этот раз она победила, благодаря настойчивости. Но завтра ему обязательно удастся ее отослать и дойти до городской тюрьмы.

Мужчина наблюдал за ловкими пальцами Элишки, пока она расстёгивала пуговицы на сюртуке и раздела его. Он не сопротивлялся, привык уж, что девчонка возится с ним как с шальным ребенком. Его недовольство выдавала только кривая ухмылка.

— У тебя есть кто-то на примете? — Вдруг спросил господин.

— Что вы имеете ввиду, мой господин?

— Мужчина, друг, за которого ты могла бы пойти замуж, — подбирать слова становилась труднее, Мардара начало клонить в сон, он старался удерживать последние крупницы сознания.

— Нет, мой господин, моя жизнь целиком принадлежит вам.

Мардар грустно выдохнул.

— И ты не собираешься замуж? Не хочешь создать собственную семью?

— Нет, мое счастье — это быть рядом с вами, милорд.

Девушка повесила одежду господина в шкаф, расстелила его постель, взбила подушки. Она бы приготовила и ванную, но сомневалась, что у господина Мардара хватит сил.

— Что если я заплачу тебе? Именно тебе, Элишка. И ты уйдешь навсегда.

Девушка повернулась, чтобы видеть господина. Она улыбнулась и наклонила голову набок, как проказливый щенок.

— Я не могу уйти, мой господин. Лорд Ивьенто не позволит.

Мардар опасно приблизился к ней, склонившись перед девушкой, чтобы быть одного с ней роста.

— А мы вот, что сделаем, — доверительно зашептал он, склоняясь над ее ухом.

Мужчина вертел в руке простенькую женскую заколку, перекручивая ее между пальцев и мечтательно улыбался. Прошло пять дней с тех пор, как он оттаскивал Наяду от Знатного. Он вспоминал жизнь до того, как появились голоса. Все его существование разделилось на до и после. Мардар давно потерял надежду, если редкие проблески и случались, то длились не долго, а по истечении этой короткой передышки, голоса возвращались и становились агрессивнее.

Сейчас надежда вернулась вместе с голубоглазой девушкой. Только бы она его не боялась, мечтательно размышлял младший господин.

В его покои тихо постучали и сразу вошли без разрешения. Мардар не видел смысла разворачиваться к гостю и продолжал вертеть заколку.

— Достал?

Младший господин кивнул.

— Ну?

Он тяжело вздохнул, поднимаясь. Из ящика в столе он достал сложенные вместе листы бумаги, завернутый в платок кристалл и склянку с кровью, все это он передал в руки пришедшего, стараясь не смотреть ему в глаза.

С одной стороны, он совершал предательский и непоправимый поступок, передавая вещи, которые достались Наяде с таким трудом, она жертвовала собой, чтобы вынести это из дома Хеуда. С другой, он просто выкупал ее жизнь у отца. Для Ивьенто ничего не значило казнить еще одного человека.

— Поклянись, что исполнишь обещание, — Мардар задержал руку на кристалле, дожидаясь ответа.

— Разве я когда-нибудь подводил тебя, брат? — Дамир улыбнулся, принимая ценные дары. Он сразу догадался, когда Элишка прибежала в кабинет их отца зареванная и побитая. Мардара можно было обвинить во многом, но не в насилии. — Ты хоть знаешь, сколько отцу пришлось заплатить ее мамаше?

— Меня должно это волновать? — Нахмурился младший господин. — Это была его идея, я не нуждаюсь в няньке.

— Точнее, в этой няньке, ведь тебе по нраву другая.

Мардар не стал спорить и просто кивнул. Едва ли расчётливый подлый братец способен его понять.

— Хочешь поступить правильно? Сожги все эти побрякушки, — попытался он вразумить брата.

Дамир громко рассмеялся и махнул в сторону Мардара рукой.

— Вот ведь глупец. Ты хоть знаешь, что это?

Ему не было дела до королевских заговоров и прочей гадости.

Дамир оставил брата, не прощаясь.

Голоса наступали, крича, ругаясь, умоляя, презирая, проклиная. Мардар стиснул голову руками, скалясь и сдерживая крик. Из носа маленькой струйкой потекла кровь, младший господин тяжело опустился на кровать, уговаривая себя потерпеть. Скоро. Совсем скоро все закончится.

8 Девять лун

В первое же утро в тюрьме Наяда остро ощутила, как плохо быть смертной, состоять из крови и плоти. Во время драки с Хеудом она не ощущала полноценно весь спектр болевых ощущений, находясь в том состоянии, когда можно отрезать себе кончик пальца и не заметить.

Очнувшись утром, она едва ли могла пошевелиться. Поначалу девушка не понимала, что болит сильнее, но пришла к выводу, что одинаково протягивает болью каждую клеточку ее тела. Скорее всего последствия ручных молний. У нее не нашлось сил для того, что почесать саднящую щеку и утереть рукавом корку крови из-под носа.

Огромным трудом стало рассмотреть камеру, лишь дважды повернув голову в разные стороны. Но даже не смотря на опустошение и боль, сердце девушки отбивало дробь, требуя действовать. К вечеру она заставила себя встать на четвереньки и проползти до отхожего места в качестве железного ведра. Обратный путь до подстилки занял у нее вдвое больше времени.

Из-за головокружения в глазах у узницы двоилось, камера стала казаться больше и шире, чем была изначально.

Поздним утром того же дня она услышала тяжелые шаги Ниоина, начальника тюрьмы. Он проходил вдоль камер, стуча ключами по решеткам и нес в одной руке поднос с двумя большими кружками с водой и две миски с непонятной жижой. Изысканные тюремные кушанья он просунул под решетку и усмехнулся, глядя на новую заключенную.

Когда он ушел, Наяда попробовала повернуть голову и застонала. Остаток первого дня она просидела без движения, подпирая стену.

На второй день Вилмет принес ей таз с водой и относительно чистую тряпку.

— Тоже в память о Робине? — Печально улыбнулась девушка. Вилмет осторожно кивнул, присев перед камерой.

— Когда меня казнят?

В ее голове этот вопрос не звучал так сухо и бесстрастно, весь свой пыл девушка растеряла, осталась только горстка пепла с именем и яркими глазами.

— Возможно скоро, — начальник стражи поцокал языком.

— Возможно? — В собственном голосе девушка услышала непривычную горечь.

— Пока не могут решить за что, — Вилмет постарался подвинуть таз поближе к заключенной. Он сочувствовал девушке, хоть и не имел возможности ей как-то помочь.

— За воровство или нападение?

— Ох, детка, не только. Нарушение комендантского часа, нападение на Знатного, кажется, еще ты ужасно выражалась и сбила с ног сына лорда.

— Комендантский час? Я про него и знала, — девушка нахмурилась. Всю зиму она не выходила из дома, и только сейчас вспомнила о предупреждении Хеуда, видимо, он не ошибся. — Тогда судить должны и пьянчуг у таверны.

— К мужской части населения эти меры не относятся.

— Как всегда честно.

Когда Вилмет ушел, Наяда точно не знала, в какой момент это произошло, в момент их разговора она просто отключилась, а когда пришла в себя, начальника стражи уже не было, она попыталась пошевелить руками. Каждое движение отдавалось в теле глухим спазмом, напоминающим, что она пережила.

Чуть привыкнув, девушка поползла до таза и смогла промочить лицо и оттереть кровь, следом занялась руками, но кровь из-под ногтей выскрести так и не смогла. Красные полосы в виде полумесяцев остались напоминанием. Свежая ледяная вода немного отрезвила ее воспаленный мозг, покалывание в пальцах стало для нее приятной неожиданностью, живя у Хеуда она быстро привыкла к теплой воде.

Второй день подряд девушка игнорировала гадость, которую Ниоин называл едой, ее организм, привыкший за зиму к регулярному кормлению, быстро истощался. К концу дня девушка почувствовала усталость, хотя вставала всего дважды, второй раз, чтоб залпом осушить кружку воды.

Большую часть времени она сидела, вспоминая Эванлин. Ее смерть не отпускала девушку. Уход Робина Наяда восприняла легче, все же он был в возрасте и умер по естественным причинам. Наяде некого было винить в его смерти. Леди Эванлин другое дело.

Наяда вспомнила о клочке бумаги, который Эванлин зажала в руке перед смертью. Вейра. Пока Наяда не узнала, что это значит и скорее всего, уже не узнает. Это беспокоило ее меньше всего.

Гораздо сильнее ее волновала так и не свершившаяся месть над Хеудом. Она обязана была доказать его вину, если их повесят вместе, так ей будет намного спокойнее.

Наяда подскочила, игнорируя головокружение, боль и подступившую тошноту, заслышав шаги Ниоина.

— Эй! Постой, подожди! — Взмолилась девушка, цепляясь за прутья решетки и пытаясь просунуть сквозь них голову.

— Чего тебе?

— Где мои вещи? Моя сумка?

— Тебе здесь не положено свои шмотки иметь, милочка. Все, что у тебя было, изъяли, так сказать, — хмыкнул начальник тюрьмы.

— Нет-нет, ты не понял. В моей сумке доказательства вины одного человека, просто передай их лорду Ивъенто, прошу тебя.

Ниюин поморщился и прыснул от смеха.

— Еще чего удумала. Сиди себе и доживай свое, да помалкивай, милочка. Не люблю шибко разговорчивых.

— Ты не понимаешь! — Закричала девушка в пустоту. — Не понимаешь, черт бы тебя побрал!

Она схватила тарелку с нетронутой жижей и запустила ее в решетку. Противный лязг и брызги гадости по крайней мере смогли разозлить Ниоина. Он вернулся, держа в руке палку.

— Передай сумку лорду! — Наяда отскочила к стене.

— Сказано же тебе, молчать! — Ниюин открыл дверь камеры и бросился на девушку, с силой прикладывая ее палкой.

Наяда повалилась на вонючий каменный пол, сворачиваясь в комок и старалась прикрыть голову от ударов. Она бы закричала, только не видела в этом смысла, крик явно не разжалобит начальника тюрьмы. Вместо этого она мысленно подсчитывала количество ударов. Один. Пыхтение и свист замаха. Два. Три. Четыре. Ниюин тяжело задышал. Пять. Шесть. Он остановился, опустив руку с палкой. Плюнул себе под ноги и ушел.

Наяда лежала на полу, пропитанном чужой мочой и неведь чем еще, она заставляла себя делать вздох и через каждые десять секунд выдох. Легкие нещадно жгло. Смотря в пустоту девушка вспоминала

все четыре года своей жизни. Ночные посиделки с Робинот, работу в поле, встречу с господином Мардаром на реке, драку с Кхевренот, четырех слаженных всадников на лугу. Каждый прокрученный в голове фрагмент жизни, заставляя ее дышать. Люди, которых она любила и которых, хотела бы никогда не знать. Клятва королю Сайвосу и правящему лорду Ивенто. Старая покосившаяся хижина у черты леса, по-своему уютная, хранящая небольшую тайну под полом. Все сейчас имело для нее значение.

Она помнила, как Лоуит обучал ее сельскому хозяйству, не просто потому что лорд наказал, чтобы невесть откуда взявшаяся девчонка была полезна хоть в чем-то, а потому что ему в самом деле нравилось этим заниматься. Рассказывая, как полоть землю или сажать побеги, фермер шурил глаза от удовольствия. В первый день он провел Наяду по своим владениям, показав ей молодые побеги гороха, лука и льна. Чуть позже рассказал, как правильно сажать пшеницу и овощи, показал, как ухаживать за виноградником, научил добывать коконы шелкопряда. Их в Хорте было не так чтоб много, но на горожан хватало. Чтоб добыть из коконов волокна шелка уходило немало времени, но фермер любил сам с этим возиться. Шел высоко ценился не только в Хорте, но и во всем Залесе, кто попало его себе позволить не мог. Лоуит шелк не продавал в столицу, он продавал его Веомесе в Лавку мелочей, чтобы та смогла на ткацком станке сделать из него что-то полезное для обычных людей.

Однажды на пороге Наяды появилась старуха Тада, жестом призывая девушку за собой. Она показала ей, дикие яблони, объяснила, какие грибы можно собирать, чтобы не отравиться, научила собирать орехи и дикие травы, сушить их и использовать зимой, когда природа скупа на дары. Наяда не знала, почему травница тогда пожаловала к ней, догадывалась, что об этом старуху попросил Робин. При жизни он старался как можно больше вложить в приемную дочь, чтобы она смогла выжить одна, будто чувствовал, что ему не долго осталось.

Наяда давно не была дома и жалела, что так и не успела за зиму заглянуть в свою хижинку, провести рукой по отцовском мечу, прощаясь. Она о многом жалела, но больше всего о том, что не смогла убить Хеуда. Скорее всего ублюдок сможет оправдаться и продолжит

жить, творя свои страшные дела. Скольких он еще погубит, перед тем как лорд заметит неладное?

Девушка закашлялась, сплевывая кровь. Первые лучи солнца пробились через узкое окно под потолком, их блеск напомнил Наяде о двух золотых монетах, которые ей так и негодились. Через силу она заставила свое лицо улыбнуться, вспоминая, как заполучила их. Именно тогда все пошло наперекосяк в ее жизни, будто кто-то запустил маховик, заставляющий девушку совершать ошибки одну за другой.

Свежее весеннее солнце не могло пробиться настолько, чтобы согреть продрогшие кости узницы, оно навеяли давно позабытые воспоминания.

Она кружится посреди лесной поляны с диким яблоком в руке, в то время Робин еще был жив и сидел в тени под деревом, прячась от летней жары. Наяда смеялась, напевая пошлые песенки Фолвика, подслушанные в таверне, и отец тоже смеялся, щурясь.

Устав кружиться, она упала в мягкую траву, прикрыв глаза от наслаждения и громко откусила спелое яблоко, чавкая.

Чуть позже Робин повел ее, собирать дикую малину. Лопая кислосладкие ягоды без остановки, Наяда вся перепачкалась. Отец отдал ей свою порцию малины, потрепав девчушку по волосам.

— Грязнуля, — констатировал он, пытаясь не смеяться.

Еще двое суток девушка пролежала в полубессознательном состоянии, улыбаясь как идиотка. Тюрьма начала казаться ей ненастоящей, плодом воспаленного воображения. Очухавшись от палки, отходившей ее по спине по милости Ниоина к шестому дню, Наяда принялась мерить камеру широкими шагами. Заключение слишком быстро заставляло ее дичать. Наяда больше не могла отсиживаться в камере, самая худшая из пыток, — ожидание.

Схватив тарелку со свежей жижей она повторила свой поступок, швырнув ее в решетку, туда же полетела и пустая кружка.

Ниюин не заставил себя ждать. Наяда наблюдала за тем, как он спешит к ее камере с палкой на перевес и пыхтит, дожевывая что-то повкуснее жижи. В этот раз она была наготове.

— Не понимаешь с первого раза, да?

Начальник тюрьмы отворил дверь камеры, переводя дыхание и прямо с порога замахнулся палкой на девушку. Наяда подалась в сторону, уходя от удара и перехватила незамысловатое оружие мужичка. Дернув палку на себя, свободной рукой она толкнула дверь камеры, отрезая Ниоина от себя. Тюремщик злобно зашипел, тряся придавленной конечностью.

Наяда выждала, пока он придет в себя и снова ринется на нее. В этот раз она присела, кончик палки зацепил ей только плечо. Она ударила тюремщика под колено и вскочила, чтобы ударить в горло.

Жилистый толстячок грузно осел, кряхтя и ругаясь.

— Что тебе надо-то? — Прорычал он, силясь подняться.

— Ничего, — ухмыльнулась девушка, — развлекаюсь в ожидании казни.

Тюремщик огрел ее отборной руганью и погрозил кулаком. В следующие дни еду и воды приносил молодой крепкого вида солдат с каменным надменным лицом. На выпады девушки он никак не реагировал. Она стучала по решеткам, кидалась в него едой, кричала, ругалась, но ничто не выводило его из себя. Один раз он пригрозил ей пальцем, показывая на свой рот и качая головой.

— Прости, я не знала, — пробубнила Наяда, съезживаясь. Больше она не досаждала немому.

На седьмой день она с благодарностью проглотила всю жижу и даже облизала тарелку, ее резко затошнило и повело в сторону. Наяде пришлось схватиться за прутья, чтобы не упасть. Вкус только что проглоченных отходов напомнил ей то, чем кормят свиней на ферме. В одно большое ведро скидывают все остатки еды от огрызков яблок и картофельных очистков до обрезков жира, оставшихся от мяса.

Кое-как она сдерживала рвотные позывы, умоляя свой желудок уgomониться. Вода не прогнала ужасный вкус отходов. Наяда села у решетки, закрыв лицо руками и заплакала. Она редко позволяла себе это занятие, считая слезы недопустимой слабостью, сейчас вроде как время было подходящее, к тому же никто ее не видел и не слышал.

Уткнувшись в грязные ладони, девушка заскулила от обиды и отчаяния. Она не хочет умирать, только не так. Казавшиеся пару месяцев назад простыми, правилами, которые один единственный раз ей перечислила леди Эдиона, стали для нее залогом спокойной и размеренной жизни в Хорте. Наяда искренне верила, что соблюдая их

все, сможет не выделяться и прожить долго, пусть и не слишком счастливо. Когда же все успело так быстро рухнуть? Одно неверное движение, одно неправильное слово и запустился механизм невозврата. Нарушив единожды, она уже не могла остановиться и продолжала нарушать. Иногда это оставалось незамеченным, но что теперь с того толку.

Наяда потрогала щеку, ссадина за неделю успела затянуться и покрыться неприятной коркой, которая постоянно чесалась. Она уже не и помнила, как ободрала кожу. Всякий раз, пытаясь воскресить в голове события той ночи, она помнила только молнии, свободно гуляющие по ее телу и кровь, капающую из носа на дорогуший ковер. Интересно, как все это время поживает Хеуд.

— Я до тебя доберусь, — злобно прошипела девушка, обнимая себя за плечи. Она представляла расправу над Знатным господином в красках, придумывая десятки вариаций его смерти.

Когда ее выведут на помост к виселице, она вырвется и кинется на Хеуда, она не умрет одна.

Девушка встряхнула головой, приходя в себя. Лучше бы она согласилась на помощь жены кузнеца и осталась на зиму у них. Вот где было верное решение, которым Наяда пренебрегла.

Приткнувшись около стены, она сложила ноги и стала покачиваться, будто в трансе, больше ни о чем думать не хотелось. Мысли ее только больше будоражили, раздражали. Если она хочет остаться жива, то должна оставаться спокойной. Должна понять, как выбраться из очередной передраги.

Утром восьмого дня, Наяда услышала голоса возле входа в городскую тюрьму, один из которых принадлежал Вилмету. Сглотнув ком в горле, девушка сразу все поняла. Скоро. Скорее всего ее судьбу уже решили.

Она ухватила немного солдата за руку, когда он подталкивал миску с едой под решетку и требовательно потащила его на себя.

— Не уходи, пожалуйста.

Солдат пожал плечами, указывая на что-то в стороне выхода.

— Нет, прошу тебя, всего пара минут. Я знаю, что скоро за мной придут.

Солдат грустно понурил голову и расслабился, поняв, что девушка не станет на него нападать. Наяда просунула вторую руку между

прутьев и притянула парнишку к себе, довольствуясь подобием объятий, солдат не сопротивлялся, он приобнял заключенную, почти ласково поглаживая ее по спине мозолистой ладонью. Наяда показалось, что они стоят, обнявшись, целую вечность, она не хотела отпускать своего молчаливого тюремщика. Вскоре он сам осторожно отодвинул девушку и развернулся, чтобы уйти, но подумав, снова посмотрел на нее и прижал правую руку к сердцу.

Наяда прослезилась, поступок парнишки тронул ее за живое. Он помнил морозный день, когда она пела песню для новобранцев, провожая их на смерть. Он тоже там был.

— Я даже твоего имени не знаю, — заметила девушка, провожая солдата. — Может так будет лучше.

Оставшийся день, она металась из угла в угол, разворошила ногами гнилую солому, распугала снующих повсюду крыс. До следующего дня она не спала, прохаживаясь по камере. С восходом солнца, Наяда умылась, ногтями потерев кожу на лице, отчего она сразу покраснела, прополоскала рот и попыталась пальцами расчесать волосы. Ей не хватало только зеркала для того, чтобы исполнить такой далекий и обычный утренний ритуал.

Наяда вспомнила чужое отражение в зеркале и подумала, как бы на ее месте поступила та, что уже несколько раз мерещилась ей. И что или кто это вообще? Плод бурного воображения или картина забытого прошлого? Она постаралась лучше припомнить суровое лицо в зеркале и решила заплести косу, перекинув ее на правое плечо.

Решив проигнорировать еду и воду, девушка сложила руки в замок за спиной и стала ждать. Знакомый прилив сил и шум крови в ушах девушка почувствовала после обеда, слыша приближающиеся шаги трех пар ног. Вскоре около камеры возник Вилмет в строгой офицерской форме в сопровождении двух плечистых солдат.

Наяда выпрямилась во весь рост и высоко подняла голову, встречая мужчин, начальник стражи улыбнулся ей перед тем как открыть дверь камеры.

— Выходи, — строго приказал он.

Наяда еще раз с ног до головы оглядела своих гостей, отказываясь считать их палачами. Немой солдат убедил ее, что среди них есть вполне достойные личности.

Она втянула носом застоявшуюся вонь и сделала шаг навстречу Вилмету. Переступив порог камеры девушка чуть не застонала, радуясь окончанию своего заключения. Каким бы не был итог этого дня, по крайней мере, ей больше не придется прозябать в ожидании.

Вилмет протянул ей плащ, который отобрал при аресте. Наяда приняла его как реликвию, прижимаясь к теплой ткани носом и лбом, чтобы ни случилось, последний подарок леди Эванлин будет с ней в этот момент, она хотела отблагодарить начальника стражи за проявленную доброту, но двое солдат подхватили ее под руки и развернули к выходу. Наяда едва не выронила плащ.

— Стоять, — рыкнул Вилмет. Мужчины резко остановились, а Наяда подпрыгнула на месте от неожиданности. — Совсем забыл про сумку.

Сердце девушки упало куда-то на дно и подскочило обратно, ударившись о ребра. Солдаты ослабили хватку, позволяя ей забрать свою вещь, и она быстро метнулась обратно к Вилмету. Вместо благодарности, она сразу же заглянула внутрь сумки, чуть не лишившись дара речи. Она была пуста. Не смущаясь, Наяда громко выругалась, падая на колени. Как же она могла быть так глупа!

Вилмет попробовал поднять ее на ноги, но девушка оттолкнула его и встала сама.

— Где мои вещи? — Она поджала губы, стараясь не разрыдаться на публике.

— Я только что передал их тебе, — начальник стражи кивнул на сумку и плащ.

— В сумке были вещи! Где они? — Наяда опасно приблизилась к нему, чувствуя, как один из солдат вцепился в ее локоть и тащит назад.

— Послушай, детка, сейчас бы тебе не об этих мелочах думать, а о своей шкуре.

— Верни! — Потребовала Наяда, подбочениваясь и не обращая внимания на солдат, она готова была вцепиться Вилмету в горло и требовать свое.

— Нет у меня твоих вещей, ясно? Увидите ее!

Солдаты потащили девушку к выходу, а она как строптивая кобыла, уперлась ногами и выгнула шею, толкаясь плечами.

— Верни! — Кричала она, пытаясь вырваться.

Вилмет подхватил узницу за шиворот сзади и приподнял, чтобы хорошенько встряхнуть. Наяда больно клацнула зубами и затихла.

— Тебя отведут к лорду Ивьенто. Советую, как только увидишь его, падать в ноги и благодарить, — на прощание пробубнил начальник стражи и отпустил девушку.

Мгновение Наяда не сопротивлялась, прожевывая полученную информацию, после заартачилась еще сильнее, норовя выбить солдатам зубы локтями или плечом. Она брыкалась так рьяно, как только могла, пуская в ход все, что могла, не обращая внимания на ослепившее ее солнце.

Единственное доказательство вины Хеуда исчезло, теперь ей никак не доказать, что именно он повинен в смерти Эванлин.

Наяда вывернулась и укусила одного из солдат в шею, он заскрежетал зубами и ослабил хватку, этого ей хватило, чтобы вырваться и ударить его в челюсть.

Вокруг начали останавливаться прохожие, любопытно глаза на извивающуюся девушку. Второго солдата она, что было сил толкнула в грудь, поставив подножку.

— Мне нужно поговорить с Хеудом, — задыхаясь выпалила она. — Он украл доказательства! — Она примирительно подняла руки, пытаясь умаслить приближающегося Вилмета.

— Приди в себя, Наяда! Что ты творишь?

Она затрясла головой, как полоумная, пытаясь назад.

— Умоляю, поверь мне! — Она приложила руку к пустой сумке, задыхаясь от нахлынувших чувств. Ей очень хотелось воспользоваться именем отца, чтобы убедить начальника стражи, но остатки гордости останавливали от гадкого поступка.

Вилмет медленно наступал на нее, двое солдат окружали с обеих сторон. Наяда чувствовала себя диким зверем, загнанным в угол. Она крутила головой по сторонам, ища спасение и отступала назад, пытаясь не упускать из виду солдат.

Решившись, она резко рванула в сторону, надеясь, что успеет хотя бы добежать до дома Знатного ублюдка, прежде, чем ее настигнут.

Солдат с выбитой челюстью успел перехватить ее, подловив за талию и оторвав от земли. Наяда забарахталась у него в руках, мужчина повалил ее на землю и хорошенько стукнул головой о

сланцевую дорогу. Она обмякла, беспомощно чувствуя, как ее скручивают, связывая руки и ноги веревкой.

По щеке скатилась слеза, девушка отвернула голову, чтобы скрыть это. Ее грубо подняли с земли и взвалили на плечо. Наяда видела только собственную косу, висевшую как жало скорпиона, она всхлипывала больше не пытаясь вырваться.

Ее жизнь сделала крутой поворот, и пора это признать, а не пытаться бороться. Она не сможет отомстить за смерть Эванлин. Куда делась та смиренная хрупкая девочка, которая слепо повиновалась законам и опускала взгляд в пол, всякий раз, когда мимо проходил мужчина? Она умерла в конце зимы, уступив место строптивой фурии, не желающей признавать над собой власть.

Наяда закрыла глаза, уговаривая себя не плакать. Она обязана быть сильной не только ради себя, но и ради тех людей, которые любили ее. Пусть их было всего двое, но они смогли заменить ей целый мир.

Чеканный шаг солдата мешала девушке нормально дышать, впалым животом она давила мужчине на плечо, перекрывая себе кислород. Наяда попробовала поворочаться, чтобы занять более удобную позицию.

Солдат хлестнул ее по ногам рукой, приказывая утихомириться, иначе дальше поволочет ее по земле за волосы. Девушке пришлось смириться и экономить кислород, вздыхая с усилием через раз.

Около поместья ее скинули на землю и в отместку пнули ногой.

— Связывать обязательно было? — Поинтересовался военный из охраны лорда.

Солдат, которого Наяда успела ударить, показал на свою челюсть.

— Я бы еще и кляп ей запихнул, — буркнул второй, тот, что нес ее на плече.

Наяда извивалась, как червяк, пытаясь хотя бы сесть, ее совсем не радовало, что мужчины смотрят на нее сверху вниз и смеются. Принесшие ее солдаты отсалютовали охране поместья и ушли.

Один мужчина присел перед Наядой и схватил ее за подбородок, заставляя смотреть на себя.

— Я развяжу тебя, а ты, — он похлопал девушку по щеке, — будешь умницей.

Наяде не оставалось ничего, кроме как подчиниться, она слабо кивнула. Мужчина развязал ее и за шиворот поднял на ноги, даже отряхнул, пусть и грубо.

— Лорд Ивьено ожидает тебя, — военный подхватил девушку и потащил за собой внутрь поместья.

Наяда слабо улыбнулась, по пути отмечая, что с того момента, как она была тут последний раз, ничего не изменилось, даже молчаливые слуги, теньями снующие по поместью.

Военный втащил Наяду по лестнице, придерживая ее, когда она начала спотыкаться, не поспевая за ним, проволоч по коридору и сквозь комнату, которую леди Эдиона называла малой гостиной, и затормозил у кабинета.

— Да, сынок, ты прав, но все равно, жалко ее.

Наяда услышала голос лорда и замерла.

— Других вариантов нет, кандидатуры закончились, а ее не жалко, если что. И потом, не придется кому-то платить, верно? Это экономия все же.

Наяда ахнула, узнав голос Дамира. Таким жестоким и властным она его еще ни разу не слышала. Девушке очень хотелось дослушать их разговор в приоткрытую дверь, но военный громко кашлянул, (Наяда чуть не цыкнула на него), объявляя об их присутствии.

— Пусть зайдет.

Наяда не поняла, кто именно это сказал, но задуматься не успела, военный втиснул ее в проход и захлопнул за ней дверь. Девушка попятилась обратно, она отказывалась верить в происходящее. Меньше часа назад ее должны были казнить. Так что же она делает в поместье лорда? Наяда спиной прижалась к двери, мечтая иметь возможность ходить сквозь стены.

Если ее не казнили, а отправили к лорду, значит так рассчитывали воздать ей наказание страшнее смерти. Наяда выругалась про себя, ей совсем не нравилось происходящее. Она тяжело вздохнула, заставляя себя опустить взгляд в пол, делать это теперь было до отвращения неприятно, и согнула колени, изображая реверанс. Все это девушка проделала, не отлипая спиной от двери.

Дамир притворно засмеялся, становясь рядом с отцом и разглядывая девушку с головы до ног. Наяда представляла, как ужасно сейчас выглядит. Измятая одежда, растрепанные волосы. Вся в грызи и

пыли. О запахе, исходящем от ее тела, можно было только догадываться. Ей стало невыносимо стыдно, она надеялась, что господин Дамир никогда не увидит ее такой.

Наконец груз последних дней в полной мере осел на ее плечи, угрожая продавить под собой. Наяда вдруг осознала, что напала на Знатного господина, двух солдат, тюремщика и точно не помнила, но могла треснуть и господина Мардара в запале. Девять дней она провела в тюрьме, ожидая казни и ни разу по-настоящему не прочувствовала того, что ей предстояло. Все ее мысли были заняты совершенно ненужными вещами, не имеющими теперь смысла, воспоминаниями, бичеванием себя любимой, злобой. Но только не осознанием, в каком дерьме она вдруг очутилась по своей вине и ничьей больше.

— Присядь, — господин Дамир брезгливо указал на стул.

— Я очень...грязная, милорд, — жалко промямлила девушка, ссутулив плечи.

— Поверь, это я вижу, — хмыкнул он, закатывая глаза. — Пол за тобой будут отдирать еще неделю.

Наяда была готова провалиться на месте, только бы не слышать эти слова. Она неуверенно прошла по кабинету, оставляя за собой следы грязи и неохотно присела на предложенный стул напротив стола лорда.

Мужчины переглянулись и посмотрели на девушку.

Наяда хотела заговорить первой, сказать, что раскаивается в совершенном, но это означало, соврать. Она могла бы признаться, что мечтает сломать Хеуду хребет и обязательно сделает это, если ее отпустят, но и эти слова заставила себя проглотить. Могла попытаться зарыдать, хоть бы от стыда, чтобы выглядеть виноватой. Она просто сидела, сложа руки на коленях и ждала. В голове неприятно гудело и сжимало виски от недавнего столкновения с землей.

— Ты наделала много скверных глупостей, Наяда, — начал господин Дамир, сверля девушку взглядом. — Не знаю, что на тебя нашло, но больше мы этого не потерпим. Еще одна оплошность, и я лично придушу тебя.

Девушка вздрогнула, будто господин уже схватился за ее горло и всхлипнула.

— Места в городе для тебя больше нет. — Его слова стали настоящим ударом для Наяды, из ее легких разом вышел весь воздух. — В Хорте подобное поведение неприемлемо.

Изгнание? Неужели ее решили просто выкинуть из города? Наяда с трудом удержала себя на стуле, чтобы не подпрыгнуть от радости. Если ее решили так наказать, то она будет целовать господину ноги за подаренную свободу.

— Но мой отец, лорд Ивьенто, решил пощадить тебя. И дарует тебе место в поместье.

Сердце девушки замерло, она подняла голову и посмотрела на господина Дамира, не желая верить в услышанное. Нет! Нет и еще раз нет! Ее обязательно должны вышвырнуть из города ко всем чертям!

— Будешь служанкой моего больного брата. На этом все, — отрезал наследник.

Наяда не двинулась с места.

Первым порывом было, вскочить, злобно прошипеть заветное «нет» и выйти из кабинет старого лорда, пусть сами возятся с душевнобольным сыночком. Девушка сжала руки в кулаки, борясь с собой. Сколько раз ей еще повезет? Скорее всего удача уже вильнула хвостом и послала ее в далекое пешее путешествие, отказываясь снова и снова вытаскивать строптивую дуру из дерьма.

— Когда ты появилась в Хорте, — начал лорд, потирая седую бороду, — мы тебя приняли. Мардар был по-своему добр к тебе.

Наяда подняла взгляд на лорда Ивьенто, поджав нижнюю губу, чтобы изо рта не полился фонтан проклятий. Ее ужасно достал этот город, со всеми его жителями и проблемами. Она ощутила невыносимую усталость от жизни в Хорте и желание убраться как можно дальше. Она устала нищенствовать, ковыряться в земле ради пропитания, подчиняться и играть роль скромной послушной девушки, готовой лобзать пятки любому, кто окажет хоть малейшую милость. А самое главное, она не понимала, зачем все это?

Она жила почти честно, никому не делала зла и оказалась у Хеуда. Снова поступив по чести, решив отомстить за смерть леди Эванлин, оказалась в тюрьме. Смирившись с неизбежностью скорой смерти и приняв то наказание, которое предстоит, сидит теперь перед лордом. Куда судьба заведет ее завтра?

Наяда усмехнулась, откидываясь на спинку стула. Скорей всего предмет мебели после такого столкновения с грязью сожгут, словно чумной.

— Господин Мардар взрослый мальчик, — прошипела девушка, снова испытывая судьбу на милость, — ему нужна не служанка.

Дамир поставил руки на стол и наклонился к девушке, угрожающе скалясь.

— Что ты имеешь ввиду?

Она ничего не имела ввиду, совсем ничего. Ей просто хотелось, чтобы ее выкинули из Хорты, позволив забрать свои вещи из хижины. К тому же начало весны самое лучшее время, чтобы убраться в леса.

— Любой человек нуждается в полноценной жизни, — твердо ответила девушка, чуть поразмыслив.

Вообще то она не относилась к младшему господину плохо, она знала о его недуге, видела, на что он способен, но лично ей он ни разу не навредил, даже наоборот. Но что-то в глазах господина заставляло всякий раз вздрагивать при общении с ним.

«— Спасите! — Одно слово, лишь одно. И взгляд господина переменялся, из зрачка в углу исчезла черная точка, Наяда хорошо это помнила. Она будто сбежала, словно букашка».

— У тебя нет выбора, — отрезал наследник.

Конечно нет, иначе бы ее сюда не тащили насильно. Она была бы большой душой, посчитав, что лорд и его наследник, предоставлять ей выбирать. И не казнили ее лишь потому, что няньки для младшего господина из свободных горожан перевелись, отказываясь переступить порог поместья.

Наяда мало что знала о подобных заболеваниях, в местной школе об этом не говорили, и она не представляла, как ухаживать за душевнобольным, как лучше вести себя, чтобы не вызывать агрессии. Что делать, если младшего господина вдруг перемкнет, и он кинется на нее с кулаками? С худым высоким Хеудом она справилась за счет собственной ненависти к нему, именно она укрепила мышцы девушки, предав ей сил. Но что она станет делать, когда взорвется Мардар? Бегать по двору в надежде вымотать его? Прятаться по углам, пока злость господина не стихнет? Вряд ли ей позволят хоть бы попытаться защитить себя.

— Твое первое задание, — лорд Ивьенто кивнул в сторону окна. — Главная твоя задача, девочка, чтобы мой сын как можно меньше появлялся на глазах людей. В идеале, чтобы он сидел в своих покоях.

«Так закройте его к чертовой матери и дело с концом!», — чуть не выкрикнула девушка.

Она медленно поднялась, обошла стол, чтобы поравняться с окном. Увиденное, еще раз подтвердило, стать нянькой младшего господина, не самая лучшая идея.

Мардар крутился в саду, размахивая двуручным мечом, по пояс голый, взмокший от пота. Он сражался с невидимым противником, совсем как Наяда в своей хижине с отцовским мечом. Только движения младшего господина больше напоминали отбойный молот, резкие, быстрые, даже без меча он мог бы убить одним таким выпадом, выкинув вперед вместо лезвия кулачище почти с голову девушки. По крайней мере, ей так казалось. Наяда предпочитала двигаться плавно, предугадывая движения воображаемого противника, выгибаться вслед за оружием, чувствовать его, словно свое продолжение. Огромная разница в сравнении с точными движениями младшего господина. Он больше походил на лесной пожар, перекидывающийся с одного дерева на другое, Наяда на змею, скользкую по телу врага и готовую ужалить в тот самый момент, когда этого меньше всего будут ждать.

— Уведи его оттуда.

Наяда обернулась к лорду, прерывая свои раздумья. Она моментально забыла, о чем думала.

— Он же вооружен, — глуповато констатировала она, указывая ладошкой на окно. — Он меня пополам разрубит. В лучшем случае.

Господин Дамир покачал головой, теряя терпение, отец остановил его от грубого высказывания, положив руку на плечо.

— Он не животное, девочка, а мой сын. Будь умной, и он не причинит тебе вреда.

Ах если бы все так было просто, вот только, Наяда подозревала, что сверкнуть мозгами придется в самом прямом смысле, когда младший господин размозжит ей череп. Она почесала затылок, пытаясь обдумать сложившуюся ситуацию. Вообще то, она еще не согласилась стать служанкой господина Мардара, но лорду и наследнику до ее согласия дела не было. Они давно все решили, сейчас

всего лишь поставили ее перед фактом. И конечно же не могли сделать этого, хоть бы связав безумца для начала.

Она пожала плечами, внутренне подбираясь. Скорее всего, старый лорд с сыном ждали увлекательного шоу. Может быть их развлекала ситуация с больным сыном, пока они упорно делали вид убитых горем родственников. Что ж...

Наяда заставила себя спуститься и выйти из поместья в сад. Ее не влекло получше рассмотреть жилище лорда или тайком заглянуть на кухню. Голод исчез перед опасностью, именно так она воспринимала младшего господина, размахивающего двуручным оружием убийства. Вот оно, настоящее безумие, позволять душевнобольному человеку брать в руки оружие. Лорд думает о своей чести, пытаясь скрыть сына от людей по мере возможностей, но совсем не думает о своей собственной безопасности. Что если недуг Мардара позволит ему кинуться на отца? Наяда сомневалась, что лорд Ивьенто обрадуется такому исходу. Но он любит сына, она успела заметить это. Он искренне любил больного ребенка, причем намного больше здорового и сильного наследника, весьма цепкого до наследства.

Может Наяде не повезло и ее поздно засунули в школу и рано оттуда выкинули, но тех крох, что ей дали, вполне хватало, чтобы заметить ядовитый огонек в наследнике, его жажду быстрее сменить отца на посту. Он не просто ради интереса или из любви к брату, ошивался рядом с отцом, меняя его решения в свою сторону. Он готовил почву, зная, что отец стар и вскоре постепенно начнет сдавать позиции, позволив сыну сначала подписывать важные документы своей рукой, чуть позже он возьмет на себя бремя управлением. И после этого отстранит отца от дел, сильнее впиваясь в золотую кормушку.

Наяда остановилась на некотором отдалении от младшего господина, быстро взглянула на окно, чтоб убедиться, мужчины прилипли к стеклу в ожидании чего-то. Девушка плюнула себе под ноги, это ее маленький протест. В другой жизни, где она была послушной горожанкой, опускающей взгляд в пол при мужчинах, ее бы высекли за подобное.

Она тяжело вздохнула, не решаясь подойти к господину Мардару ближе. Все же стоило сказать нет лорду и будь, что будет. В самом деле, не поведет же он девушку силком к сыну.

— Я ждал тебя.

Наяда нахмурилась, не понимания, померещилось ей или нет. Голос господина мягкий, тягучий как мед и шелковый как бархат. Бард Фолвик убил бы за такой голос, его-то хрипучий и пропитый не идет в сравнение.

Он спросил что-то еще, но девушка не расслышала, однако ближе подходить не стала. Тогда Мардар прекратил свое занятие, опустил меч, переводя дыхание и щурясь от яркого солнца.

— Почему ты не подойдешь? — Он потер шею, смахивая надоедливые капли пота.

В Хорте март обычно выдавался достаточно теплым, буквально с первых дней. В этих краях зима пусть и была сурова, но отступала быстро. Однако в воздухе все еще витал мороз, хоть и согретый солнцем.

Наяда поежилась, ветер проникал под ее одежду, она не понимала, как Мардар бродит по саду в одних штанах и сапогах. Все же до полноценного лета еще далеко, а хороших лекарей, в случае заболевания, в городе нет. Перевелись и почему, девушка не знала. Об этом тоже никто не говорил, просто каждый рассчитывал на себя и свои скудные познания в травах и лечебных средствах. Но болели в Хорте крайне редко.

— Я безоружна, — честно призналась девушка, она где-то слышала, что врать безумцу еще опаснее, чем говорить правду.

Мардар скинул на землю меч и пнул его ногой, чтобы оружие отлетело подальше. И она его боится, не подходит близко, считая опасным, остается начеку, не теряя бдительности.

Господин опустил голову, смотря себе под ноги пару мгновений, потом пригладил растрепанные волосы и распрямил плечи, став гораздо шире, чем Наяда помнила.

— Так лучше? — Он протянул ей руку, и девушка сразу вспомнила этот жест, тогда на поле, господин так же протянул пустую ладонь, долго не теряя терпения в ожидании.

Наяда подошла ближе, все еще настороже, готовая в любой момент послать лорда и припустить со всех ног. Она протянула руку в ответ, вкладывая ладонь в ладонь Мардара. Младший господин тепло улыбнулся, стискивая ее грязные пальцы и покачивая вверх-вниз.

Этот простой жест, до боли знакомый и такой далекий. Наяда тяжело дышала, борясь с нахлынувшими чувствами. Он просто здоровался с ней, дружелюбно, не как со служанкой или равной, а просто как с другом, как с человеком. В груди защемило, девушка пыталась понять, что именно так влияет на нее. Она была уверена, что что-то из прошлой жизни пытается пробиться в ее памяти, оно скребет и клоочет, не отпуская.

— Привет, — прошептала девушка, пробуя это незнакомое слово на вкус. Оно вдруг просто возникло в голове.

— Привет, — шире улыбаясь, ответил господин, наблюдая, как упорно девушка дергает рукой, повторяя его жест. — Ты мне руку ломаешь.

Наяда сглотнула накопившуюся слюну во рту, причмокивая языком. Она быстро выпустила посиневшую конечность Мардара и подбоченилась, не зная, что ей за это будет.

— Смотри, — Мардар взял ее за руку и аккуратно сжал, не причиняя боли, а потом отпустил, — вот так.

Он пожал плечами, с трудом сдерживая смех.

— Выглядишь неважно, тебя сразу сюда привели?

Наяда попробовала разозлиться, в который раз ей намекают на то, что она грязнуля, но сами бы попробовали посидеть в тюрьме, без всех тех удобств, что скоплены в их богатых домах, но все еще ощущая тепло человеческого прикосновения просто не могла. Мардар не брезговал, не издевался, ему было всего лишь любопытно и интересно поддержать разговор.

Лицо девушки подобрело, она засмеялась, обнажая острые клыки.

— Не просто привели, — громче захохотала девушка, — принесли на плече, связав веревками.

— Надеюсь, тем, кто за это повинен, не плохо досталось от тебя, — пошутил Мардар. — Судя по Знатному, ты не церемонишься с врагами.

Наконец-то она ощутила облегчение, сердце больше не щемило от потери леди Эванлин, злость на Хеуда притаилась, осев тлеющими углями на дне. Даже проведенные дни в тюрьме казались чем-то ненастоящим. Настоящей осталась только смертельная усталость и жажда по свежему воздуху. Наяде самой не хотелось уходить с улицы

и продолжить этот необычный разговор, на мгновение забыв обо всем ужасном, что произошло.

Девушка облизала обветренные губы, наклоняя голову набок и сделала еще один шаг навстречу к господину. Она смотрела на капли пота, стекающие по его груди и думала о том, что они будто бы исцеляют друг друга, когда находятся рядом.

— Ваш отец хочет, чтобы вы вернулись в дом, — сухо сказала она, прекращая их дружеский разговор, все же из окна за ними наблюдали и забыть об этом было очень сложно.

Мардар нахмурился, его брови изогнулись, как Наяде показалось, достаточно красиво, и сошлись на переносице.

— Мне жаль, но милорд приказал мне... — В этот раз младший господин ее не перебивал, позволяя договорить, слова сами застряли в горле.

Безумный господин понимающе кивнул, завел одну руку за спину, второй подтолкнул девушку в спину, чтобы она шла немного впереди.

Солдаты, охраняющие поместье спешили разойтись в стороны, чтобы не попасться сыну лорда под руку. Они смотрели на новую няньку господина с ужасом и сожалением. Наяда не думала об этом. Она уверенно шагала к парадному входу, позволяя теплу Мардара кутать ее в безопасный кокон.

Что бы не произошло потом, она запомнит в его лице человека, который не побрезговал пожать ей руку и галантно пропустил перед собой.

Впервые появившись в поместье, она не могла отвести взгляда от наследника, считая его прекрасней солнца, а жестокая красота Мардара тогда отталкивала ее. Сегодня Наяда изменила свое мнение, видя, как миловидный Дамир отшатывается от нее и брезгливо кривит губы, он готов был подпустить ее к вооруженному безумцу, не зная, что тот сотворит с девушкой. Наяда и раньше понимала, что ее жизнь для семьи лорда ничего не значит. Вот будь она из Знатного Дома тогда бы им пришлось считаться с ней и ограждать от больного сына, а так...

Мардар подал ей руку, помогая подняться по лестнице.

— Если ты привыкла ходить в штанах, я подыщу для тебя чистые подходящего размера, а вот с рубашками будет сложнее, — задумчиво произнес он.

Наяда просто кивнула в ответ. Ей совершенно не было дела до одежды, она вообще редко задумывалась о том, что лучше надеть.

Она вошла в поместье, задрав подбородок и ухмыляясь одним уголком губ. Если лорд Ивьенто и господин Дамир пытались наказать ее, пустив в расход, у них не вышло.

И не выйдет. Девушка лучезарно заулыбалась, поворачивая голову в сторону Мардара, зная, что где-то за ними непременно наблюдают. Теперь она понимала, что такое играть на публику.

9 Как появились голоса

Поселившись в комнате, в которой жила чуть больше четырех лет назад, девушка смогла наконец выдохнуть. Мардар почти сразу отпустил ее мыться и приводить себя в порядок, после пригласил на ужин. Не приказал явиться, не настаивал. От удивления Наяда не смогла принять приглашение как подобает правилам приличия, ей удалось только кивнуть и закусить губу. Не смотря на осторожное отношение к младшему господину, она ждала ужина и не только потому что ужасно изголодалась по нормальной пище.

Ей хотелось больше узнать о господине, с которым придется проводить большую часть времени. Вряд ли они смогут сдружиться так как с леди Эванлин, но по крайней мере, девушка могла рассчитывать на неплохую компанию в лице сына лорда. Мало кто мог этим похвастать в Хорте.

Наяда отскребла тело мочалкой, как учила Эванлин, хорошенько промыла волосы, намыливать густые пряди пришлось несколько раз, пока при промывании вода не стала чистой. Она постаралась сделать руки более-менее похожими на девичьи, вычистив грязь из-под ногтей и аккуратно подстригла их под самый корень. До тюрьмы ногти при хорошем уходе успели отрасти и больше походили на острые когти, в тюрьме они обломались, от этого стали еще острее.

Через пару часов, девушка подошла к большому напольному зеркалу, чтобы осмотреть себя. Служанка принесла ей одежду, переданную господином Мардаром. Как и обещал, он нашел для нее кожаные штаны, почти подходящие размером, рубашка оказалась очень большой, девушка могла завернуться в нее дважды, видимо эта вещица прямиком из гардероба младшего господина.

Чтобы не утонуть в ткани, девушка упросила служанку принести ей пояс или веревку, чтобы подвязать талию и закрепить одежду на себе. Это помогло, но глубокий вырез никуда не делся.

После обеда за ней пришла Мивира, круглолицая улыбчивая служанка, ее огненно-рыжие волосы и темные веснушки поразили Наяду до глубины души. Ей захотелось запустить в кудрявую копну руку, чтобы убедиться, что волосы у этой девушки настоящие.

Мивира отвела новую господскую няньку в покои Мардара и тихо удалилась, будто ее вообще здесь не было.

Наяда осталась размышлять, как лучше начать разговор.

«Вы звали и вот я тут! Кушать подано?» или «Теперь, когда я похожа на человека, давайте приступим к самому главному, ради чего собрались. Ах да, мне пожалуйста, тарелку побольше».

— Чудесно выглядишь, — отозвался господин откуда-то из глубины покоев. — Проходи, не бойся.

Не то, чтобы Наяда его боялась, скорее опасалась, но пока не готова была открыто это признать и смело шагнула на голос.

— Господин, вам нужна моя помощь? — Поинтересовалась девушка, засовывая нос как всегда не в свое дело.

Мардар пытливо закрихтел, прикрывая дверь гардеробной.

— Эм...Нет, пожалуй, не стоит.

Девушка услышала смущение и чуть не рассмеялась, оказывается застесняться может не только женщина, любопытно.

Она почти просунулась в дверную щель, когда Мардар вышел наружу, прокручивая на руке серебряный браслет. Он удивился не меньше Наяды, но ничего не сказал на этот счет.

— Жаль, что тебе пришлось пробыть в тюрьме целых девять дней. — Он взял девушку за руку, поднес ее к своей груди, на этот раз одетой. — Прости.

Наяда не совсем поняла, при чем тут господин, это же ей взбрело в голову кидаться на всех без разбора. Она сразу вспомнила и про сумку, и про пропавшие вещи, которые теперь ей никак не достать.

Ей хотелось спросить, почему общество так жестоко? Почему муж, убивший жену не будет казнен? И для чего законы, если действуют они лишь в одну сторону и не распространяются на знать. Девушка понурила взгляд.

— Мы обязательно поговорим об этом, но чуть позже, — Мардар печально улыбнулся и отпустил девушку. — А сейчас тебе не помешает отъестся.

Поразительно, в покоях младшего господина помещалась даже собственная столовая, не говоря уже о ванной комнате, гардеробе и личной библиотеке. Помещение больше походило на лабиринт, при входе что-то вроде гостиной для приема гостей, если пройти дальше за двустворчатую огромную дверь, попадаешь в спальню. Из нее можно

выйти в библиотеку, на балкон или в ванную. В столовую можно попасть только из гостиной. Две оставшиеся двери для девушки остались загадкой.

Мардар рассказал, что ужинает обычно в кругу семьи, это что-то вроде небольшой традиции. Вся семья собирается в его столовой, чтобы показать, он не одинок, несмотря на недуг, у него осталась любящая семья. Эти ужины не отличались теплой атмосферой.

Сегодня младший господин уговорил лорда, позволить ему остаться одному на ужин, чтобы лучше познакомиться с Наядой.

Мардар много говорил за едой, он почти не ел, стараясь рассказать девушке все последние новости, а кроме того, изголодавшись по обычному общению, он с упоением рассказывал вещи, которых раньше Наяда не замечала.

Он рассказал об удивительном месте в лесу, там, куда Наяда одна заходить не рисковала. Словно ребенок, младший господин поведал, что там он нашел редких пестрых птичек, — нектарниц. Они совершенно не испугались его присутствия, скорее всего потому, что раньше не сталкивались с людьми. Мардар обещал обязательно показать ей это место.

Еще он рассказал, что после того, как Наяду арестовали, Хеуд не выходил из дома, он лично видел, что его пришлось уносить с площади двум горожанам. Господин предполагал, что Знатный не в самом лучшем состоянии и выйдет наружу еще нескоро. Эта новость несомненно потешила эго девушки.

Мардар рассказал ей о многом, постоянно подкладывая в тарелку девушки свежую порцию тушеного мяса. Наяда не имела ничего против, несмотря на то, что этикетом запрещено сидеть так близко друг другу. Она радостно занимала рот едой, надеясь, что самой разговаривать не потребуется.

Но вскоре поймала себя на мысли, что слушает господина с упоением, искренне улыбаясь его шуткам.

Решив промочить горло, Наяда потянулась к бокалу, который приглянулся ей с самого начала тем, что был наполнен до краев чем-то, что очень сильно напоминало девушке кровь. Ей хотелось испить из бокала и представить, что это кровь Хеуда, Мардар отодвинул бокал подальше, пояснив, что это вино, которое скорее всего после заключения в тюрьме вызовет у девушки изжогу или несварение.

— Я еще никогда не пробовала вино, — раскрепостившись, призналась Наяда.

— В другой раз, — пообещал господин.

Наяда не стала спорить, наевшись досыта, она откинулась на спинку стула и продолжила слушать упоительные рассказы Мардара.

Господин поделился, что, когда голоса отпускают его, он выходит в сад, чтобы потренироваться, именно за этим занятием она его и застала. Иногда он уезжает далеко за город, в лес, желая побыть один. Лорд и Дамир об этом не знают, иначе, заварили бы ворота Хорта.

— Вы однажды сказали, что я прогнала голоса, — насторожилась девушка, — вы были в этом уверены, милорд.

— Я и сейчас в этом уверен. Не знаю, от чего это зависит, но тебя они боятся.

Наяда сощурилась, всеми силами стараясь понять господина. Тогда Мардар пояснил ей.

Голоса появилась вдруг ночью. Он еще был мальчишкой, совершенно здоровым мальчишкой. Он проснулся от ужасной головной боли, не понимая, кто верещит и вопит так громко и душераздирающе. Мардар звал на помощь, пытаясь зажать уши, но крики от этого становились сильнее. На его молящий вопль сбежался весь дом. Перепуганная леди Эдиона пыталась докричаться до сына, чтобы объяснить, никаких голосов нет, она плакала и обнимала сына. Лорд Ивъенто прикрыл рот рукой, задумчиво меряя комнату младшего сына широкими шагами. А Дамир испугался. Он был первым, в глазах кого Мардар увидел неподдельный ужас.

Ничто так и не смогло успокоить Мардара. Лекари остались бессильны, успокоительные отвары не заставили голоса притихнуть. С тех пор, жизнь младшего сына лорда обречена на затворничество. С годами Мардар смирился с недугом и согласился с ролью безумца, стать тенью здорового сильного брата.

Он рос в Хорте, а не в столице, как Дамир, его учила матушка, а не столичные профессора. Постепенно он озлобился на всех из-за лишений, которые приходилось терпеть. Когда ему исполнилось двадцать пять, родители решили, что лучше всего, запретить его в поместье от любопытных глаз, но не вышло.

Несмотря на недуг, тело Мардара оставалось сильным, он превосходил в размерах старшего брата, поэтому не нашлось того, кто

смог бы удержать его взаперти.

Тут смириться пришлось лорду, закусив гордость. Мардар его не винил, он понимал, отец любит его и до сих пор остается при делах только из-за него, иначе давно бы всё передал Дамиру.

— Когда Дамир женится, мне, скорее всего, придется переехать, чтобы не смущать его новую семью, к тому же, я, наверное, опасен для детей, — грустно заключил Мардар.

После этого откровения, Наяда поняла, почему наследник до сих пор не обзавелся достойной женой и не продолжил род. Лорд не хотел отпускать младшего сына. Вот и вся причина. Однако возраст у обоих давно превысил подходящий для брака. Наяда мысленно подсчитала, господину Дамиру почти сорок лет, значит младшему господину примерно тридцать пять — тридцать шесть лет. Для брака оба брата считались в Хорте мягко говоря староваты.

— Некоторые законы распространяются и на сына, управляющего городом. Так что мне семью заводить нельзя, — пояснил господин.

Наяда нахмурилась, она считала, что уж для своего сына лорд Ивьенто сделает исключение. Однако, быть может именно это и делало безродную служанку и знатного господина похожими. Наяде тоже не полагалось обзавестись семьей, вот только причины весьма различны.

— Однажды у меня появится ребенок, — гордо заявила девушка. — Не здесь, не в Хорте. Я уеду далеко-далеко и там найдется мужчина, который будет любить меня.

Она сама удивилась своей откровенности. Но остановиться уже не могла, детские мечты легко обличались в слова.

— Я буду отличной матерью, не смейтесь, милорд! Неужели вы не верите?

— Верю, — сквозь смех отметил Мардар, — ты точно сумеешь не подпускать к чаду никого лишнего.

Девушке хотелось пихнуть Мардара, она понимала, он шутит, но ведь, и она рассказывает лишь то, о чем мечтала, когда была совсем девочкой и еще не знала, каков мир.

С возрастом ее желания изменились. Она больше не хотела замуж и с этого дня уж точно не станет мечтать о Дамире, ей больше не нужен хороший дом, в котором она будет чувствовать себя в безопасности. Она не мечтала о более легкой работе, чтобы не гнуть

спину в полях. Наяда вообще больше не мечтала. Как оказалось, мечты очень непозволительная для Хорты роскошь.

В начале зимы она задумала, что через два месяца тайком покинет город и отправится на поиски лучшей жизни. Этому не суждено стало свершиться. Улизнуть из охраняемого поместья будет еще тяжелее, к тому же, теперь девушке не хотелось оставлять такого же одинокого человека, как и она сама.

Они проговорили до поздней ночи. Наяда начала зевать и тереть глаза, поэтому Мардар проводил ее до комнаты и пожелал доброй ночи. Он долго стоял на пороге, не желая уходить, девушка поняла, что удерживает его.

— Если они вернутся, я сражусь с ними, — пообещала Наяда, кладя руку на грудь господина. Он накрыл ее ладонь своей всего на секунду перед тем как уйти.

Стоило только дойти до кровати, как Наяда провалилась в глубокий сон без сновидений. Обычно ей часто что-то снилось, наутро приходилось долго вспоминать яркие картины из сна, чтобы соединить их. Чаще всего она видела море. Что это точно именно море, а не бескрайнее озеро, девушка не сомневалась, хоть и не видела в этой жизни ничего неподобного. Она чувствовала соленый запах буйных темных вод и замирала от наслаждения, подставляя лицо ветру.

Иногда ей снился высокий дом, каких в Хорте совершенно точно нет, Наяда помнила минимум пять этажей. Ей почему-то очень нужно было пробраться в этот дом, будто она что-то забыла там, что-то важное, неотъемлемое. Но всякий раз ей кто-то мешал. Бывало, ей снился Робин, но это случилось крайне редко.

Среди ночи ее разбудил шум и топот ног. Еще до конца не оправившись ото сна, девушка осознала причину шума. К этому еще придется привыкнуть. Она натянула штаны, кое-как накинула рубаху и босиком побежала по темному коридору. Ей повезло не споткнуться и не пробить ни одной стены лбом. Около покоев Мардара успело собраться пару слуг во главе с наследником. Заметив девушку он моментально вскипел от ярости.

— Ну? Что стоишь?! Ты здесь не для этого!

Наяда покачала головой, слыша звук бьющегося стекла в покоях младшего господина.

— Но что я могу сделать? — Она удивленно развела руками.

Господин Дамир не стал обременять себя ответом и просто впихнул девушку в приоткрытые двери, схватив ее за шкурку. Наяда уперлась пятками в пол, это не помогло, ее почти сразу окутала непроглядная тьма покоев и грохот. Первое желание, забиться в угол и переждать. Мардар кричал, ругался, пытаясь закрыть руками уши. Он неистовствовал, метался из стороны в сторону, круша все на своем пути.

Наяда вжалась в стену, нащупывая дверную ручку и с ужасом поняла, что ее заперли. Ей ничего не оставалось, кроме как наблюдать за беснующимся господином. И каких действий Дамир от нее ждал? Стреножить взрослого мужчину она точно не сможет.

Господин взревел, плечом толкая шкаф с посудой, Наяда успела отскочить в сторону, иначе бы ее непременно придавило. Она стала оглядываться в поисках спасения, лавируя между пролетающих мимо посуды.

— Милорд!

Наяда услышала свой дрожащий голос и не поверила собственным ощущениям. Она боялась, первобытный поглощающий страх сковал ее по ногам, пробираясь выше. Она успела пожалеть, что отвлекла господина на себя. По крайней мере он не пытался запустить каким-нибудь снарядом в нее.

Девушка прошмыгнула мимо разъяренного, прячась в шторах, как в саване и оттуда наблюдала за развернувшимся погромом. Перед сном она обещала, что если голоса вернутся, то она смело сразится с ними, но когда это произошло, девушка поняла, что совершенно не готова к подобным сценам.

Ей хотелось закрыть глаза и постараться забыть об увиденном, однако она заставляла себя не отводить взгляд и смотреть. Она не знала, чем может помочь.

Мардар подхватил тумбу и разнес ее о стену, щепки полетели во все стороны, от одной девушка не успела укрыться, деревянный ошметок прочертил на щеке под глазом ровную кровавую линию. Наяда застыла, чувствуя, как волосы на затылке поднимаются. Прятаться некуда и обманчивое укрытие не сможет защитить ее.

— Мардар, пожалуйста, — не слишком громко всхлипнула девушка, думая, что господин ее не услышит, — мне страшно, — еще

тише призналась она, забиваясь в угол.

Господин остановился, тяжело дыша. Наяда увидела, как его плечи вслед за грудной клеткой медленно поднимаются и опускаются. Пока он вновь не разбушевался, она решила действовать, у нее была всего одна попытка и девушка это понимала.

Проскочив через раскуроченную мебель и осколки разноцветных тарелок и кружек, она поравнялась с мужчиной и обхватила его за руку, разворачивая к себе.

Черная точка в глазах Мардара явно стала больше, застилая часть зрачка, девушка сконцентрировала свое внимание на этом. Если Мардар утверждал, что раньше у нее получалось изгнать голоса, то должно получиться и сейчас. Она обхватила лицо господина руками, прижимаясь к нему вплотную. Она не знала, как это сделать, что нужно сказать или приказать, если у нее и получалось раньше разобраться с таинственными голосами, то тогда ей не приходилось прикладывать никаких усилий.

— Отпустите его, — рыкнула девушка, — он не принадлежит вам!

Мардар неловко моргнул, чуть пошатываясь, но остался стоять смирно. Девушка погладила господина по щеке, волосам, подбородку, пытаясь разговаривать с ним, а не с голосами. Она уговаривала, убеждала и почти умоляла его прекратить, вернуться. Черная точка в глазу господина не реагировала на ее мольбы.

Почувствовав, что грядет новый приступ, когда мышцы Мардара напряглись, Наяда сжала его руки, не особо рассчитывая, что это поможет. Он дернулся и зажмурился, будто уговаривая себя не сопротивляться.

— Вы говорили о нектарницах, помните? — Предприняла она новую попытку. — В лесу, где они обитают, там так спокойно, помните?

Ее стенания не возымели ни малейшего эффекта, Мардар оттолкнул ее руку и потянулся к столу, тогда девушка снова схватила его за лицо, крепче прижав к себе.

Она прижалась к его лбу своим.

— Я тебя не отдам, — зарычала девушка.

Наяда закусила губу от хлынувшей по вискам боли, будто кто-то ударил ее с двух сторон и оглушил, она не отступила даже когда

Мардар тихо застонал, обмякая. Он упал на колени, и Наяда последовала за ним, не разжимая хватки.

Боль в висках усиливалась, Наяда чувствовала, как быстро слабеет от непонятной силы, брошенной на нее, глаза начали болеть от полопавшихся сосудов. Она заставила себя сидеть прямо и прижиматься лбом ко лбу господина, почти физически ощущая внутреннюю борьбу. Ее тело каким-то образом само знало, что нужно делать. Еще немного и из носа девушки потекла струйка крови, капая на лицо господину. Она шептала слова детской песенки так, будто она была заклинанием, изгоняющем духов. Песня, глупая и наивная, единственное, что она вспомнила в момент страха.

Она думала, что люди вспоминают всю свою жизнь, каждый счастливый или не очень момент, когда боятся и находятся на волосок от смерти. А ей вспомнились чьи-то бережные руки, качающие дитя и напевающие.

*Дом, мой ветхий дом,
Жди меня обратно,
Жди предано, как пес,
И не пускай чужого,*

Дом, мой славный дом,...

Слова застряли в горле, девушка не помнила продолжения. Зато помнила крик женщины, у которой отбирают ее дитя. Этот крик мог бы свернуть горы, заставить реки изменить течение, но не смог заставить солдат, оставить ей ребенка.

Девушка затряслась всем телом, мечтая только об одном: прекратить пытку.

Наяда чувствовала, что скоро свалится в обморок, если весь этот кошмар не прекратится, она запыхтела, прокручивая в голове свои же слова: «Если они вернутся, я сражусь с ними».

Я сражусь. Сражусь с ними.

Никакие воспоминания о птичках, цветочках и прочей глупости не смогли бы ей помочь, сейчас она ясно осознавала это. Голоса вернулись не для того, чтобы в очередной раз помучить несчастного, они почувствовали ее. Они пришли к ней.

И Наяда услышала их.

Сотни, может даже тысячи, вопящие, стенающие. Напрягая остатки сил, она заставила себя сосредоточиться и слушать. Мардар обхватил ее, обнимая, кажется, он стал слышать их тише, освобождаясь от бремени.

Один выбивающийся шепот девушка все же смогла различить среди множества гулов, она сконцентрировалась на нем.

«Спаси!»

Наяда подтянула ноги, чтобы занять позу поудобнее и заговорила в ответ:

— Уходи.

«Нет»

— Уходи, — зарычала девушка, оскаливаясь, — ты делаешь ему больно!

«Спаси!!!», — заверещал голос. Наяде показалось, что у нее лопнули перепонки, в один момент все стихло, в покоях воцарилась тишина.

Оба тяжело дышали, прижимаясь друг к другу и боялись пошевелиться.

Ей еще никогда не было так страшно, Наяда и до этого случая верила господину, но лишь услышав сама, осознала, с чем Мардару приходится сталкиваться постоянно. Она положила голову на плечо господина, все еще пытаясь прийти в себя. Наяда не верила, что все кончилось, девушка нутром чувствовала, это начало. Сложное и пугающее.

— Спасибо, — прошептал Мардар, утыкаясь в пышную копну волос и вдыхая ее запах.

— Вы слышали, что они просили?

— Нет, — честно признался господин, — мне никогда не удавалось их понять.

Наяда не стала рассказывать Мардару о том, что узнала, эти крохи не прибавят ему уверенности и могут наоборот усугубить состояние мужчины. Однако девушка уверилась в одном, она обязана узнать правду о голосах, если не ради господина, то хотя бы ради тех, кто вынужден мучать Мардара, прося о помощи.

Мардар немного отодвинулся, осматривая девушку. От него не укрылась царапина на щеке и темная струйка под носом. Он

осторожно вытер кровь с лица девушки и указал на рану.

— Это сделал я?

Наяда живо замотала головой, отмахиваясь.

— Нет, это само как-то вышло.

Он обнял ее, но услышав стук в дверь, выпустил. О том, что за дверью собрались зрители, оба забыли и сейчас собравшиеся, наверняка хотели знать результат переговоров, на которые отправили Наяду. Она усмехнулась, припоминая, как господин Дамир подхватил ее за шиворот, вряд ли он думал, что в этот момент Мардар не опасен, наследник прекрасно осознавал, какая опасность грозит девушке.

— Я могу остаться, пока вы не заснете.

Мужчина слабо кивнул и поднялся. Приоткрыв дверь и пару раз рывкнув на брата, захлопнул ее перед носом наследника. Девушка не стала препятствовать, пусть Дамир ждет до завтра, хотел бы все знать, то сейчас был бы в покоях, а не в коридоре. К тому же она так устала, что едва ли могла самостоятельно подняться.

Наяда встала с пола, чтобы отвести господина в спальню, она помогла ему сесть на кровать и стянуть рубашку через голову. Они оба наслаждались затишьем перед бурей, которая обязательно даст о себе знать и достаточно скоро.

Мардар лег на край кровати, подминая под собой подушку.

— Это отвратительно, — признался он, прикрывая глаза.

Наяда тяжело вздохнула, устраиваясь у кровати с другой стороны. Она понимала, что гложет мужчину, — слабость, с которой он не в силах совладать, когда голоса возвращаются. Сглотнув комок кровавой слюны, она решила, что самые большие откровения происходят посреди ночи в щемящей тишине, поэтому подалась вперед и прошептала:

— Я испугалась.

Она рассказала Мардару обо всем. Об отце, о леди Эванлин, о Хеуде. О том, как никогда до этого момента не знала, что такое настоящий страх, ужас, который заставляет замирать и бездействовать. Рассказала, что все эти годы считала себя ущербной из-за неспособности испытывать все чувства, присущие человеку. Девушка говорила открыто, не утаив ничего, даже видений в зеркале.

Мардар слушал молча, не перебивая, а потом похлопал по кровати рядом с собой, девушка упорно замотала головой. Это уже как-то

слишком. Хотя, после всего, что они пережили за одну только ночь, Наяда рассудила, что как-то поздно думать о приличиях.

— Я тебя не трону, — пообещал мужчина, отодвигаясь подальше к краю кровати, чтобы между ним и девушкой было приличное расстояние.

Наяда колебалась всего мгновение, после заползла на отведенную ей половину и вытянулась во весь рост. Мардар дотянулся до ее руки.

— Почему ты уверена, что не можешь чувствовать того, что обычные люди?

Девушка ухмыльнулась, объясняя. Эта ночь откровений запомнится ей надолго.

— Когда отец рассказывал мне про войну, я мечтала оказаться там, — правда жгла изнутри, Наяда не смогла сдержать предательскую слезу. — Мечтала взяться за оружие, чтобы убивать. Это ужасно. Он говорил, что война — самое страшное, что есть в мире. Я так не думала, никогда и сейчас не могу. Самым страшным оказалось, остаться одной, я поняла это, когда он умер.

Мардар сжал ее ладонь.

— Ты права, — так же тихо заговорил он. — Но теперь ты не одна, правда?

Она постаралась улыбнуться, сжимая руку господина в ответ. Наверное, именно так зарождается самая крепкая дружба, она начинает прорасти из общих страданий, сплачивая двух людей вместе, чтобы они стали друг другу опорой.

— Эванлин была чудесной девушкой, — осторожно заметил Мардар.

Накопившуюся дамбу прорвало разом. Наяда зарыдала, по-настоящему, навзрыд. Господин ее не останавливал, позволяя бороться с собственными демонами. Она плакала по подруге и отцу, наконец чувствуя себя настоящим человеком. Наяда поняла, что настоящие чувства томились глубоко в душе, ожидая подходящего случая, в городе она не смела дать слабину, ведь это могло плохо закончиться, но она почему-то верила, что из этой комнаты ничего не выйдет, Мардар сохранит ее секреты, также как она сохранит его.

Ее не особо волновал погром в гостиной и саднящая рана на щеке, Наяда не сомневалась, вместе они справятся, смогут навсегда прогнать

голоса и узнать прошлое, которое не дает девушке покоя. А если нет, то они хотя бы переживут это плечом к плечу.

— Помните те две золотые монеты?

— Не говори, что потратила их на конфеты.

Наяда задохнулась от подступившего смеха.

— Нет, милорд, я их сохранила.

— Зачем? — удивился Мардар, вопросительно изгибая одну бровь для убедительности.

— Это память о людях, — просто ответила девушка, вспоминая и плащ, который сложила под подушку в своей комнате, и меч, принадлежавший отцу.

Мардар вспомнил о заколке, лежащей недалеко на подоконнике. По утрам из-за причудливых стеклышек соприкасаемых с первыми лучами солнца по комнате вырисовывались узоры.

Память о людях.

10 Весна — время затишья

Однажды она спросила: вы когда-нибудь видели, как распускается цветок? И Мардар отвел ее в сад, они провели там множество часов, наблюдая, как распускается первый ирис и набухают почки на деревьях. Леди Эдиона не позволяла рвать цветы в ее саду, но не запрещала появляться там так часто, как хотелось. Наяда запомнила леди как строгую и справедливую хозяйку поместья, но с годами женщина стала намного мягче, многое спуская обоим сыновьям с рук. Она почти не бранила Мардара, когда он утащил в свою спальню целый букет каких-то белоснежных цветов. На следующий день он поделил их поровну и одну часть отдал Наяде.

Прожив месяц в поместье, девушка изменилась. Благодаря Мардару она научилась созерцать. Ей не составляло труда определить время по солнцу, или процитировать наизусть длинные стихи столичных поэтов. Господин познакомил ее с нотами и научил игре на фортепиано, смекнув о предрасположенности девушки к музыке. Он не прятал от нее книги, вечера они оба проводили за чтением, устроившись у камина.

Освободив место в покоях, они вместе тренировались, сражаясь на мечах. Иногда шум от звона стали начинать раздражать лорда, он громко ворчал, проходя мимо, но не запрещал. Так или иначе, большую часть времени они проводили в поместье, лишь изредка вылезая на прогулки, это именно то, чего так сильно желали лорд Ивьенто и наследник Дамир.

Наяде нравилась льющаяся из необычного инструмента музыка, вскоре она сама начала придумывать незатейливые мелодии. Господин Мардар рассказал, что в столице подобным уже давно не пользуются, девушка не поверила, как возможно избавиться от такого чуда, как фортепиано?!

Леди Эдиона тоже любила ее игру, она часто приходила в гостиную, чтобы послушать стройные мелодии и побыть с сыном. Как-то раз она пришла с папкой и показала ее девушке, поставив на встроенную в крышку подставку. Леди Эдиона объяснила, что это ее

любимые мелодии, и она будет рада, если они не станут залеживаться в столе.

Чуть позже, когда она привыкла к новой обитательнице поместья, Эдиона рассказала девушке про свои цветы, которыми так сильно дорожила. Оказалось, что некоторые из них можно выкопать, не повреждая корни и пересадить в горшок, чтобы любоваться ими в комнате. Так у Наяды появились кустовые розы, ирисы, желтые адонисы, нежно-розовые бутоны безвременника и камелия. Леди Эдиона научила ее ухаживать за растениями, чтобы они прожили подольше.

Мардар пару раз сетовал, ревностно поглядывая на сокровище девушки, что ему такой вольности матушка не позволила. Теперь настала очередь Наяды отгонять господина от своих цветов, частенько шлепая его по загребушим рукам.

— Мое! — грозно ошетинивалась девушка, вставая на защиту растений. — Не трогайте, вы сломаете им стебли.

— Ты не умрешь, если поделишься, жадная девчонка! — Ворчал в ответ господин, одергивая руку. Ему приходилось смириться, Наяда не желала уступать.

Диалог почти в точности повторялся, когда в поместье доставляли конфеты и Наяда успевала насовать в карманы большую часть порции Мардара. В этом случае он скорее остерегался острых зубов девушки. Дважды, в запале шуточных поединков, она кусала его за руку, во второй раз шрам не прошел. Зато если он позволял себе отбиваться, девушка поднимала такой шум, что могли потрескаться окна.

Иногда их споры на различные темы перерастали в настоящий бунт и заканчивались дракой, в которой не было победителей. Пару раз лорд Ивьенто вызывал девушку к себе в кабинет и пытался поучать ее, но получая достаточно серьезное оправдание: «Он меня щекотал, поэтому я укусила его за нос», с трудом сдерживал смех.

Под конец жизни он наконец смог успокоиться и не переживать за младшего сына, ничего страшнее укусов и царапин ему не грозило. Лорд прекрасно знал, Наяда заботится о Мардаре, во время приступов она всегда рядом и ей удается уговорить взбесившегося господина, она не устает дежурить у его кровати, когда недуг обессиливает мужчину.

— Я не ошибся в тебе, милая, — как-то сказал лорд, протягивая девушке подарок. Из служанки или няньки она быстро превратилась в члена семьи, которого приглашают за семейный стол. — По моим подсчетам, у тебя сегодня день рождения.

Подарком оказалось золотое кольцо с темно-синим сапфиром. Каким образом лорд Ивъенто высчитал дату ее рождения, Наяда не знала, впрочем, это не было важно. Она не знала, когда родилась, поэтому могла принять любую дату и считать ее своей.

Когда Мардар попросил показать кольцо, девушка зажала его в ладошке и зашипела. Так начинались все их потасовки. Чаще всего они ладили, а дрались лишь от скуки, чтобы скоротать время. Сидя ночью у постели господина, Наяда призналась ему, что чувствует себя на своем месте, а Мардар стал ей лучшим другом, заменив брата.

— Я всегда буду рядом, — сонно ответил господин, улыбаясь.

С наследником девушка вела себя настороженно, разговаривали они редко и только по крайней необходимости, он отказывался принимать ее так же тепло, как остальная семья.

Как-то раз лорд Ивъенто решился высказать предположение, что Мардар и Наяда могли бы пожениться, не смотря на положение девушки и если оба не против, то лорд непременно даст согласие и уладит необходимые дела с законом. Молодые люди переглянулись между собой и скривились, в один голос заявив твердое «нет».

Потом они еще долго обсуждали это, уединившись в покоях Мардара. Он твердо заявил, что не женится на жадине, оставившей шрам на его руке. Наяда в ответ показала синяк на боку.

— По крайней мере, я не щиплюсь как девчонка.

Господин Мардар крепко обнял девушку, прижимая ее голову к своей груди.

— Да уж, кусаешься ты как яростная медведица, — усмехнулся он.

К концу второго весеннего месяца из настороженной озлобленной горожанки, Наяда превратилась в улыбчивую красавицу с горящими глазами. От хорошей пищи ее кожа стала чище и более гладкой, волосы обзавелись золотистым блеском, лоснясь по плечам девушки аккуратными волнами. Впалость в области живота и костлявые ключицы исчезли, а на щеках появился здоровый румянец.

В город она не навещалась. Нужды не возникало, к тому же оставлять господина одного она не хотела. Пока они были вместе, голоса Мардара не беспокоили, поэтому Наяда часто оставалась на ночь в его спальне, даже обзавелась собственным одеялом, потому что одно большое на двоих они поделить так и не смогли. По ночам Наяда держала господина за руку, дотянувшись до него через всю кровать, так обоим становилось спокойнее.

К тому же она не представляла, что делать, если увидит Хеуда. Намного спокойнее существовать на этом острове спокойствия, по крайней мере, пока.

Единственное, что тянуло девушку в город, — хижина. Она часто подумывала забрать свои трофеи из тайника, но кто знал, чем это могло обернуться, найди их кто-то кроме Мардара в поместье.

Помимо хижины, оставалось лишь одно, что тяготило душу Наяды. Она так и не смогла попасть на похороны Эванлин и ни разу не была на ее могиле, да и не знала, где именно похоронена ее единственная подруга.

Наяда спрыгнула с выступа в стене поместья, приземлившись на четвереньки и ухмыльнулась, наблюдая за быстрыми точными движениями Мардара. Ей нравилось, когда мужчина брался за оружие и приступал к тренировкам, в такие моменты он выглядел особенно хорошо.

Иногда Наяда намеренно отказывалась от совместных тренировок, чтобы понаблюдать за господином. Она быстро приспособилась к его манере вести бой, как и он к ее. Лорд Ивенто называл пару волком и змеей, когда их клинки встречались в тренировочной битве. Мардар любил бить с силой, удар за ударом, оттесняя девушку в угол, она предпочитала проскальзывать под его ударом и обходить со спины. Иногда их бои не заканчивались слишком долго, оба выматывались, но сдаваться не желали, поэтому стояли друг напротив друга, облачаясь на мечи, и сверлили противника взглядом. Порой Наяда успевала отдышаться быстрее и пользуясь заминкой, нападала, чтобы выбить меч из рук господина и повалить его наземь. Этот трюк удавался нечасто и только в том случае, когда Мардар сам едва ли держался на ногах.

Все же он намного лучше успел освоить бой и предугадывал почти все попытки девушки его обмануть. Однако Мардара удивляло, как при менее развитых мышцах и плохой подготовке, девушке удастся практически не вспотеть и не устать за бой.

Наяда подобралась, подкрадываясь к господину из тени. Темная коса вздрагивала при каждом размеренном плавном движении. Девушка переставляла ноги едва касаясь земли и красться ей удавалось бесшумно. Подобравшись достаточно близко, она вытянулась в полный рост и намеренно шаркнула пяткой по траве.

Мардар развернулся, на ходу переворачивая клинок. Острие застыло у горла девушки, ее улыбка сочилась ядом.

— Не подкрадывайся так, — предупредил мужчина.

— Иначе что? Убьете меня? — Она подалась вперед, утыкаясь горлом в острие меча.

— Прекрати, это не игра.

Мардар опустил меч и понурил плечи, разглядывая непоседливу служанку. С весной девушка будто расцвела, ей хотелось всего и сразу. Несколько минут назад она играла на фортепиано, до этого бегала вокруг поместья, раздражая тем самым господина Дамира, сейчас подкралась к Мардару во время тренировки, рискуя лишиться головы. Вскоре она побежит на кухню, чтобы выкрасть у поварихи пару свежих булочек, и конечно же, не додумается поделиться.

— Я могу придумать тебе дело, если заняться нечем, — пригрозил Мардар, исподтишка хватая девушку за ухо.

Наяда извернулась, норовя боднуть его в грудь и отскочила на пару шагов.

— Вы обещали дать мне урок истории Залеса! — Нахмурилась она.

— Вечером, — отмахнулся мужчина, — и я еще подумаю стоит ли за твое поведение учить тебя.

Мардар широко улыбнулся, перехватывая девушку под талию, чтобы она все же не боднула его. В такие моменты он чувствовал себя счастливым. Маленькая дерзкая девчонка, похожая на игривого зверька, прыгала на него, пытаясь обезоружить и неистово кусалась всякий раз, когда Мардар начинал защищаться и выкручивал девушке руки. Она ни разу не дала понять, что думает о нем, как о больном. Ему думалось, они оба успели привязаться друг к другу, отрезанные от

остального общества. Но как было бы, будь Наяда выше статусом, а он не больным безумцем?

Господин быстро скрутил девушку, держа ее на расстоянии, не забывая про острые зубы, норовящие прокусить ему сонную артерию и приподнял ее над землей.

— Я знаю, чем можно занять тебя, бестия.

Наяда притихла, перестав барахтаться и скалиться.

— Умеешь ездить верхом?

— Нет, — тихо призналась девушка, краснея.

Мардар опасливо опустил Наяду на землю и пригрозил ей пальцем. Он отвел ее в конюшню, показал черного жеребца, пыhtящего и бьющего копытом в нетерпении.

— Его зовут Ворон.

Мардар погладил зверюгу по длинной шее, выуживая из кармана яблоко.

— Мне можно прокатиться на нем? — Наяда заерзала на месте от нетерпения.

— При одном условии, — Мужчина подцепил ее одним пальцем за подбородок, — ты перестанешь кусаться раз и навсегда.

Девушка пристыженно отвела взгляд в сторону, вороша ногой грязное сено. Плохая сделка, один раз побывать в седле и навсегда лишиться своего главного оружия.

Мардар потрепал ее по голове, смеясь.

— Все твои мысли видны у тебя на лице, девчонка.

Младший господин ловко оседлал коня, потратив на это считанные минуты. Под его руками животина стояла смирно и нетерпеливо пыhtела, не переставая вертеть любопытным носом, в поисках лакомства.

Когда Мардар вывел коня из стойла, Наяда преградила ему дорогу.

— Лорд рассердится, если мы покинем территорию поместья.

— Я помню, — Мардар подхватил девушку и усадил ее в седло. — Держись крепче, но не тяни поводья, если взбесится, сама виновата. — Он похлопал Наяду по ноге. — Правильно держи стремя и не дави ему на живот.

Оказавшись в седле, девушка ощутила насколько шатко ее положение, коню стоит лишь резко дернуться, и она полетит вниз прямо под мощные копыта.

— Держись крепче! — Скомандовал Мардар и хлопнула коня по крупу.

Животина изогнула шею и потрусила вокруг поместья, постепенно набирая скорость. Наяда начала заваливаться на бок, теряя непрочное равновесие, она почти скатилась под живот коня, но заставила себя вжаться в седло, обхватив животное за шею обеими руками, на секунду она забыла и про поводья, и про предостережения господина. Единственное, что осталось важным, — не вывалиться из седла любым способом. Девушка уперлась в стремяна пятками в поисках хоть какой-то опоры. Будто получив сигнал, Ворон ускорился, левым глазом поглядывая за неуклюжей наездницей.

Наконец Наяде удалось найти верное положение, упираясь в стремяна, она чуть привстала в седле и до боли в мышцах распрямила спину, распределяя поводья между пальцев. Она не была уверена, что именно так правильно, но так требовал от нее инстинкт, который упорно молчал до тех пор, пока девушка не оказалась верхом на вороном гиганте.

Наяда постепенно начала чувствовать движения коня, стараясь в точности повторять их сидя. Податься влево правым плечом, когда Ворон огибает поворот дома, привстать в седле и чуть пригнуться к шее, чтобы животине было легче набрать скорость, приспустить стремяна, чтобы не подбивать коня по бокам. Ей не приходилось управлять Вороном, он сам знал, куда бежать, от Наяды требовалось только помочь коню двигаться, не сковывая его движения.

Когда девушка увидела Мардара, сложившего руки на груди, она помахала ему рукой и звонко засмеялась, ловя ветер лицом. Она не представляла, какое прекрасное чувство, мчаться верхом, ощущая под собой сильный механизм из мышц. Это открытие потрясло девушку настолько, что она не могла уже остановить радостный смех и мечтала, чтобы Ворон тоже не останавливался.

Она ощущала нечто, заставляющее ветер петь в ушах, что-то непокоренное человечеством и необъяснимое. Наяда пригнулась, чтобы похлопать Ворона по шее и увидела в его глазах похожий запал, искорку, намекающую на схожие чувства. Он чувствовал то же, разминая затекшие ноги, застоявшиеся в стойле. Девушка пригнулась сильнее, почти легла на шею коня и сбросила стремяна, подцепив их рукой и перекинув, чтобы не мешались. Она постаралась слиться с

седлом, чтобы сохранить равновесие и не свалиться, больше не опираясь на стремяна.

Ворон заржал, выгибаясь и пританцовывая на скорости и вихрем взметнулся вперед, не ощущая преград.

— Обгоняя ветер, — на ухо коню прошептала девушка.

Ничего прекрасней и острее она никогда не чувствовала. Пейзаж вокруг поблек и слился воедино, перестав быть чем-то важным. Сейчас для девушки существовал только ветер, она села прямо и раскинула руки в стороны, подставляя лицо солнцу и ветру.

Мардар не на шутку всполошился, что-то выкрикивая и размахивая руками в разные стороны, но Наяда его не слышала и не хотела слышать.

Ах, если бы ей были открыты равнинны и лесные просторы Хорта, если бы ничто не сдерживало ее в этих стенах, Ворон пронес бы ее по земле, открыв глазам новые края и чудеса.

Наяда не позволяла себе мечтать с того момента, как увидела злую брезгливую ухмылку господина Дамира. Ее детские фантазии о любви резко улетучились, уступив место пустоте и обиде.

Лорд Ивьенто и леди Эдиона приняли девушку быстро, многое спускали ей с рук и относились к ней почти как к дочери. Она думала, что никогда не обретет семью или хотя бы тех, кто позаботится о ней, когда господин Дамир увозил ее из теплого поместья в ветхую хижину. Однако у судьбы на этот счет имелись собственные планы и, вновь оказавшись на пороге дома лорда, девушка уверилась, что теперь то уж она сможет больше времени проводить со своей детской мечтой или хотя бы иметь возможность чаще его видеть и украдкой перехватывать взгляд наследника.

Всё сложилось совсем не так, как надеялась девушка. Пугающий раньше Мардар, казавшийся ей кем-то вроде дикого животного, стал ей другом, а светлый Дамир превратился в неприветливого и угрюмого мужичка, за что-то таивший на нее зло или обиду, этого Наяда понять не могла. Но господин Дамир постоянно старался уязвить ее, словом уколоть побольнее.

Все эти мелочи перестали иметь значение, пока девушка сидела верхом на Вороне, поэтому она расстроилась, когда голос Мардара сделался совсем близким. Наяда открыла глаза и увидела, что

господин крепко держит коня под узды. Вот и всё. Закончилось ее прекрасное путешествие по просторам мира.

— Спешивайся, валькирия.

Наяда обиженно поджала губы и вцепилась в переднюю луку седла. Тогда мужчина сам стянул ее на землю и пригрозил пальцем, чтобы не дергалась.

— Хватит на сегодня. Нас к обеду ждут.

Видя недовольное лицо и подступившие от обиды слезы, Мардар приобнял девушку за плечи и поцеловал ее в макушку. Будь его воля, он позволил бы ей даже есть и спать в седле, но в Хорте от младшего сына лорда мало что зависело.

Наяда поплелась вслед за господином обратно в поместье, в котором уже не хватало воздуха, чтобы почувствовать себя свободной и счастливой. Девушка задумалась о том, как ей всего и всегда мало. Поначалу хижина казалась ей сараем, жизнь в которой похожа на выживание, и мечтала о чем-то получше, где будет легче и теплее. Попав в Знатный Дом она быстро привыкла к комфорту, но также быстро и приелась к нему. Жизнь круто вильнула вниз и, оказавшись в сырой камере, девушка вновь стала мечтать о своей хижине. А живя в поместье лорда, заскучала по городу и людям.

Ей стало стыдно перед собой, нельзя же вечно получать от судьбы подарок и желать вернуть его ради того, что днем ранее уже опостылело, а сейчас заиграло новыми красками.

Девушка понимала, рано или поздно придется приструнить вольный ветер в душе и осесть в умирающем городке, выполняя привычную работу и живя обыденной жизнью, не чувствуя вкуса радости и пряности от захватывающего приключения. Да и с чего она взяла, что ее жизнь будет полна приключений. Хорт беден на подобные изыски, угрюм и неприветлив, как господин Дамир, будто город отражает сущность наследника.

Обгоняя ветер...

Наяда все еще не могла привыкнуть сидеть за господским столом и никому не прислуживать. Она старалась повторять за леди Эдионой, не ставить локти на стол, есть маленькими кусочками, а не заглатывать шматок мяса целиком и не хлебать прямо из тарелки пряный суп, а легонько зачерпывать ложкой. Сидеть прямо, будто на голову положена стопка книг и промокать рот салфеткой, а не вытираться рукавом.

Девушку постоянно мутило от разнообразия блюд на столе, ей хотелось попробовать всего, но она внимательно следила за леди и повторяла каждое ее движение, довольствуясь тарелкой супа, да немного овощей с мясом на второе. Большого госпожа себе не позволяла, ела медленно, поддерживая светскую беседу с сыновьями и мужем. Наяда в разговоры не влезала, если ее пустили за стол, это не означало, что она стала одной из господ. Ей всего лишь оказали очередную милость и то из-за Мардара.

В один день младший господин наотрез отказался садиться за стол без своей няньки, и родители как всегда вняли его капризу. С тех пор Наяда стала жалеть, что не слушала в школе основы этикета, считая, что эта чепуха ей никогда не пригодится.

К столу ей приходилось переодеваться в платье и зачесывать волосы, чтобы они не лезли в тарелку. Высокие удобные сапоги сменяли крохотные туфли на высоком каблуке. В одночасье из растрепанной девчонки, Наяда преобразалась в ухоженную даму. Незнакомец мог бы смело назвать ее леди, только небольшой едва заметный шрам под глазом на щеке выдавал в ней служанку.

У Знатных не было увечий. Никогда. Никаких. Женщинам после тяжелых родов с помощью какой-то медицины удаляли шрамы и растяжки, мужчинам выводили шрамы любой сложности. И так было всегда. Леди Эванлин в этой цепочке стала исключением, о котором никто не догадывался. Тела Знатных до глубокой старости оставались чистыми, в то время как горожанин мог погибнуть от того, что продрог под дождем.

Поэтому белая линия на щеке выдавала в девушке ее рабскую кровь. Ей было бы впору стыдиться своей отметины, но все свои шрамы девушка носила с гордостью. Если бы ей предложили удалить их, она отказалась.

Шрамы тоже память, как меч отца или золотые монеты. Шрамы напоминают о пережитом, о событиях и людях одновременно. Отметина на щеке служит напоминанием о недуге Мардара, который они должны одолеть. Незаметный шрам под подбородком — драка с Хеудом. Жирная короткая линия на внутренней стороне руки — напоминает о том, что даже во время обучения нужно держать ухо в остро, с оружием шутки плохи. Уродливый шрам под лопаткой —

напоминание о тюрьме, когда Ниоин бил ее палкой по спине, кожа в одном месте лопнула, оставив след в виде загрубелого рубца.

Если вещи, которые она прячет в тайнике, напоминают о людях, что были дороги, то шрамы не позволяют забыть настоящих врагов.

Иногда о врагах спешат напомнить ночные кошмары. Наяда часто видит Хеуда со светящимися глазами у своей постели, он тянется к ее горлу, а на руке Знатного господина сверкают ручные молнии.

Она особо не задумывалась, как там поживает Знатный, их пути разошлись, Наяде не удалось отомстить за смерть леди Эванлин. Но она не забыла. Напоминание о страшной ночи всегда рядом, девушка часто рассматривает шрам под подбородком в зеркале, поглаживая его большим пальцем.

— Дамир, ты все подготовил для бала?

Наяда наострилась, услышав голос лорда.

— Все готово, милорд. Послезавтра бал состоится, приглашены все знатные семьи Хорта. — Господин Дамир повернул голову в сторону девушки и вперил в нее колючий взгляд. — В том числе и Дом Лиловых.

Наяда вспыхнула от возмущения, открыв рот, чтобы сбить спесь с лица господина, потом вспомнила, кто она и где находится. Заставила себя опустить взгляд в тарелку, делая вид, что суп интересуется ее больше новостей о том, что скоро в поместье появится Хеуд.

Обычно безучастный ко всем разговорам Мардар, положил руку на колено девушки и посмотрел на брата.

— Убийце не место в нашем доме, — ровно проговорил он, не пытаясь сгладить свои слова.

Господин Дамир тяжело вздохнул, звякнув чашкой о блюде и встал с грохотом отодвинув стул.

— Ни тебя, ни уж тем более безродную служанку, никто не упрашивает присутствовать на балу.

С этим словами наследник покинул столовую.

Наяда сжала руку господина под столом, довольствуясь его поддержкой. Их маленький жест для выражения сильных чувств, бушующих в душе, чувств, которые нельзя показывать другим.

Лорд Ивьенто почти сразу поспешил замять конфликт и успокоить младшего господина. Он говорил что-то о правилах и еще о какой-то

чепухе, Наяда его не слушала. Перед ее глазами стояло мертвое лицо леди Эванлин.

Мардар подхватил ее под руку и увел из столовой, не обращая внимания на отца, потирающего седые виски от усталости. Противостояние двух братьев за последний месяц ощутимо накалилось.

Голоса мучали Мардара реже с появлением Наяды, ничто больше не мешало господину мыслить здраво и видеть планы брата насквозь. Они часто ругались прямо в коридорах поместья, споря о чем-то понятном только им двоим. В эти споры Наяде тоже не разрешалось влезать.

Раньше Наяда видела младшего господина либо вусмерть пьяным, либо ищущим выпивку. С момента ее появления в доме, господин перестал напиваться до потери сознания и ограничивался бокалом красного вина на ужин, к чему приучил и девушку. «Это даже полезно, пей», говорил он, подставляя бокал к губам служанки и смеялся, когда она корчилась от горечи вина.

— Я убью его, — рыкнул Мардар, затаскивая Наяду в свои покои.

Девушка встрепенулась, перехватывая руку господина и вжалась в его грудь, как если бы он обнял ее.

— Тогда закон вас не пощадит, милорд. Он ведь Знатный, его смерть нельзя будет оставить незамеченной.

— И пусть!

Мардар осторожно отстранил девушку и принялся мерить комнаты, расхаживая взад-вперед.

— Леди Эванлин это не вернет, — Наяда горько усмехнулась, — но отнимает вас у меня.

Мардар обернулся и посмотрел на девушку.

Один взгляд ее голубых глаз смирял его пыл, а потом и вовсе гасил. Только Наяда могла влиять на него таким образом. И только ей Мардар это позволял.

— Этого никогда не случится, обещаю. — Господин тепло улыбнулся и раскрыл объятия. Наяда сразу же вцепилась в него, оставляя отметины острыми коготками на груди.

После всего, что случилось, Мардар был ее единственным спасением. Они заботились друг о друге, цеплялись, ища надежду и поддержку. Девушка не представляла, что делать, если господина

вдруг не станет. Семья лорда перестанет в ней нуждаться, в город путь закрыт. И что же дальше?

— Тогда останьтесь в вечер бала со мной, — просто попросила девушка. От этого мужчины зависела вся ее жизнь, и она просто не могла потерять его.

— Конечно.

Вскоре после того, как успокоился, Мардар продумал план на вечер, когда их поместье станет местом сбора Знатных. Он где-то выискал игральные карты и предостерег девушку, что играть ей все же придется, как бы не хотелось. Наяда не слыла любительницей азартных игр. Вторым пунктом шли танцы. Мардар помнил, что Наяда любит танцевать. У них будет свой собственный бал, на который не придется звать гостей.

И на закуску, конечно же драка! Но чтобы не издавать слишком много шума — на подушках.

Девушка позволила себе улыбаться, хотя в душе скребло от плохого предчувствия. Энтузиазм господина всегда радовал ее. Всю жизнь находясь взаперти (редкие вылазки в город в поисках крепких напитков не в счет), он не отчаивался и находил достаточно развлечений, чтобы не скучать.

Наяда вспомнила, как сложно ей было провести девять дней в тюрьме, а ведь Мардар живет так с детства.

— Тогда мне нужно красивое платье! — Пискнула девушка, требовательно сложив руки на груди.

— Мужская одежда тебе перестала нравиться? — Усмехнулся господин. — Будет тебе платье. И украшения будут, — пообещал он.

Вечер прошел в тишине. Мардар раскрыл перед носом девушки увесистый том и усадил ее за свой стол.

— Добыл у матушки, — признался господин. — Это роман, женщины любят читать такое.

Наяда не нашла ничего увлекательного в этой книге, ей стало чуждым слово страсть. Она никогда не целовалась и не понимала, как от поцелуя могут подгибаться колени и останавливаться сердце. Обнимал ее только приемный отец и Мардар. Но это были другие объятия. От них становилось спокойно, ничто нигде не чесалось и не зудело, как описывалось в книге.

Но она продолжала читать, чтобы не расстроить Мардара, хоть иногда и заглядывала незаметно в его книгу по истории. Непонятные схемы странных механизмов привлекали девушку намного сильнее, чем слащавый роман о высоких чувствах под названием любовь и ненависть.

Наяда знала, что любовь приносит только горе. И больше ничего. Леди Эванлин умерла, выйдя замуж. Это люди называют любовью? Кэтта и Брида продают себя кому попало. Это любовь? В Залесе нет места любви, может поэтому об этом пишут так много книг, чтобы поддержать баланс.

Большому сомнению подвергалась и любовь во всех Знатных Домах, едва ли расчетные браки могли соединить сердца двух людей. Наяда видела не так уж много Знатных вблизи, но сомневалась, что их отношения сильно отличаются от отношений леди Эванлин и господина Хеуда.

Зато места ненависти в Залесе хватало. Люди ненавидели буквально все, к чему прикасались. И так же легко губили то, что им не по душе. Взять, к примеру, заброшенную часть города. Почему не заселить ее, не наполнить ушедшей жизнью? Новой историей, новым смыслом. Люди просто бросили дома, повесив на них памятные таблички, которые никто не видит, потому что проход туда запрещен. Ну и в чем же тогда смысл?

— Почему нельзя ходить в старую часть города?

Мардар поднял голову от книги, внимательно разглядывая девушку.

— Это... Долгая история, Наяда. И она скучная, не думай об этом.

Ложь. Глаза девушки округлились, Мардар впервые ей соврал, пытаясь скрыть что-то. Больше она не смогла продолжить чтение, делала вид, даже страницы время от времени перелистывала, но мысли ее были далеко от страстных сцен в книге.

Когда время перевалило за полночь, Мардар забрал у нее книгу.

— Идем спать?

Наяда сглотнула комок в горле и не сдвинулась с места. Она пыталась найти в глазах господина оправдание вранью, но не могла.

— Что с тобой? — Мардар погладил девушку по щеке и потянул ее в спальню. — Останешься здесь или пойдешь в свою комнату, бестия?

— Останусь, — тихо ответила Наяда.

Господин быстро уснул, заняв свою сторону кровати и по привычке протянул девушке руку, а Наяда провела ночь без сна, ненавидя себя за слабость. Она должна была настоять на честном ответе, упереться, как обычно это делала. Теперь поздно.

Солнце из-за деревьев вставало медленно, сонно, не торопясь озарить новый день. В спальне оставалась уютная темень, Наяда слышала из гостиной затухающее потрескивание в камине. Она осторожно выпуталась из одеяла, чтобы не разбудить господина и выскользнула из комнаты. За прошлый день ей удалось узнать, что Знатные съедутся ближе к вечеру и пробудут в поместье до раннего утра.

Мардар заверил, что к утру в ее комнате будет ждать подарок, платье и украшения, которые господин пообещал позавчера. Наяда представила ярчайший шелк, окутывающий ее тело и затанцевала на месте, желая поскорее добежать до своей комнаты.

Она прикрыла шторы, чтобы утренний свет не разбудил Мардара и юркнула к камину, подбросить пару свежих дров. Больше ничто не останавливало ее от легкой пробежки по коридору.

Наяда обернулась, закусывая губу от нетерпения и почувствовала, как ее талию сжимает рука господина. Она сразу сникла, зная, что он скажет.

— Оно для вечера, помнишь?

Она помнила, но очень хотела взглянуть. И может быть примерить, но всего на одну минутку, а после уберет в шкаф и будет честно ждать вечера.

Наяда посмотрела на господина, еще сонного, но уже достаточно бодрого, чтобы подкрасться к ней незаметно.

— Я только одним глазком, — заканючила девушка.

— Нет, — отрезал Мардар.

Она толкнула его в грудь, что было сил, от досады и откровенной обиды. Мардар засмеялся, отступая на шаг. Его не злили подобные проявления девушки.

— Вечером и не раньше, бестия!

Наяда топнула ногой и отвернулась, любопытство всегда мешало ей жить, а господин как назло подогревал ее интерес, будто намеренно

издеваясь.

— Погляди на себя, — Мардар прыснул от смеха, — рождена служанкой, но ведешь себя как вздорная принцесса. И кто кому прислуживает? Похоже, что я тебе.

Девушка поджала губы и сжала кулаки. Вечером она обязательно заедет ему подушкой по физиономии, но сейчас спорить бесполезно. Она отвесила совсем невежливый реверанс и показала господину язык. Если бы его в самом деле раздражало ее поведение, Мардар высек бы девушку, как часто грозился. Иногда он вполне серьезно брался за розги, но быстро бросал это дело, видя, как девушка подбочивается и готовится к драке.

Их шутовское противостояние добавляло обоим сил и привносило в скучную жизнь немного разнообразия.

Живя в поместье, Наяда так и не смогла смириться с тягучей разменной жизнью, которой придерживалась семья лорда. Вставали все кроме господина Дамира достаточно поздно, спустя час вытаскивали свое тело на завтрак, а потом каждый уходил к себе. Бывало так, что леди Эдиона могла просидеть в своей комнате весь день, а лорд Ивьенто не выходил из библиотеки. По поместью одиноко шатался Дамир, командуя слугами и солдатами на входе. Часто он уезжал в город и возвращался только к вечеру с кипой бумаг, несомненно, очень важных.

Мардар большую часть дня проводил за тренировками и дурачился с девушкой. К вечеру после ужина жизнь в поместье замирала. Мардар и Наяда сидели в покоях господина, читали при свечах, разговаривали. Оба ни раз старательно обдумывали как уговорить лорда отпустить их за пределы поместья.

Этим утром всё в поместье кипело. Слуги походили на разворошенный улей, метались словно пчелы от одной двери к другой. Зал на первом этаже освободили от мебели, заполнив его столами и стульями. В смежной комнате тоже убрали всю мебель и выставили инструменты для музыкантов.

С кухни доносились дивные запахи, от которых во рту скапливалась слюна. К этому дню господин Дамир нанял двух дополнительных кухарок и с десятков юрких девчушек в качестве слуг.

Все они действовали как единый механизм, убирая, протирая, выскабливая каждый уголок дома.

Накануне Мардар рассказал Наяде, что вечер Знатных Домов обычно устраивал сам лорд, таким образом показывая, что он все еще при деле. На балу ему приходилось много разговаривать со Знатными, решая много разных проблем. Наяда не понимала, какие могут проблемы у тех, кто живет в маленьком городке, как короли.

Однако в этот раз вечером руководил господин Дамир. Означать это могло только одно, лорд Ивъенто готов полностью передать дела сыну. С завтрашнего дня он станет заправлять Хортом.

К обеду обстановка накалилась. В поместье вернулся Дамир и принялся браниться на слуг, чтобы те ускорились. Наяда в этот момент сидела на кухне и жевала выпрошенную у кухарки булочку. Она долго наблюдала за господином, не переставая жевать.

Терпение Наяды лопнуло, когда Дамир отвесил одной из служанок звонкую пощечину и выгнал ее из поместья всего лишь за то, что она не в то место поставила пухлую вазу с цветами.

Наяда отложила булку и приблизилась к господину, едва доставая ему до плеча макушкой.

— Вас можно поздравить, милорд?

— Уйди, — отмахнулся от нее Дамир, как от надоедливой мухи.

Наяда преградила ему дорогу.

— Хорт уже почти ваш. Я видела, с чего вы начали управление городом. Лучший показатель того, как сменяется одна власть другой. — Девушка презрительно улыбнулась, завоевав наконец внимание господина.

Дамир наклонился к девушке, едва коснувшись ее плечом и прошипел:

— Не вставай у меня на пути, знай свое место, служанка, иначе никто не сможет защитить тебя.

На такое откровение Наяда не рассчитывала. За всю весну Дамир перекинулся с ней всего парой фраз.

— Мой господин научил меня, что бояться лающую собаку глупо, по-настоящему опасаться стоит молчаливого волка.

Этих слов господин Дамир никогда ей не простит, Наяда открыто нарывалась на неприятности, но почему-то это не пугало, а веселило.

— Я твой господин, запомни это, — зарычал Дамир.

Наяда не хотела, чтобы город переходил к нему, Мардара она считала более достойной кандидатурой. Он не станет мучать людей из

прихоти.

На мгновение девушка попыталась представить фальшивый образ наследника, который рисовала себе раньше и не смогла, он просто исчез из ее головы, как будто его никогда и не было.

— Я давала клятву Лорду Ивьенто и служу его сыну, господину Мардару, который подошел бы на роль наследника лучше вас.

Эта была чистая правда, в которой много раз подряд девушка боялась сознаться себе, и вот сейчас она вылезла наружу, обещая ей много-много проблем.

— Да как ты смеешь!

В этот момент в комнату вошел лорд Ивьенто, держа в руке небольшую по размерам книжицу, его появление остановило Дамира.

Девушка ядовито ухмыльнулась, подтянувшись на носках, чтобы достать до уха господина.

— Я стою у вас на пути, а еще мне наплевать на ваши угрозы, — игриво промурлыкала она, не переставая улыбаться.

— Ты больше нравилась мне необразованной и грязной, — Дамир натянул улыбку на лицо, играя перед отцом роль всепрощающего хозяина.

Наяда поспешила уйти подальше от праздничных приготовлений. С Мардаром они договорились не видеться до вечера, вплоть до того момента, пока не начнется их собственный праздник. В свою комнату девушка пойти не могла, Мардар взял с нее строгое обещание, что она не сунется туда, поглядеть на платье.

Поэтому Наяда отправилась в сад. Поудобнее утраиваясь на лавочке и подтягивая ноги к груди, она думала о словах господина Дамира.

До того, как попала в поместье, ее образование в самом деле желало оставлять лучшего. Мардар упорно занимался с девушкой, показывая ей разные карты, подпуская к книгам, иногда заставляя читать скучные тома о войнах прошлых веков. На уроках младшего господина она узнала гораздо больше, чем в школе.

Наяда легко могла поддержать любую беседу или спор, орудуя фактами, как мечом, это тоже заслуга Мардара. Знания давались девушке легко, будто она уже знала то, о чем ей говорят, просто забыла. Однажды она проснулась, потрясла господина за плечо и

выдала ему воинский устав офицерской армии Залеса, а потом как ни в чем не бывало заснула.

Ближе к вечеру, Наяда нехотя соскользнула с лавочки и потрусила к дому. Вот-вот придут первые гости и ей совсем не хотелось встретиться с ними лицом к лицу.

В свою комнату девушка заходила постепенно, сначала закрыв глаза, потом открыв один из них. И только за тем радостно захлопала в ладоши, увидев настоящее произведение искусства. Реальность превзошла ее ожидания.

На кровати слуги аккуратно сложили свежее нижнее белье в цвет к платью, чуть поодаль на вешалке томилось грозное облако. Это первые два слова, которые пришли ей на ум, когда она увидела подарок господина.

Темно-синее с россыпью камней от талии до подола, легкое, будто совсем невесомое. Наяда долго любовалась платьем, которое вполне могло бы принадлежать королеве. Она легонько коснулась ткани, боясь, что сейчас платье исчезнет и окажется, что все это лишь плот ее воображения.

Тонкие рукава платья, которые должны были плотно прилегать к руке, заканчивались расклешенными книзу волнами, их подолы тоже украшены камнями.

Около вешалки с платьем, черные туфли-лодочки на сплошной подошве, Мардар не забыл про ее ненависть к каблукам. И конечно же украшения на туалетном столике. Серебряное кольцо с россыпью сапфиров и кольцо, очень похожее на то, что ей подарил лорд, но из серебра. Наяда больше любила этот металл, золотой блеск напоминал ей солнце, а серебряный луну, которая казалась девушке намного роднее.

Она подошла к окну, чтобы посмотреть на разодетых Знатных господ, к этому времени внизу уже заиграли музыканты. Первыми прибыли Зеленые, в традиционной одежде цвета своего Дома. Эвар за то время, что Наяда его не видела, заметно вытянулся и разросся в плечах.

Следом подросли Лавандовые, ведя за собой выводок дочерей. Белые и Алые приехали одновременно, но даже не поздоровались друг с другом.

Последним появился Хеуд, его одинокая фигура на входе в поместье казалась девушке ненастоящей, состоящей из черного дыма. Она постаралась поскорее отойти от окна, однако Лиловый успел приметить ее, перехватив взгляд девушка.

Короткая встреча и ничего больше. Наяда убеждала себя, что худшего сегодня не случится.

Она вернулась к платью. Собираться пришлось долго, справиться с затейливым корсетом, не прибегая к помощи служанок, оказалось нелегко. Девушка пыхтела и тихо ругалась, затягивая ленты на спине, ей пришлось неудобно вывернуться.

Закончив с платьем, девушка побыстрее нацепила украшения, легко расставшись с подарком лорда, чтобы заменить его на серебряное кольцо. Волосы, вопреки правилам, Наяда оставила распущенными. Обернувшись, девушка посмотрелась в зеркало, обескураживающе улыбаясь своему отражению.

Она никогда не видела себя такой красивой. Подол платья вокруг ее ног создавал впечатление, будто девушка состоит из воды и воздуха. Когда она двигалась, камни, украшающие платье, переливались и блестели.

Наяда повела плечом, заставляя ткань двигаться и провела рукой по туго затянутому корсажу, нащупывая россыпь камней. Словно девочка, сон которой стал явью, она закружилась. Завтра она обязательно уприсит Мардара оставить это платье себе, Наяда не представляла, сколько оно могло стоить, но расставаться с ним не желала.

Она посмотрела на кольцо, ясно намекающее, кому она принадлежит. Дитя луны и ветра, так называл ее Мардар, в шутку обращаясь к ней «ваше величество». Сапфир, застывший в форме капли, напоминал девушке о пролитых слезах.

Наяда подняла голову, чтобы еще раз взглянуть в зеркало. Улыбка на ее лице застыла, медленно сменяясь оскалом. На туалетном столике девушка нащупала платок и быстро вытерла тонкую струйку крови, вытекающую из глаза вместо слезы, стараясь не размазать кровь еще сильнее.

В последний раз кровь носом у нее шла, когда голоса пытались поговорить с ней, тогда девушка ощущала внутреннюю борьбу, свою силу, подавляющую голоса. Однажды слезы превратились в кровь,

когда ее сердце сжималось от боли по леди Эванлин, в тот ужасный момент, девушка просто не обратила на это внимания. В оба раза она не обратила особого внимания на склонность своего организма.

Сейчас время будто замерло, вокруг все стихло, Наяда не слышала веселую музыку с первого этажа, смех Знатных. Она встряхнула головой, отгоняя плохое предчувствие и направилась к выходу, Мардар, наверняка, ждался ее.

Дверь пришлось открыть нараспашку, чтобы протиснуть в проем пышное облако платья. Переступив порог, девушка замерла на мгновение. Предчувствие ни только не отступило, но усилилось, тишина в коридоре стала щемящей черной бездной, медленно поглощающей девушку в себя.

Наяда гордо задрала подбородок, она никогда не бежит от опасности и в этот раз не станет. Если это лишь плод ее разыгравшегося воображения, то она быстро пересечет длинный коридор и юркнет в покои Мардара, в безмятежную безопасность.

Если же опасность не надуманная, то она закричит, и кто-нибудь из солдат ее обязательно услышит. Девушка расправила складки на юбке и двинулась по коридору медленнее обычно, стараясь вглядываться в полутьму.

В такой день в поместье мог проникнуть безобидный воришка, которого уловил недремлющий инстинкт девушки, или вор посерьезней и опасней. Однако любой вор все равно остается вором, он не так опасен, как злейшие враги.

Наяда остановилась посреди коридора, с шумом выпустив воздух из легких. Ее ноги приросли к полу, что-то не отпускало ее идти дальше, но она упорно смотрела себе под ноги, не желая поднимать головы.

— Молодец, — зашелестел голос из темноты. — Чувствуешь.

Наяда никогда раньше не слышала шипение змеи, но готова была поклясться, что именно так оно и звучит. Она сжала руки в кулаки, расправила плечи. Солдаты ей не помогут.

Первыми показались молнии, Наяда подалась назад, вспоминая на что они способны, следом из мрака вышел Хеуд.

— Удивительно развитый инстинкт, обоняние и слух. Люди тренируются годами, чтобы так уметь. — Знатный засмеялся, приближаясь к девушке. — О, и конечно же, поразительная

способность не уставать в бою, насколько я знаю, ты даже не потеешь, верно?

Пока было куда отступать, девушка усиленно искала в голове решение. Если Хеуд пришел, чтобы убить ее, он может убить и Мардара, если тот кинется спасать служанку.

Наяда уперлась в стену лопатками и затылком, с ужасом осознавая, что не закричит, не позовет на помощь, даже если Хеуд живьем начнет сдирать с нее шкуру. Единственное, чем она могла отблагодарить господина за доброту, не подставляя его под удар Знатного.

— Жизнь в поместье пошла тебе на пользу, — Хеуд подцепил двумя пальцами шелковистый локон, перекручивая его.

Наяда старалась отодвинуться от молний как можно дальше, задирая голову. Память о боли была слишком свежа.

— Возможно, пока ты не понимаешь, на что способна. Да ты и не должна понять, — зашептал Хеуд ей в лицо. Молнии на его руках перескакивали с пальца на палец, и в любой момент могли перекинуться на девушку.

— Что тебе нужно? — Сквозь зубы прошипела Наяда.

— Многое, — Хеуд пожал плечами, давась смехом. — Вопрос в том, что ты можешь мне дать.

— Держу пари, ты помнишь, — усмехнулась девушка и посмотрела на лицо Знатного, на то место, где должен быть шрам над бровью.

— Мои раны быстро зажили, а твои?

Рука Хеуда нащупала в темноте горло девушки, его пальцы сжались, сдавливая нежную кожу. Наяда молилась, только бы он не оставил синяков, которые обязательно увидит Мардар, если она выживет. Если. Она не знала, для чего Хеуд пользуется своим положением, пришел в коридор, ведь его отсутствие непременно заметят. А когда найдут труп в удивительно красивом платье, подозрение сразу же падет на него. Став любимицей младшего господина, Наяда заимела некую неприкосновенность. Теперь убить ее просто так не могли.

Он не убьет меня, эта мысль не вызвала облегчения.

Молнии с рук Хеуда поползли по ее шее и груди, стали спускаться ниже, но не жалили, не проникали под кожу, норовя уничтожить.

Напротив, они ползли по ней змейками, лаская, будто пытались убаюкать.

— Сила не всегда бывает губительна, Наяда.

— И это говоришь мне ты! — Выплюнула девушка, перехватывая руку Хеуда. — Уберись от меня!

Хватка на горле стала сильнее, заставляя девушку задыхаться. Ей безумно не хотелось портить платье, но ситуация вынуждала ее пожертвовать подарком господина. Она оперлась о стену, надеясь, что подол платья не помешает ей хорошенько лягнуть Знатного.

Хеуд хорошенько встряхнул девушку, молнии угрожающе замерли, готовые ужалить.

— Не вздумай, девчонка. Я уверен, если постарайшься, то сможешь обойтись без рук или ног.

Наяда не поняла пространственный намек. Привычка Хеуда говорить загадками стала раздражать с новой силой. Она повернула голову, чтобы увидеть двери, ведущие в покои господина.

Только не выходи, взмолилась девушка. *Не выходи поискать меня.*

Она беспомощно застонала, закрывая глаза, какими бы не были планы Хеуда, отпускать ее он не торопился. Одна из молний ужалила ее за запястье, и Наяда вскрикнула, зажмуриваясь. Неужели ей снова придется пережить эту пытку, чувствовать замедляющееся биение собственного сердца, ощущать разряды молний в теле и беспомощно терпеть.

Вместо боли она почувствовала вкус табака и спиртного. Отвратительно сочетание, передавшееся ей от отвратительного человека через поцелуй. Секундной заминки Знатному хватило, чтобы впиться в губы девушки.

Ярость, поднявшаяся откуда-то снизу и захватившая девушку целиком ни шла ни в какое сравнение с тем, что ей доводилось чувствовать раньше. Она задрожала всем телом от прилива силы, требующей выход.

Наяда выгнулась, но руки ей и в самом деле негодились, нечто гораздо сильнее оттолкнуло Хеуда от нее, повалив на пол. Девушка выкинула руку вперед, представляя, что сжимает внутренности падальщика перед ее ногами.

Хеуд тихо взвыл, откатываясь подальше. Из рта мужчины потекла кровь, пачкая белые зубы. Он закашлялся, но все равно не

перестал улыбаться.

Наяда согласна была упасть рядом, лишь бы все закончилось. Ее мышцы ломало сладким спазмом, в голове гудело, что-то заставляло ее сжать руку в кулак и прикончить врага.

Противясь всей своей сущности, которая отчаянно требовала завершить начатое жестко и бескомпромиссно, Наяда опустила руку, прекращая пытку. Она потом подумает о том, что это было. Быть может, думать придется долго и ответ в итоге все равно не найдется. Но сейчас она должна вернуться к Мардару, чтобы он не отправился на ее поиски.

— Он не ошибся. Это в самом деле ты, — глухо прошептал Знатный, сплевывая кровь.

— Убирайся прочь и больше не появляйся, — содрогаясь от спазмов, ответила девушка. Необъяснимая сила все еще бушевала в ней, словно разыгравшаяся буря. Наяда опасалась, если Хеуд не уйдет, это что-то заставит ее убивать.

Хеуд нетвердо поднялся на ноги, придерживаясь за стену, кровь он вытер рукавом и как ни в чем не бывало, поправил камзол и отсалютовал девушке невидимой шляпой.

— Это еще не конец, моя дорогая.

Развернувшись, Наяда ударила кулаком по вазе, свалив ее со столика, однако раскололась она не от столкновения с полом, а от удара. Девушка потрясла ободранными пальцами, закусывая губу.

Она проскользила спиной по стене, опускаясь на пол и закрыла лицо ладонями. Слишком многое ей было непонятно, с некоторыми вещами она готова смириться, но кое-что требует ответов, которые, увы, в Хорте она получить не сможет.

Наяда подождала, пока спазмы стихнут, пригладила волосы, все еще надеясь, что выглядит хорошо и побрела к покоям Мардара.

Многие решения не должны даваться легко, они должны ложиться на грудь тяжким грузом, чтобы всегда напоминать о себе, так думала Наяда, открывая двери и натягивая на лицо искрящуюся улыбку.

Мардар ждал ее, и видимо, достаточно давно. Он стоял у окна, сложив руки за спиной и смотрел в небо, когда Наяда переступила порог, он обернулся в нетерпении и кажется, даже тихо ахнул.

— Ты могла бы затмить луну, — проговорил он ласково.

Ей не нужна была луна, не нужны блестящие украшения и дорогие одежды. Стоя на пороге, девушка старалась скрыть подступившие слезы улыбкой. Ей не нужна безопасность и красивый дом.

Она вздрогнула, позволяя мыслям обрести телесную оболочку. Ей не нужна любовь и семья. Одна слеза предательски покатилась по щеке.

Дружба, деньги, танцы под луной, ощущение свободы верхом Вороне, все это не для нее. Губы задрожали, желая обличить мысли в слова.

Мне нужны чужие жизни, — это мое предназначение.

— Что с тобой? Наяда, что случилось? — Мардар в несколько шагов преодолел разделявшее их расстояние и затряс девушку за плечи.

Признав себя настоящую, Наяда ощутила, как твердая почва распалась под ее ногами, больше она не сможет быть прежней. Она не сможет жить в поместье и ухаживать за господином, борясь с голосами.

Вместо объяснения, девушка положила голову на грудь господина и потянулась к его шее, наслаждаясь запахом его кожи. Мардар пах корицей и мятой, неожиданно приятное сочетание после табака и алкоголя.

Последние ночи в поместье, девушка хотела провести рядом с ним, баюкая голоса, предостерегая их. Возможно, они быстро вернутся, когда она сбежит, но стоило хотя бы попытаться.

Единственное, что Наяда твердо решила сохранить, это кольцо, которое будет служить напоминанием о человеческой доброте. Она давно поняла, Мардар не просто нуждался в ней, как в лекаре, они оба зависели друг от друга по непонятным причинам.

Господин провел ее к балкону, Наяда увидела серебристый диск в небе. Она будет смотреть на нее, когда отправиться в свое путешествие и вспоминать безумца, научившего ее чувствовать. Возможно, умение ощущать что-то не физически, в самом деле безумие. Этот мир не заслуживает такого проявления.

Мардар положил одну руку девушке на талию и закружил ее в вальсе, а она упрямо разглядывала его лицо, запоминая строгие линии. Если она любила леди Эванлин, то несомненно любит и Мардара.

— Милорд, мне очень хочется вести дневник, как ваш отец.

Мардар улыбнулся, не прекращая танца.

— Разве я могу тебе что-то запретить, дитя луны и ветра?

Не мог, и Наяда это знала. Но он пока еще не знал ее настоящую, а если бы узнал, то вряд ли захотел находиться к ней так близко.

У них не было музыкантов, не звучала таинственная мелодия, но этого и не требовалось. Господин и служанка повиновались внутреннему компасу, кружась в прохладной ночи. Наяда не сдержалась и коснулась широкого плеча господина, повела рукой выше, легонько дотрагиваясь до кожи, одним пальцем погладила гладко выбритый по случаю подбородок и подтянулась на носках, чтобы быстро поцеловать Мардара в щеку.

Остаток ночи девушка захотела провести в своей комнате, получив заветную книжицу с чистыми листами. Ей еще многое нужно было выразить на бумаге перед уходом, но это не самое сложное, гораздо сложнее выбраться в город, чтобы напоследок прихватить отцовский меч, кинжал и пару золотых монет.

Наяда устроилась поудобнее на кровати, положив дневник на колени и задумчиво посмотрела в окно. Начать всего сложнее, потом слова будут литься сами, ложась на желтоватые листы. Она посмотрела на платье, заботливо повешенное обратно на вешалку и колье, поблескивающее на туалетном столике. Не хватало только кольца.

Немного подумав, девушка сделала первую короткую запись в верхнем углу листа: «Обгоняя ветер». Однажды она обгонит ветер, узнав правду, которую от нее скрывают даже те, кого она любит.

Девушка посмотрела на причудливое изображение, найденное в комнате Мардара на его столе. На изображении высился дом из закрытой части города, а рядом с домом непонятный стальной зверь, извергающий пар.

Какой бы не оказалась правда, Наяда найдет ее. Изображение она вложила в дневник.

11 Запись первая

Говорят, что перед бедой наступает затишье, я часто слышала, как об этом говорят охотники в городе. Природа вокруг чувствует хищника и замирает в ожидании и страхе. Примерно то же самое произошло перед тем, как я почувствовала Хеуда, притаившегося во тьме коридора.

Мир замер в ожидании, ожидая яростной схватки двух хищных зверей. До этой ночи я наивно полагала, что однажды мне просто не повезло. Не повезло оказаться в Хорте, потеряв память, голодать или работать в полях. На деле все оказалось гораздо сложнее. И Знатный ублюдок несомненно знает об этом лучше меня. Каким-то образом он смог разбудить во мне то, что крепко спало, зверя, зов крови которого теперь я не могу заглушить. Его зов заставляет меня двигаться, искать дорогу и ответы.

Хорт перестал быть моим безопасным прибежищем, даже в таком захолустье удивительно легко оказалось завести врагов, намного легче, чем друзей.

После последней встречи с Хеудом, я уверилась, ручные молнии не самое страшное. Во-первых, это не магия. Как он и говорил, эта внутренняя сила, высвобождаемая путем сопряжения инстинкта самосохранения с веществом, которое выделяет организм во время того, как испытывает сильный страх. Эта сила некий побудитель к действию, она заменяет имеющееся чувство на то, которое будет намного полезнее в критической ситуации.

Не знаю, насколько верно мое объяснение, это то, что я почувствовала, когда Хеуд поцеловал меня.

Забавно, первый в моей жизни поцелуй произошел с врагом.

После этого отвращение и страх заставили мой организм выплеснуть что-то более сильное и действенное. Оно позволило мне ощутить внутренние органы Хеуда, будто его живот вспороли и все внутренности доступны глазу. Не знаю, как такое возможно. Это пугает и удивляет. Но это еще не все. Невидимыми руками я смогла пробраться сквозь его кожу и скелет, сжать сердце и легкие. Мне это в самом деле не показалось, ведь Знатный свалился на пол, жадно хватая

ртом воздух. Еще немного, и я вполне могла бы убить его, Хеуд захлебнулся бы в собственной крови, но что-то остановило меня.

Если все это реально, я просто обязана узнать больше.

Как ужасно прожить в неведении. Я не дура, и понимаю, что правда может оказаться гораздо страшнее, чем возможно предположить.

Вонт зовет меня. Столица Залеса, которую я никогда не видела, наверное, едва ли кто-то знает, где я обитала целых пятнадцать лет до того, как очнулась в Хорте. Но перед тем, как отправиться в неизвестное путешествие, мне хочется рассказать тому единственному человеку, который прочтет этот дневник, что такое жизнь в Хорте за пределами богатого поместья, какого не знать своей настоящей семьи, происхождения.

Мой предстоящий побег не просто очередной каприз вроде тех, что господин исполнял. Не знаю, что заставило его привязаться к грязной служанке так прочно, что он решил сделать мою жизнь сказкой.

Но стоит вспомнить о том, что я не Наяда, своего настоящего имени я не знаю, да и никто, наверное, не знает. Ввиду этого, можно считать мою клятву королю и лорду ненастоящей, ложной. Наяды никогда не существовало по-настоящему.

Я провела много ночей в попытках вспомнить хоть что-то, любую мелочь, знакомое лицо или голос. Тщетно. Пару раз возникала мысль, что мою память украли намеренно, но зачем? Кому понадобились воспоминания обычной девушки? Клянусь, я бы поверила в чудо, в богов, может даже в магию, если б могла. Нет, это ни чудо и не магия, люди, сотворившие со мной это, не способны на такое. А я уверена, что причиной моего появления в Хорте стали именно люди.

Прежде всего, отправляясь в Вонт, мне хочется узнать, была ли у меня семья, родители, братья или сестры. Хоть кто-нибудь, кто мог бы мне рассказать, кто я. От господина Дамира я слышала, что в Вонте есть база данных о каждом проживающем в Залесе, (да-да, подслушивать не хорошо, помню, но разве можно иначе узнать что-то в этом городе, сплошь покрытом тайнами?). И сразу вспомнила, что перед клятвой мне укололи палец, взяв пару капель крови в стеклянную колбу. Тогда это выглядело смешно, а сейчас возымело новый смысл.

Мне нужно найти эту базу данных, найти себя.

Не уверена, что когда-то вернусь в Хорт, я вообще ни в чем не уверена, мое положение слишком шаткое. Произойти может все, что угодно, я могу даже не дойти до столицы.

Однако благодаря Мардару я знаю карту наизусть. Его уроки не прошли даром. По крайней мере, я на это надеюсь. Он много времени потратил на то, чтобы рассказать мне, как раньше люди выживали в абсолютно диком мире, пока еще не приручили природу. Поэтому в теории я знаю, как выжить в лесу, как охотиться, как найти верный путь и еще много всего нужного, не вижу смысла перечислять это. К тому же наши драки с Мардаром закалили мое тело. Вот только бы добраться до тайника с оружием, тогда мне ничего не страшно.

Вру, страшно, конечно. Но я испытываю страх не так как нормальные люди. Страх не тормозит меня, мое тело не покрывается холодной испариной или потом, нет желания убежать и спрятаться. Мой страх больше похож на любопытство. Да, думаю так вернее всего. Любопытство, потому что мне непременно хочется узнать получше причину угрозы, например. Страх не подавляет, а обостряет мои эмоции и чувства. Прежде всего просыпается инстинкт, о котором сказал Хеуд.

Но и тут все не как у нормальных людей. Робин рассказывал, что инстинкт помогает людям выживать с древнейших времен, когда еще не было знания. К примеру, вы не сунете руку в огонь, если предположить, что вы не знаете, что он обожжет вас. Зато ваш инстинкт знает и не позволит вам этого сделать.

Мой инстинкт активирует боевой дух, будь он неладен. Вместо того, чтобы убрать руку от огня, я бы начала с ним драться, скорее всего.

Ну вот если вспомнить мое противостояние Хеуду в первый раз. Леди Эванлин была умна, она не шла на рожон, зная на что способен ее муж. Я тоже знала, только меня это не остановило, наоборот, даже подогревало надобность ему напасть.

Он часто выходил из себя по мелочам, пока я была служанкой в его доме. Неправильно положенная вилка на столе приводила его в ярость, или чашка, стоящая не ровно посередине блюда. Полотенца в ванной, разложенные не в том порядке, в каком он привык, якобы

случайно брошенная ложка соли в чай, вместо сахара. Каждый раз он взрывался и орал на весь дом.

Леди Эванлин это пугало, а меня забавляло. Может быть я родилась какой-то не такой, неправильной. Или что-то сделало меня такой, было бы проще судить, если бы осталась память о прошлой жизни.

Я рада, что все так вышло, рада, что попала в поместье к лорду, пусть поначалу меня привела в ужас идея, стать служанкой Мардара. Сейчас раннее лето, я прожила с Мардаром три месяца и готова заявить, нет в Хорте человека добрее и отзывчивее его.

Ему не положено из-за недуга завести семью, но я верю, что однажды законы поменяются и та девушка, что станет супругой моего господина, будет самой счастливой женщиной в Залесе. К тому же, помню, как лорд Ивьенто предлагал поженить нас, значит, он не против преступить законы и дать сыну возможность познать счастье быть родителем, быть любимым.

К сожалению, с этой ночи лорд Ивьенто мало что решает в Хорте. Теперь его старший сын молодой лорд Дамир глава города. Вряд ли он так же будет печься о брате.

Но если хоть бы на секунду Мардар задумывался о том, как важно знать своих родных, свою историю, он непременно меня поймет, быть может не сразу, сначала он будет зол за мой побег. А позже он найдет этот дневник, в этом я уверена, ведь я оставлю его в комнате моего доброго господина. И изображение он тоже найдет, поймет, что я его видела, конечно же, и что оно еще больше подбило меня на побег.

Прошло два дня. Я постепенно готовлюсь к побегу, вещей возьму немного. Меч, кинжал, кольцо, да немного одежды и плащ моей милой Эванлин. Дневник оставлю в ящике стола в библиотеке Мардара, там же, где я нашла изображение железного чудища.

Сегодня я заметила, что Дамир тайком следит за моими передвижениями по дому. Зачем? Все еще злится за те слова? Черт бы с ним. Мои детские чувства к нему давно прошли, он интересуется мной не больше мухи. Однако он становится весьма ощутимо надоедлив. Я встречаю его буквально всюду. Из кабинета отца, который он присвоил себе, Дамир следит за нашими с Мардаром тренировками. И ведь не просто смотрит, а как-то оценивающе что ли.

Во время обеда и ужина он не сводит с меня взгляда. А раньше намеренно старался не смотреть на меня. Еще чаще мы пересекаемся в коридорах. Вчера он каким-то образом оказался около моей комнаты, подпирал собой стену в ожидании чего-то. Чуда? Так оно не произошло, я все еще здравствую и помирать не собираюсь, если он на это надеется.

Как же мило мой господин улыбается, видя свой подарок на моем пальце. Он заметил, что я сняла кольцо лорда, чтобы носить это. Вчера он поглаживал сапфир, задумчиво глядя в камин. Интересно, о чем же он думает? Он никогда мне не скажет, даже если я снова начну кусаться и царапаться. Он достаточно сильный, мог бы заломать меня одной рукой, но никогда этого не делает, терпит. Иногда бранится, но не слишком рьяно, скорее так, для приличия. Хотя о каком приличии может идти речь, когда чаще всего мы спим в одной кровати, пусть и не касаемся друг друга.

Об этом никто не знает, мы храним в тайне этот маленький секрет. У людей злой язык, они воспримут это неверно, исковеркают и перевернут, нам этого не хочется, поэтому в покоях Мардара на ночь я остаюсь тайком, а ранним утром перебегаю в свою комнату, как раз перед тем, как слуги в доме должны проснуться.

Из-за того, что Мардар спит слишком чутко, я не смогу порыться в его вещах, в поисках других изображений или любых других доказательств того, что очень многое мне недоговаривают. Придется начать с того, что известно. Мардар рассказывал, что Вонт очень большой и современный город, в нем легко заблудиться. Не знаю, что он имел ввиду под словом «современный», потому что в Хорте под это определение подпадает только форма солдат, все остальное создавалось еще руками прапрадедов горожан.

Возвращаясь к вопросу о том, как живет в Хорте за пределами поместья. Сложно. Едва ли горожане, как собственно и я, понимают, что такое современность. Их современность состоит из лохани с холодной не очень чистой водой (ни в какое сравнение с белоснежной ванной не идет, правда ведь?), спят многие на грубо сколоченной кровати, матрас которой состоит из соломы, а подушки наполняют свежей травой в весенние и летние месяцы, те, кто побогаче

используют пух. Из какого вещества состоит наполнение подушек в поместье, я так и не разгадала, но это точно не пух и не трава.

В одной книге, которую Мардар позволил мне брать в свою комнату, чтобы читать перед сном, я вычитала, что подобный быт называется древним. А настоящее время относят к периоду под названием «после уничтожения», не совсем понимаю, что это значит, да и Мардар не спешит объяснять, но одно слишком явно, чтобы этого не заметить. Между старым временем, то есть древностью, и «после уничтожения» ни один век развития и эволюции. Так почему же Хорт остановился на одной стадии и не хочет двигаться дальше? Почему люди, которые, вероятнее всего, знают об этом, (Знатные Дома уж точно знают) молчат и не противятся такому укладу?

Что заставляет их вести сложную, полную увечий и лишений жизнь, вместо того, чтобы вынудить лорда (теперь уже Дамира), привнести эту непонятную современность в город. Кстати, Хорт ближайший город к столице, и если здесь жизнь застопорилась на древней эпохе, что же говорить о других, более отдаленных городах? И какой тогда Вонт?

Мои руки начинают дрожать, когда я думаю об этом. Что-то не так, что-то не сходится. Всякий раз мои мысли натываются на невидимую преграду, состоящую из недостатка образования и знаний о мире. Почему никто не хочет рассказывать, как на самом деле устроен мир? К чему такая секретность?

Мардар, мой милый господин, если ты читаешь это, то постарайся простить меня. Если этот дневник в твоих руках, нет больше смысла показано выкать, мы скорее всего больше никогда не увидимся, поэтому я хочу, чтобы ты знал, в Хорте я оставляю трех людей, которых люблю, очень люблю. Леди Эванлин, могилу которой я так и не почтила памятью, приемного отца Робина, чью могилу копала сама, и тебя.

Не знаю, что заставляло тебя врать и недоговаривать, отвечая на мои вопросы. Но это уже не важно, всё не важно, кроме одного. Я очень тебя люблю. Ты стал для меня светом в мрачном чужом городе. Прости, что не смогу отплатить тем же, оставшись.

Вот и всё. Лорд Дамир позволил завтра сходить до хижины, забрать оставшиеся вещи. Он не задавал вопросов, ему вообще не

было до этого никакого дела. Это и хорошо, не пришлось слишком много врать.

Завтра я в последний раз пройду по Хорте, увижу спустя три месяца горожан. Попрощаюсь с ветхой хижинкой, заменивший мне дом и с доблестным воином, ставшим мне отцом.

Потом ненадолго вернусь, чтобы до конца дня побыть с Мардаром, подложу дневник и уговорю его эту ночь провести раздельно. Но до своей комнаты не дойду. Так начнется мое путешествие.

Я не верю в богов и в их волшебную силу, но сегодня все же помолюсь (впервые), на удачу.

12 Предупреждение

— В город приехала проверка и куча солдат в придачу, — Мардар почесал затылок. — Что им надо от Хорта?

— Тебя это не должно волновать.

Дамир с удовольствием поглощал завтрак, не обращая внимания на подозрения брата. Наяда радовалась, что хоть что-то отвлекло нового лорда от нее. Жить под его чутким взором стало невыносимо.

— Раньше они не приезжали, — не унимался Мардар, отложив ложку. На его лице явно читалось беспокойство.

— Говорю же, это не твоя головная боль. Развлекайся с девчонкой и не думай о моих делах.

Наяда вздрогнула, ложка, которую она слишком сильно сжала в руке, противно звякнула о тарелку. Так откровенно свою неприязнь наследник еще не выражал прилюдно. Девушка подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Может мне и вас развлечь? — Выплюнула девушка, поднимаясь. Она первый раз позволила заговорить себе за столом в присутствии всех членов семьи, занятно, что никто не заткнул ее сразу же, Наяда ожидала более бурной реакции.

Леди Эдиона удивленно уставилась на служанку, перестав завтракать. Наяда усмехнулась, оба хозяина дома считают ее послушной своей воли, настолько что не могут предположить ее побег, или ядовитую фразу, будто невзначай брошенную их старшему сыну. Возраст сделал обоих родителей чувствительными, к тому же они давно устали от перепалок братьев. Глухой от злости голос служанки окончательно их подкосил.

— Сядь и замолчи, — господин Дамир выпрямился и нахмурился, мысленно уничтожая девушку. Наяда едва не засмеялась от его упорства, вот-вот глаза лопнут от натуги.

— Попробуйте меня заставить.

Леди Эдиона прикрыла рот рукой, подавляя тихий вскрик и закатила глаза. Наяде хотелось сказать ей, что она не леди и никогда не станет себя так вести, из служанки не воспитать принцессу. Видимо, леди Эдиона была иного мнения.

Открытое неповиновение на глазах у всех. Наяда наконец ощутила облегчение от сказанного, поджатые от злости губы наследника, побуждали ее продолжить. Девушка вышла из-за стола, движимая инстинктом, она вслушалась в собственные ощущения, заставляя силу, свалившую Знатного пробудиться. Почти сразу ее обволокло спокойствием и приятной тягой, уговаривающей разорвать внутренности Дамира. Девушка заулыбалась, чувствуя прилив забытых ощущений, убийственная способность казалась ей пушинкой, прокатывающейся от плеч по рукам и щекочущей кончики пальцев. Вся прелесть заключалась именно в ласкающей составляющей, успокаивая, защищая невидимым коконом от новоиспеченного лорда и его злых глазок.

Ей стало интересно, ведь если не станет старшего наследника, вся власть перейдет к Мардару. Было бы так просто вытянуть руку и послать поток силы в сторону Дамира, заставить его внутренности сжаться и лопнуть. Девушка представила удивление на лице наследника и страх в глазах остальных.

Дамир тоже встал и направился к ней, намереваясь покарать девушку. Наяда вытянулась в струну, предвкушая, как ее сила не даст лорду дотянуться до нее, ударить. Стоит только пожелать и его не станет в одно мгновение, на полу растечется лужа крови, предупреждая всех о том, кто Наяда такая. Ее нельзя безнаказанно оскорблять. Быть может раньше, она стерпела бы все от этого мужчины, любое унижение, любую гадость, ради его улыбки. В то время она была грязной нищей горожанкой, погибающей в полях. Впрочем, и неделей раньше она не позволила бы себе открыто грубить старшему господину. Однако теперь у нее появился весомый довод не гнуться перед Дамиром, этот неприкасаемый аргумент перебегал по ее жилам и мышцам, ласкал шею и позволял вздохнуть свободно, ощутив сладость ветерка из открытого окна. Новое открытие раз и навсегда изменило девушку, прошлой ночью она вскочила с кровати и долго искала пистолет под подушкой, почти не осознавая, что это такое и зачем ей нужно. Подобные видения и всплески интуиции больше не удивляли. Наяда старалась приспособиться к этим неизведанным ощущениям, понять их, вспомнить нечто важное. Ее память пыталась вернуться, нужен был лишь небольшой толчок, что-то что взбудоражит

и вернет ей утерянное или отнятое кем-то, до кого девушка обязательно доберется.

Она приготовилась действовать, однако господин замер в нескольких шагах от нее, глядя за спину девушки.

Мардар положил ей руку на плечо и отодвинул девушку в сторону, заслоня собой.

Убей его! Убей! Он враг, требовал слабый голосок в голове.

Братья встали друг напротив друга, Дамир задумался, стоит ли продолжать, все же Мардар был в лучшей физической форме, он не брезговал тренировками, как наследник.

— Ты ее оскорбил, она ответила, — прорычал младший господин. — Что не так?

— В моем доме у прислуги нет права на голос и не будет.

Наяда склонила голову набок, радуясь тому, что лорд отступил на пару шагов, примирительно подняв руку. Он боялся брата и не особо это скрывал, однако его новое положение вынуждало его не сдаваться.

— Она не прислуга, — рыкнул младший господин, наступая на брата. — Ты весьма занятой человек, Дамир, и пропустил тот момент, когда Наяда стала полноценным членом семьи. Тебе придется, хочешь ты того или нет, с ней считаться.

От негодования лорд не удержался и презрительно фыркнул, с чего бы ему, представителю благородной крови считаться с оборванкой. И он был прав. Сначала об этом подумала Наяда, потом и Мардар.

— Не трогай ее, — заключил он. — Наяда принадлежит мне. Следовательно, у нее будет тот статус, который я захочу ей даровать.

Наяду перевернуло, она сжала кулаки, желая заехать Мардару по самодовольной физиономии. Его слова обожгли намного сильнее оскорблений Дамира. Она опустила голову, приседая в глубоком реверансе.

— Если господа не будут против, прислуга удалится, чтобы не мозолить глаза.

Мардар попытался схватить ее за руку, намереваясь остановить, девушка достаточно прытко отступила, поправляя складки на платье и бросив взгляд на кипящего от злости лорда Дамира, поспешила уйти в свою комнату.

Походив немного взад-вперед, как зверь в клетке, девушка переделалась в привычную одежду и схватила за дневник, сделав одну короткую запись к довершению.

«Мое сердце дикое и свободное. Я никому не буду принадлежать. Никогда».

Толстую тетрадь в кожаном переплете, девушка спрятала в сумку, решив взять ее с собой в город, так оставалось меньше вероятности, что дневник обнаружат раньше времени.

День только-только начался, а она уже хотела, чтобы он быстрее закончился. Известие о наводнивших город солдатах не сильно обнадеживало. Наяде придется пронести незаконное оружие через толпу военных и не привлечь внимания. Она могла бы сойти за охотницу, но что делать, если они потребуют показать лицензию.

Она обязательно справится, благополучно вернется в поместье, чтобы оставить дневник, а с наступлением темноты двинется в путь. Ночью, когда город засыпает, мимо солдат проскочить легче, их внимание притупляет окружающая город тьма без россыпи звезд или хотя бы уличных фонарей, которые достались Хорте от лучших времен и примерно с того же времени не работают.

Девушка достала украденное у Мардара изображение и внимательно взгляделась в него. Еще в первый раз она удивилась, как возможно нарисовать настолько мелкие детали, да так, что мазков красок не видно. Картина ровная и гладкая, нигде не смазанная.

Наяда постаралась отпустить доводы рассудка и воззвать к пропавшей памяти. Редкие проблески в ночи убедили ее во лжи знатных господ. Мир совсем не таков, каким они рисуют его в Хорте. Мышечная память, стереть которую, видимо, не вышло, напомнила девушке, когда она вскочила посреди ночи, что пистолет, который ей вдруг так внезапно понадобился, стреляет пулями. Опасное оружие, намного опасней того, к которому она привыкла здесь в Хорте, извергающее огонь и гром. Значит, в прежней жизни она неоднократно с ним сталкивалась. А железный зверь на изображении не оживет без помощи человека, это маленькое открытие увело девушку в глубокие мысли.

Она не услышала настойчивый стук в дверь, пока в дверь не начали откровенно биться.

Наяда тяжело вздохнула, пряча изображение обратно в дневник, а дневник в сумку, перед тем как открыть дверь.

На пороге стоял Дамир. Что-то в его вальяжной позе казалось девушке угрожающим, но что именно она не успела понять, Дамир отодвинул ее с прохода и протиснулся в комнату.

— Раз и навсегда запомни: ты маленькое ничтожество, не смеющее мне перечить. Повторяй эти слова, как молитву.

Грозное рычание лорда и палец тыкающий ей в ключицу, не пугали. Как минимум, господину придется встать во все возрастающую очередь, чтобы ее наказать. Немного удивило, что он решил сам почтить ее своим приходом. Удивило и встревожило.

— Я не потерплю такой наглости в моем доме. В этот раз я прощаю тебя, и не запрещаю сходить в город. Но в другой раз ты сильно пожалеешь о своем поведении.

Почему ты не вызвал меня в свой кабинет, чтобы отчитать?
Что не так?, девушка нахмурилась, отгоняя кричащие мысли.

Она приложила правую руку к сердцу, чуть склонив голову.

— Моя жизнь принадлежит служению вам, милорд.

Дамир толкнул ее в плечо, разъярясь сильнее.

— Ты меня этим не проведешь! — Он наклонился к девушке. — Я тебя предупредил, Наяда. Тебе мозгов не хватит со мной тягаться.

Мозги и навели ее на ссору с лордом, иначе бы она смолчала, их вполне хватало, чтобы перечить, оговариваться и язвить. Для горожанки в Хорте этого набора более, чем достаточно, иногда даже жить спокойно мешает.

Наяда упала на кровать, желая провалиться в спасительную темноту, яркое солнце бесцеремонно слепило ей в глаза. Дамир громко хлопнул дверью на прощание, давая всем своим грозным видом понять, это еще не конец.

Девушке хотелось пожелать ему удачи, завтра она будет далеко от Хорты и ссоры с лордом потеряют всякое значение. Дамир останется тут, навсегда. Породит светловолосых детишек, воспитает их такими же двуличными гаденышами, в старости передаст город старшему отпрыску. И будет тихонько доживать свое, наблюдая за новыми порядками в Хорте, которые быть может, ему будут не по душе, однако он будет бессилён что-то исправить.

Мысли увели ее далеко в сторону, Наяда представляла, как станет протекать жизнь в городе, когда она сбежит. Изменится ли Хорт через месяцы или года? На ком женится Дамир? Ей почему-то виделась стройная белокурая красавица, достаточно выносливая и смиренная, чтобы выжить в поместье, обязательно из Знатных, чтобы ненароком не попортить благородную кровь лорда.

А Мардар? Сможет ли младший господин когда-нибудь найти себя, излечиться и занять достойное место в городе? Об этом девушка думать не хотела, последние слова господина камнем легли на сердце.

«Принадлежит мне».

Наяде их отношения казались другими. Она считала, что о какой-то там принадлежности к кому-то или чему-то речи быть не может, они оба нуждались друг в друге, как в воздухе или еде. Но оказалось, здесь девушка тоже ошиблась.

Что ж, так ей проще будет прощаться, ничто не станет тяготить ее, когда она уйдет достаточно далеко от Хорта, чтобы ее не нашли, но не достаточно, чтобы не повернуть назад. Именно от этого ее станут удерживать слова Мардара. У нее не будет пути назад. Прожить жизнь рабыней, пусть и при добром господине, ей не хотелось. Наяда видела свою жизнь другой, полной приключений и свободного ветра, развивающего волосы.

Возможно однажды, если все сложится хорошо, ей захочется ненадолго вернуться в город, пройтись по улочкам, умыться лицо в фонтане на главной площади. Увидеть, как подросли дети Дамира и изменился Мардар. Прогуляться до своей хижины, посидеть на ступеньках у крыльца. Это будет через много-много лет, если она вернется, то совершенно другим человеком, знающим правду, помнящим свою прежнюю жизнь.

Город знал ее как сломленную птицу без одного крыла, и она уходит, чтобы отрастить новые крылья, широко расправить их и взмыть в небо. Когда-нибудь это небо, звезды на небе, что появляются в Хорте крайне редко, приведут ее обратно, указав верную дорогу.

Наяда вытянулась на кровати, растягивая затекшие мышцы и закусив губу. А что если она не сможет вернуться? За пределами города ее поджидает множество опасностей.

Девушка хмыкнула и мечтательно улыбнулась. Едва ли те опасности страшнее Хеуда с его противными ручными молниями,

ползающими по телу, как букашки.

Нет, она обязательно вернется в Хорт, когда время придет. Мардар взглянет на нее иначе, поняв, как сильно ошибался, произнося те глупые обидные слова. Он конечно же поймет, что она не могла ему принадлежать. Они оба нашли друг друга и держались близ, спасались таким образом от одиночества, от душевных ран. Человеку просто нужен человек, чтобы пережить самые отчаянные бури и штормы.

Однако, это лишь мечты, которым, вероятно, даже не суждено сбыться.

Наяда ущипнула себя за руку, разозлившись, она снова позволила себе мечтать, вместо того, чтобы действовать. Какая глупость.

13 Сборы

Перевернувшись на живот, девушка отогнала мысли, словно перетекающие в неисполнимую мечту ее воспаленного мозга. Ее ждут куда более важные дела. Например, собраться. Если попав в лес, она не сможет охотиться, то долго не протянет.

Приспосабливаться к новой жизни — Наяде это знакомо, процесс долгий, весьма болезненный. И пусть в этот раз она вполне осознает, на что идет, может оказаться нелегко. Значит нужен провиант на первое время.

Долгие годы нищеты в Хорте закалили ее желудок, девушка может провести без пищи несколько суток, а потом подкармливать истощенный организм по мере надобности, вкидывая в изголодавшийся желудок пару пригоршней ягод или кусок сыра.

Немного воровства с хозяйской кухни и ей удастся протянуть без охоты достаточно долго.

Наяда поднялась, обдумывая, что лучше всего взять в долгую дорогу, продукты, которые долго не испортятся. От свежего мяса придется отказаться. Оно стухнет за день, запах может привлечь диких животных. Костер разводить тоже опасно, поэтому ей нужно то, что готовить не придется.

Добравшись до кухни, девушка прошла по полкам, словно на рынке перед покупкой. Она выбрала две небольшие головки сыра, немного вяленого мяса, которое завернула в домотканую ткань, чтобы приглушить пряный аромат, буханку свежего хлеба. У Наяды потекли слюни, но она упорно засунула булку в мешок, оглядываясь через плечо. Вскоре придет кухарка, у нее не так много времени на выборы и привередливость.

Наяда схватила со стола разделочный нож, пару спелых пухлых помидоров и морковок и напоследок решив, что лишним не будет, запеченный картофель размером со щепень, щедро сдобренный розмарином. Эта специя девушке нравилась больше всего.

Впервые знакомство пряного розмарина и оголодавшей служанки состоялось в доме Знатного, когда Наяда облизывалась, наблюдая за

ловкими руками Блоном. Наяда зажмурилась от удовольствия, предавшись на мгновение воспоминаниям.

С кухни она улизнула быстро и не заметно, успев до появления кухарки, имени которой так и не узнала. Не то чтобы, они совсем не общались. Пару раз они полноценно болтали ни о чем, женщина угостила Наяду эклерами, за которые девушка была готова пару раз сдать в аренду душу, но на этом все. Они не были близки, Наяда не знала о ее жизни ничего, не знала даже, есть ли у женщины семья.

Ей бы очень хотелось исправить это упущение, но время поджимало. К тому же, если она начнет расспрашивать у кухарки о том, о чём с полным мешком еды, женщина как минимум отберет у нее награбленное, а может еще и пожаловаться господам. Тогда ее план пойдет крахом, не начав осуществляться.

К тому же, Наяда не знала очень многих. В поместье то тут, то там, она натыкалась на молчаливых слуг, которых никогда не видела в городе. Все они оставались безликими.

Вернувшись в свою комнату, она спрятала украденное под кровать и принялась рыться по шкафам. Много унести она не сможет, но почему-то все равно проверила два шкафа с одеждой, купленной Мардаром. Один сплошь завален брюками и рубашками, во втором аккуратно висят строгие платья, в которые Наяде приходилось облачаться для времени препровождения с семьей Мардара.

Ей хотелось вытащить все платья, смять их и кинуть на пол.

Я не принадлежу никому!

Раскидать туфли-лодочки почти все одинаковые, черные и безвкусные, разбить зеркало на туалетном столике. Она думала, что уйти будет крайне сложно, воспоминания непременно потянут назад в дружеские объятия господина. Неосторожные слова перечеркнули все, что между ними было хорошего.

На прощание Наяда хотела отвесить господину звонкую пощечину и крикнуть в лицо, что никогда не станет ему принадлежать!

Вот только мало хорошего выйдет из столь опрометчивого поступка. Она никогда не сможет в лицо сказать ему о своих чувствах, погребя их глубоко в душе.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, она не могла оставить кольцо. Долго вертела его на пальце, надеясь, что сможет снять

«слезу» (так она назвала подарок Мардара), и подложить вместе с дневником в качестве намека.

Никогда и навсегда.

В итоге девушка решила оставить подарок, скорее, как напоминание для себя, нельзя привыкать к людям, нельзя открываться, эти простые истины леди Эдиона должна была вбить в нее вместе с теми другими правилами, когда Наяда возникла на пороге их дома впервые.

Если правила поведения для добропорядочной девушки не спасли ее от Знатного и тюрьмы, то два самых простых и действенных, всегда напоминали бы ей, каков мир в Хорте и за его пределами. Только знатное происхождение может гарантировать уважение, другие расцениваются не более, чем вещи. За некоторыми даже хорошо ухаживают, одаривают подарками, дорогой одеждой, пускают за хозяйский стол и устраивают танцы при луне.

Танцы, от которых поет душа и звезды в небе становятся ярче. Наяда могла бы считать себя счастливой, если бы не узнала истинного отношения Мардара к себе.

Она встряхнула головой, сосредотачиваясь на самом важном деле перед побегом. Карта.

На одном листе девушка по памяти нарисовала Хорт на северо-востоке от столицы Вонт, следом отметила Доар на северо-западе от Хорта. Схематично изобразила реку и лес, чтобы иметь более лучшее представление. Ей предстоит сбежать в лес чуть восточнее от Хорта, пересечь реку и двинуться в горы. После обогнуть Хорт по широкой дуге, оставаясь у подножия горного хребта и спускаться вниз по реке на восток. Так она снова попадет в леса, чтобы не выходить на дорогу, где ее могут поймать солдаты.

Сделав крюк по лесам внизу от Хорта и держась по направлению к западу, она пройдет вдоль моря, натолкнувшись на скалы, названия которых никак не могла вспомнить.

Оттуда ведет прямая дорога до Вонта, которую никак нельзя минуть. Но это не так важно. Последний отрезок пути ей придется быть на чеку. Если она правильно запомнила карту, то Лангдаар будет прямо за скалами на юго-западе, а восточнее окажется столица.

Наяда очень надеялась, что верно запомнила карты, которые ей показывал Мардар, иначе она будет бегать по Залесу в поисках черт

знает какой и где столицы, впустую лазать по горам и питаться травой, окончательно одичав.

Девушка тихо засмеялась, завершая карту. Для наглядности она отметила все города на положенных местах и постаралась припомнить большие реки. Больше всего ее увлекла зарисовка Мрачного Острова на востоке от столицы.

Мардар много рассказывал об этом острове. Во-первых, на нем есть все еще действующий вулкан, богатый своей историей. О нем и в Хорте заговаривали часто и весьма охотно. По одной из версий, Мрачный Остров гордо именовался раньше Сердцем Залеса, на нем жили самые привилегированные члены общества, до тех пор, пока не случилось очередное непредвиденное извержение. В итоге остров опустел, на нем остались руины и мертвый лес.

По другой версии в Сердце Залеса было убежище самого короля. По третьей, на острове располагалась военная база, какая-то особенная, но о ней Наяда слышала немного, а Мардар опроверг все слухи, сказав лишь, что остров заброшен и всё тут.

Наяда нарисовала остов руин и рядом безжизненное деревце, в центре острова кое-как изобразила дымящуюся гору. И аккуратно подписала «Сердце Залеса». Название Мрачный остров ей совсем не нравилось. Немного подумав, девушка добавила в начало надписи «Мертвое».

Она давно начала подозревать, что Залес загибается и захлебывается от лжи и предательства короля Сайваса. Остров хороший тому пример. Возможно, он умер в тот момент, когда король пересек точку невозврата в своем правлении. Мардар упоминал, что это произошло лет семь-десять назад, но на точные даты господин был скуп.

Закончив, она свернула импровизированную карту в трубу и засунула в сумку, решив пока с ней не расставаться, как и с дневником.

Ее мысли были заняты продумыванием деталей. Девушка сидела на полу, глупо пялясь в стену и размышляла.

С наступлением темноты она вылезет в окно и спустится по карнизу. Чтобы не привлекать внимание солдат дождется смены поста и в этот момент улизнет через главные ворота. Это легко, не считая того, что ее отсутствие Мардар или слуги могут заметить раньше, чем солдаты сменят друг друга на посту.

Дальше нужно покинуть пределы Хорта как можно быстрее. Она хорошо видит в темноте и если новоприбывшие из Вонта солдаты не схватят ее, сможет передвигаться бегом по лесу до реки. К утру она выдохнется и нужно будет найти убежище, чтобы вздремнуть пару часов.

Про себя девушка отметила, что убежище лучше искать на другой стороне реки.

Как только она увидит горы, спустя дней пять пути, то сможет почувствовать себя в относительной безопасности. Обязательно сможет. Ведь Хорт останется далеко позади, со всеми его жителями и проблемами.

А она станет продвигаться как на нарисованной карте, стараясь меньше спать и больше двигаться. Тогда недели через две-три, она будет в столице.

Всего месяц пути отделял ее от правды. Не слишком большая цена. Наяда подбодрила себя тем, что увидит совершенно другой мир, дивные просторы Залеса и море! Она увидит море достаточно близко, может даже спустится к берегу, чтобы дотронуться до соленых вод и промочить ноги. Эта идея окрыляла девушку.

Все что она пережила здесь, в загнивающем городишке под пристальным взглядом солдат, несомненно стоит того, чтобы увидеть море. Настоящее, бескрайнее и могучее. С белой пеной на гребне волн, сверкающей на солнце и потрясающим воздухом, несравнимым с ни с чем другим. Если повезет, она увидит дельфина или какую-нибудь другую морскую рыбину и чайку!

Наяда нахмурилась, нет, у нее не будет времени на чайк и рыб. Она мельком взглянет на волны, если позволят обстоятельства, спустится к воде, но не более того. Морем она сможет насладиться в более спокойное время, не тишком, как преступница.

Девушка разложила на кровати шерстяной плащ, подарок покойной леди Эванлин, в сотый раз виня себя за то, что так и не сходила к ее могиле, пару кожаных перчаток, выпрошенных у Мардара и высокие сапоги на плоской подошве.

В шкафу отыскала удобные узкие штаны со вставками под ремень и оружие, если таковое имеется и черную кофту, плотную, но легкую, чтобы не замерзнуть ночью и не запариться днем.

Быстро переодевшись, девушка приготовила сумку, которую возьмет в город и положила ее рядом с плащом. Лучше было бы отправиться к хижине налегке, тогда проще будет пронести отцовский меч, но некоторые вещи в поместье просто нельзя оставлять без присмотра.

Когда Наяда переобувалась, в дверь постучала служанка, предупреждая об обеде.

Девушку удивило, что после утреннего прецедента ее все еще хотят допускать до хозяйского стола, но служанка заверила, что ошибки быть не может, ведь за ней послал сам лорд.

— Лорд Ивьенто? — Переспросила Наяда, глупо уставившись на молоденькую кучерявую девчушку.

— Нет, лорд Дамир.

Наяда замерла с открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег реки. Она хотела спросить, с чего бы такая честь, но девчушка уже развернулась и убежала, оставив Наяду наедине с вопросами.

Запихнув сумку и плащ в один из шкафов, Наяда посмотрелась в зеркало, пригладила волосы и улыбнулась.

Не похоже, чтобы лорд Дамир слыл всепрощающим и незлопамятным. Либо он решил продолжить утреннее противостояние, равняя себя со служанкой, что вряд ли. Либо решил снова унижить ее в отместку, а потом сцепиться с Мардаром.

Наяда вспомнила, что не видела господина с самого утра после завтрака. Обычно они проводили время до обеда во дворе, тренируясь. Дрались на мечах, или ухаживали за Вороном. Чаще всего она не утруждала себя в приглашениях, подчиняясь своему внутреннему распорядку дня. Приходила к Мардару, когда хотела, но ей все равно показалось странным, что за полдня господин ни разу о ней не вспомнил.

Неужели он тоже чувствовал себя уязвленным?

— Да и дракон с ним, — пробурчала девушка, выходя из комнаты.

Вскоре все эти проблемы будут далекими, Мардар останется в прошлом.

Наяда плотно закрыла за собой дверь, жалея, что снаружи не может запереть ее на ключ и отправилась в столовую.

14 Прощание

Девушка поджала губы, войдя в просторный зал, служивший семье столовой. Длинные окна со всех сторон и яркое солнце создавали впечатление, что комната — это стеклянный купол. Узкий стол в центре мог вместить шестерых человек, не больше, маловат для такой семьи, его приобрели намеренно, якобы так люди, сидящие за таким столом, становились ближе друг к другу хотя бы во время приема пищи.

На деле оказывалось, что самые близкие и родные люди едва ли усиживаются бок о бок, безэмоциональные и светские разговоры часто перетекают в ругань.

Наяда провела рукой по гладкой поверхности черного дерева, задев узорчатую скатерть и подняла голову, чтобы встретиться взглядом с одним единственным человеком, сидящим во главе.

— Присядь, — томно потребовал лорд, указывая девушке на стул.

Она послушалась, устав от перепалок.

— Хочу предложить тебе, сделать этот обед особенным, — продолжил Дамир, сложив руки на столе.

— Каким образом?

Наяда откинулась на спинку, не слишком задумываясь о манерах. Образ послушной девушки она придерживала для лорда Ивнто и леди Эдионы, и то с переменным успехом.

— Давай-ка порадуем родителей и Мардара, — предложил он, растягивая на лице злую улыбку.

Девушка насторожилась, но продолжила сохранять маску спокойствия и равнодушия. Она давно привыкла к играм благородных господ, они предпочитали улыбаться в лицо и скалиться в спину. Постигнуть правила их жестоких игрищ стало не так сложно, особенно наблюдая за Дамиром, первоклассным игроком и творителем интрижек.

Она подперла подбородок ладонью и обнажила зубы в улыбке.

— Для того и живу, милорд.

Игра началась.

Наяда прикидывала, кто первым сдаст позиции, выказав настоящие чувства. Она не привыкла сдаваться.

— Прекрасно, моя дорогая. Тогда договоримся на том, что в этот раз мы будем добрыми друзьями.

Улыбка девушки стала мечтательной и немного кокетливой, она склонила голову набок, смущенно хлопая ресницами.

— Всегда об это мечтала, милорд. Добрые друзья, — повторила Наяда, прожигая лорда взглядом.

Дамир облегченно кивнул в знак согласия и тоже откинулся на спинку стула, он берег темы для разговора и впечатление «добрые друзья» до того момента, как придут родители и брат. По всей видимости, изображать из себя добрячка с Наядой ему давалось нелегко.

Девушка приосанилась, решив не дать ему возможности подумать.

— Значит, наши утренние разногласия исчерпаны, милорд? Вы прощаете свою нерадивую служанку?

Дамир поперхнулся, резко меняя позу. Наяда ухмыльнулась, подмечая, неловкость и ссутуленные плечи.

— Конечно-конечно, мы оба вспылили. Какая глупость.

Наяда стала рассматривать ногти, выковыривая грязь и незаметно наблюдала за тем, как у лорда начинает дергаться кадык и глаз. Она вытерла палец о белоснежную салфетку и обескураживающе улыбнулась, когда в столовую вошли лорд Ивьенто под руку с супругой леди Эдионей. За ними мрачной тучей топал Мардар, убрав руки за спину. По его шее стекала капля пота, свидетельствующая об упорной тренировке.

На девушку Мардар не взглянул, грузно упал на свое место за столом и подбоченился.

Служанки внесли подносы с первым блюдом и юркнули на выход, представляя хозяевам интимную семейную обстановку.

Лорд Ивьенто по обычаю спросил у сыновей о здоровье, с годами этот вопрос волновал его всё больше и чаще. Мардар неопределенно пожал плечами и накинудся на суп с видом изголодавшегося зверя.

Наяда не вступала в разговоры господ, сонно ковыряя ложкой в тарелке. В какой-то момент ей и в самом деле захотелось спать, запал от разговора с Дамиром прошел.

— Хочется украсить поместье к лету, оживить его как-то, — проворковала леди Эдиона. — Быть может живыми цветами?

Ей ответил муж, слишком активно соглашаясь на задумку.

Наяда почти физически ощущала напряжение за столом, ей хотелось встать и выйти, чтобы не видеть хмурого лица Мардара и сияющей рожи Дамира. Глуповатые разговоры начали раздражать.

— Тебе не нравится еда, Наяда?

Она встряхнула головой, пытаясь определить, кто именно с ней заговорил, судя по выражениям лица Мардара и леди Эдионы, Дамир решил продолжить игру.

— Почему вы так решили, милорд? — Девушка высосала суп с ложки с громким причмокиванием и приторно улыбнулась.

— Ты почти не ешь. Нельзя же так, если тебе не по нраву блюда, скажи мне, я прикажу кухаркам приготовить что-то другое.

Девушка чуть не прыснула от смеха, эдакий добрый паренек без гвоздя в глазу. Смешно, но раньше она бы ему поверила.

— Нет, милорд, не стоит, вы слишком обеспокоены. Мне безумно, — она приложила руку к груди, — жаль за свое поведение, я так раскаиваюсь. Полагаю, вы обеспокоены из-за утреннего конфликта.

Дамир довольно поцокал языком, дотянулся до руки девушки и погладил ее ладонь большим пальцем. Перекидываться слащавыми репликами явно нравилось лорду.

— Это в прошлом, дорогая. Мы оба были неправы. Ты вошла в нашу семью и имеешь право на уважение.

Наяда хотела повернуться и увидеть реакцию Мардара, но заставляла себя смотреть на лорда и искриться счастьем, сидя настолько смирно, насколько позволял позвоночник.

— Как хорошо, что вы разрешили все трудности, — почти пропела леди Эдиона, промачивая абсолютно чистый рот белой салфеткой. — В семье не должно быть недомолвок. К тому же Дамир был очень добр к тебе, когда ты, — она замолкла на секунду, ища подходящее слово, — приехала в Хорт.

— Я помню, — сквозь зубы призналась девушка, сжав руку лорда в ответ, не забыв при этом впиться когтями в его кожу.

— Убери руку, — неожиданно рыкнул Мардар, обращая на брата гневный взгляд.

Дамир примирительно поднял ладони, успокаивая брата.

— А ты, — обратился он к девушке, — ешь.

Наяде показалось, что господин сейчас лопнет от злости, но он дал ей понять, что злится не на нее, придвинувшись ближе и положив руку ей на колено.

— Всё это очень хорошо, но Наяда, дорогая, почему ты так одета? — Беспомощно пискнула леди. — Ты забыла, как нужно выглядеть за столом?

На это девушке ответить было нечего, продумывая план отступления из Хорты, она совсем забыла про обед и надлежащую одежду. Она замялась, придумывая, как уговорить старую леди, так рьяно читившую остатки этикета, которые едва ли соблюдали ее собственные сыновья.

— Какая разница, матушка, Наяда прекрасно выглядит в любой одежде, — ответил за нее Дамир.

Наяда почувствовала, как напряглись мускулы на руке Мардара, он ни капли не верил в слащавые речи брата и уже тем более в его добродетель.

Поддача главного блюда немного разрядила обстановку. Пока все молча ели, Наяда смотрела на каждого, мысленно прощаясь. Она не станет скучать по занудным правилам, но обязательно запомнит образ мягкой женщины, изо всех сил старающейся придать красок холодному поместью и сплотить семейство.

Лорда Ивьенто она почти не знает, в том смысле, что он для нее остается загадкой. Тихий, слишком редко подающий голос, все время проводит в дражайшей библиотеке. Может в молодости он был другим, активным, разговорчивым, но сейчас жизнь сломила его, превратив в причудливого старика. Наяде думалось, что она непременно заскучает по старому лорду.

А вот по кому скучать не станет, так это по Дамиру, казавшемуся ей прекрасным светловолосым принцем, о котором она мечтала четыре года подряд, проводя долгие вечера в мечтаниях и надеждах, увидеть его хоть бы мельком, на секундочку. До того, как подростковые фантазии окрасила реальность.

К Мардару у нее сохранились неопределённые чувства. Об этом думать не хотелось. Если она простит его, то не захочет уходить, тепло

его объятий станет тянуть ее назад и сбивать с цели. Всё к лучшему, их недопонимание позволит девушке не оглядываться, а ему не скучать.

Наяда задержала дыхание, отодвигаясь от Мардара, она не даст чувствам слабину.

Для остальных этот жест остался незамеченным, но не для Мардара, он нахмурился еще сильнее, ссутулив плечи.

— Будь осторожней в городе, дорогая, — Дамир отпил из бокала. — Туда и обратно, не заставляй брата волноваться.

Наяда выдержала лицо, смущенно потупив взор, эту партию она не сдаст. Осталось потерпеть совсем немного. Только бы не заклинило лицо от натянутой улыбки.

Мардар сокрушенно покачал головой, беря девушку за руку.

— Прекрасный обед, благодарю вас, матушка, — он вежливо склонил голову в знак почтения, — отец. — Мардар поднялся, таща за собой девушку. Она едва успела вернуть на стол вилку и проглотить кусок запеченного мяса.

Младший господин втолкнул служанку по лестнице, словно тюк и впихнул ее в свои покои, захлопывая дверь перед глазами удивленных слуг.

— Прости! — Жарко выдавил он, склоняясь над девушкой. — Прости, моя луна! Это была самая большая глупость в моей жизни.

Наяда отшатнулась, ловя ртом воздух. Такого порыва девушка не ожидала, особенно сейчас, когда ей пора собираться в город. У нее не так много времени, чтобы успеть проститься с могилой отца, опустошить тайник и вернуться в поместье.

Последние часы в Хорте ей хотелось бы провести...дома. Рядом с отцом, прощаясь с хижинкой и всем, что оставила в ней. Вещей то не много, зато сколько воспоминаний останется в ветхом покосившемся домике.

Отповедь Мардара только задержит ее.

— Господин, мне пора в город, скоро начнет темнеть.

Мардар обхватил девушку за плечи и затряс.

— Пойми ты, я совсем не то имел в виду.

— Какая теперь разница, — не выдержала девушка, отворачиваясь.

Она сразу же пожалела о сказанном, господин мог заподозрить неладное. Он схватился за голову и зарычал. Наяде невыносимо было

наблюдать за его страданиями, она уткнулась господину в грудь, вдыхая его запах.

Прощай.

— Вы сказали то, что думали, — тихо сказала девушка, сильнее прижимаясь к господину. — И я принимаю это.

Ей стало грустно, чувства на которые она старалась не обращать внимания, выползли наружу, нельзя было допускать этого разговора. Наяда мягко отстранилась, отходя назад. Ее ждет отец.

— Тебе обязательно идти сегодня?

Девушка твердо кивнула. Слишком много разговоров, когда она продумывала план побега, то надеялась уйти тихо, незаметно для города и его обитателей. Все вышло совсем не так как, она хотела. Мардар просидит у окна в ожидании, а когда она вернется, вполне может отказаться отпускать ее на ночь в комнату. Пока его гложет чувство вины, она не сможет осуществить задуманное.

— Возвращайся скорее, прошу тебя, — ласково прошептал господин, в подтверждение.

Наяда обняла Мардара за плечи, повисая на его шее, господин не сопротивлялся, зарывшись в волосы девушки.

— Прости, — безнадежно повторил он.

Первый поцелуй запечатлелся в ее голове как нечто жестокое и злобное, отвращающее и причиняющее боль, на губах остались маленькие ранки от зубов Хеуда, а во рту привкус табака и кислоты от спиртного. Первый поцелуй разбудил в ней уничтожающую силу, барабаном стучащую в ушах и заставляющую сердце биться в такт.

Ей хотелось вытеснить из памяти этот момент, заменив его другим. Мардар никогда не стал бы предметом ее мечтаний, но он был по-своему добр к девушке и заботлив. Он сохранил ее тайны и поведал свои, не страшась открыться перед служанкой.

Их связывала дружба и судьба, но никак не любовь.

Наяда подтянулась, чтобы достать до губ Мардара, она поцеловала его в острый подбородок, высокую скулу, запоминая черты лица господина, наконец она нашла его губы и остановилась в нерешительности. Она не станет поступать так, как с ней поступил Хеуд, она никогда и ни с кем не поступит так же.

Мардар нежно обнял девушку, чуть играючи прикасаясь к ее мягким губам, на его лице играла улыбка.

Убежденный, что ссора позади, мужчина прикрыл глаз, целуя Наяду. Этот поцелуй совсем другой, наполнен нежностью и тягой, он высвобождал, облегчал страдания и залечивал старые раны.

Наяда назвала бы такой поцелуй целебным. В нем не было страсти или желания. Почувствовав в своем рту язык Мардара, она резко отстранилась, покачав головой.

Господин усмехнулся, понимающее и беззлобно, отпуская девушку.

— Я буду ждать, — тихо сказал он на прощание.

— Я вернусь, — соврала Наяда, отворачиваясь.

15 Побег

Если отбросить негатив произошедшего, то день выдавался чудесным, слишком чудесным для раннего лета.

Наяда гордо задрала подбородок, проходя через ворота поместья, на солдат она старалась не смотреть, они все еще вызывали у нее весьма смешанные чувства.

Очень долго ей не предоставлялось возможности выйти за пределы богатого дома, тем более одной.

Одна.

Девушка тихо засмеялась, наслаждаясь мгновением свободы. В плаще ей быстро стало жарко, но вместо того, чтобы снять его, Наяда закуталась плотнее. Пусть ее сочтут ненормальной, зато не заметят под плащом оружия, когда она понесет его в поместье.

Не торопясь, будто новорожденный олененок, она шла по широкой тропе, ведущей от поместья к стене города и подставляла лицо палящим лучам солнца.

В некоторых местах трава успела пожелтеть, пыль на дороге поднималась от любого движения, в остальном лето украсило природу, обозначив свои права достаточно рано. В некоторых местах по обочине дороги еще виднелись весенние лужицы от растаявшего снега, сейчас они смешались с грязью и выглядели как пятно на безупречном холсте.

Наяда не хотела торопиться, оказавшись на свободе, она ощутила острую необходимость надышаться воздухом до того, как придется вернуться и окунуться в душную атмосферу интриг. Девушка повторяла себе, что это ненадолго, полдня отделяло ее от побега. Какие-то несколько часов, но ощутив на коже дуновение теплого летнего ветерка, она уже не могла заставить себя вернуться. По крайней мере, не так быстро.

Она обернулась, чтобы увидеть поместье издали. Так дом выглядел менее удушливым, самый обычный дом, богатый, облагороженный, но не опасный. Однако его внутренности в количестве четырех человек, обитающие в самом обычном доме,

нависли грозовым облаком над Хортом. Словно дом с приведениями, не иначе.

Вспомнив время работы в доме охотников, девушка поняла, что многое зависит от хозяев. Царившие веселье и вечный праздник, песни и открытые разговоры не шли ни в какое сравнение с картиной в городе или в поместье лорда.

Уже давно Хорт стал похожим на руины, мрачный, в нем редко появлялись проблески веселья и счастья. Причина этому была одна. И имя ей Лорд Дамир, лет пять назад нацелившийся на место отца.

От травницы Наяда знала, что до этого момента Хорт хоть и обеднел заметно, но оставался радостным. Дамир нес за собой лишения, сулившие людям голод и наказания, но зачем?

Проходя мимо посевов, девушка остановилась, выискивая взглядом старых знакомых. Сейчас появление фермера Лоуита и его сыновей обрадовало бы. Но на первый взгляд поле пустовало.

Обычно на полях уже во всю велись работы, урожай засеивали по весне, сейчас его должны активно удобрять, к вечеру, чтобы не пожгло солнцем, обязательно полиют. Для этого задействовали многих жителей города. Каждый год часть посева умирала, нужда в нем обострялась сильнее, поэтому и люди привлекались к дешевому труду активнее.

Наяда вспомнила, как сама трудилась на Лоуита. Это время можно было бы счесть беззаботным, единственной проблемой, которая занимала ее тогда, была еда.

Заметив всего несколько человек, лениво прохаживающихся около посевов, девушка не удивилась. Самая жара, Лоуит отпустил всех по домам, работа возобновится вечером.

Ставни в доме фермера плотно закрыты, сам Лоуит либо прохладается в таверне, либо прилег на дневной сон, а его сыновья болтаются без дела, в принципе два рослых оболтуса часто слоняются туда-сюда, словно неприкаянные души, пока отец их не заметит и не польет отборной руганью за разгильдяйство.

Так просто было бы остаться в городе, работа рано или поздно нашлась бы, а пока Наяда могла рассчитывать на щедрые дары леса. Но тогда она осталась бы грязной девчонкой, знающей лишь как гнуть колени перед господами. Она несколько лет прожила на границе

города и леса, и даже не знала названия того самого леса, который часто кормил ее.

Мардар упорно подсовывал под ее нос карту местности и показывал на лес, реки и прочие «достопримечательности». Теперь девушка знала, что жила рядом с рекой Утапорис, протекающей почти через весь лес Аидрас, каждое утро она умывалась в притоке Утапориса под названием Легуун. Этот небольшой, но полноводный приток насыщал водой весь Хорт.

Раньше Наяда мыслила намного уже, не отличалась грамотностью. Младший господин заметно поправил это. Проходя мимо фермы Лоуита, Наяда знала, как она обозначена на карте — «Смеющиеся початки». Девушка была уверена, за название ответственен один из сыновей фермера, не блещущий умом.

И конечно же лесопилка Ратамо, дающая неплохой доход Холгару и его жене Лиовере. Получая небольшой процент с продаж в столицу и Доар, лесник может позволить себе жить намного лучше остальных горожан и иметь аж четверых детей.

Она знала абсолютно всю местность Хорты, могла бы пройти с закрытыми глазами, но теперь всматриваться в привычные вещи стало интереснее, ведь она знает намного больше. К примеру, старый грот под названием Стылая Пустота на северо-западе от города, в старые времена он назывался Кали Фенеук, что означало «Кровь битвы». Непримечательный сейчас, грот наводил страх и ужас на людей в былые времена, а все потому, что тогда люди не разучились еще верить в богов и считали самое обычное место божественной западней, откуда попав никто не мог выбраться. К Стылой Пустоте подносили дорогие дары, окропляли землю у входа кровью животных.

Или взять лес Аидрас, прекрасный, обширный. Но не одинокий. Он граничит с двумя другими, в местах, где одна порода деревьев плавно перетекает в другую, видны кусты с сонными ягодами. Раньше считали, что это тоже не просто так. Два других леса носят гордые названия, один в честь воина из Хорты, показавшего на войне настоящую отвагу, — Ориген. Второй в честь предка короля Сайвоса, нашедшего в том лесу свою судьбу, — Флор.

Великий завоеватель Флор, шел через лес, в то время именовавшийся Сонным, ведя за собой небольшой отряд из воинов. Это не было военным походом, воины не искали битвы. Они шли

отдыхать и выбрали для этой цели весьма странное место. Дело в том, что в те времена в Залесе ходил дурной слух о Сонном лесе. Человек, посмеявшийся уснуть на полянке, больше не просыпался, лес забирал его душу.

Очень часто домыслы людей расхожи с правдой. А правда иной раз оказывается намного страшней и опасней. Флору удалось познать правду в Сонном лесе.

Когда попойка была в самом разгаре, молодой король отошел ото всех, полюбоваться красотами природы и услышал тихий плач недалеко. Интерес повел правителя на голос, он окликнул сам не зная кого, и плач мгновенно стих, сменившись сладостным голосом, напевающим грустную песню.

Флор шел на голос, не подозревая, кого обнаружит. Его взору предстала прекрасная девушка с длинными зелеными волосами и слишком большими глазами. Из одежды на девушке были лишь браслеты из изумрудной травы, да серьги из шишек. Флор присел перед красавицей на колени, движимый мужским началом, как девушка смолкла и повернула голову к правителю.

«Ты пожалеешь о задуманном, король», ухмыляясь проговорила девушка и поставила правителя в тупик.

«Возьми меня женой в свой каменный город или лес заберет тебя».

Флору совсем не казался угрожающим тонкий девичий голосок, он любовался нежными чертами, остреньким подбородком, маленьким ртом и аккуратным носом, такую прелесть могла создать только природа, человек не способен на столько совершенное создание. Он скинул с плеч красный плащ и протянул его девушке.

Так лесная нимфа покинула богатые заросли Сонного леса и отправилась в каменный город под руку с королем. Она не прожила долго, камень душил бедняжку, но она родила пятерых детей, нимфа породила династию могучих королей, в надежде, что ее дети станут жить в мире с природой.

Будь она жива по сей день, то захлебнулась бы слезами, увидев своего далекого потомка короля Сайвоса. Пока нимфа была жива, ее супруг не проиграл ни одной битвы, и лес перестал забирать людей. Она служила тонкой гранью между миром людей и миром лесных созданий, который, как оказалось, намного обширнее и разнообразнее.

Смерть нимфы принесла Залесу засухи и смерть урожая, извержение вулкана и бесплодность многим женщинам, а те дети, что должны были вскоре родиться, выходили на свет мертвыми с различными уродствами. В день смерти лесной королевы солнце перестало светить в течение трех дней, и луна не озаряла небосвод три ночи, окутав Залес мраком.

Когда Мардар рассказывал эту историю, Наяда слушала ее, словно сказку, нашедшую отклик в ее душе. Однако все впечатление испортили последние слова господина.

«Имя этой нимфы помнят в Вонте по сей день, ее пятиметровая статуя возвышается около дворца. Наяда. Так ее звали».

Девушка совсем не разделяла радости Мардара. Это ее имя и больше ничье. Вот и всё. Больше история не казалась ей волшебной, Наяда подозревала, что господин ее и вовсе выдумал.

Таинственные истории не ограничивались одним лесом, повсюду существуют места, значение которых в нынешнее время позабыто многими. Без историй мир не смог бы быть таким прекрасным, но люди этого не ценят.

Дальше за Хортом в пяти дней пути, куда Наяда собиралась отправиться, Кричащие Нагорья, тоже не спроста получившие свои названия. Сколько же прекрасных мест она увидит по пути, зная о них буквально все благодаря младшему господину.

Мир становился прекраснее и разнообразнее, когда знаешь о нем больше, перед глазами открывались новые горизонты и одинокий город, укрытый лесами, переставал казаться единственным оплотом на многие мили.

Девушка остановилась около главных ворот, всего на мгновение, но этого хватило, чтобы заметить нетипичную для Хорта тишину. По улицах не сновали люди, с площади не слышны зазывания торговцев. В одночасье город вымер.

Наяда крутила головой, смотря по сторонам, но видела только солдат в привычной форме и солдат, снующих группами, в форме, которую раньше девушка никогда не видела вживую. Но из книг Мардара знала, это форма Вонта, столицы Залеса, не простая одежда солдат, а элитного полка, призванного защищать королевскую семью и охранять дворец.

Захотелось развернуться и убежать, вернуться в поместье и поделиться увиденным с Мардаром. Наяда нахмурилась, ей стоило поучиться справляться без господина, ведь скоро он останется в городе, а она уйдет.

Ноги вели ее по знакомой тропе, девушка едва осознавала происходящее, вертя головой, как сова. Ставни домов плотно закрыты, многие запылились, а значит не открывались и не протирались много дней. Лавка Мелочей закрыта, как и таверна, самое живое сердце города. Именно в таверне никогда не стихали голоса и музыка, благодаря ей оживлялся город и его жители.

Фонтан, бьющий даже зимой, пуст. В бассейне скопилась грязь и листья. Наяда остановилась, не веря глазам, она плотнее натянула капюшон. Инстинкт кричал и бился, пытаясь заставить девушку повернуть назад или хотя бы спрятаться, но она застыла неподвижной статуей, переваривая увиденное.

Мардар говорил о солдатах только утром, но, судя по всему, они провели в городе несколько недель. Оставался лишь один вопрос, мучающий девушку, — с какой целью элитной гвардии ошиваться в захудалом городке и обращать его в крепкий сон, разогнав всех жителей?

Наяда начала грызть ноготь на пальце, пытаясь рассуждать здраво. Слабый ветерок пробежал между пальцев и слегка колыхал струящиеся волнами по спине темные пряди, всё внутри девушки рычало и клокотало, сигнализируя об опасности.

Что заставило людей, облепляющих улицы города, словно мухи, попрятаться и не высовывать носа из своих убежищ? Для чего солдаты приехали в город?

Девушка вздрогнула, последняя жизнь в Хорте подавлена. Неужели его решили закрыть, уничтожить? Быть может, люди не прячутся, а уехали. И солдаты, да обитатели поместья, единственные, кто остался.

Страх в душе нарастал. Наяда дошла до фонтана, поглаживая рукой мраморный камень бассейна, еще совсем недавно она падала около него от усталости и отирала чумазое лицо в чистой воде. Еще никогда Хорт не казался ей настолько пустым, из него разом вытянули всю жизнь, которой и так оставалось немного.

Она сосредоточилась, припоминая наизусть заученный план города. Если идти от площади на северо-запад, то уткнется в заброшенную часть города, идти туда бесполезно. Повернув на юг, сможет дойти до аккуратного квартала торговцев с одинаковыми домами и постриженными клумбами.

На западе квартал Знатных с богатыми двух-трехэтажными домами, искусной отделкой и шикарными садами. Обычно там бывало достаточно тихо, благородный люд выходил из дома редко и никогда без особой нужды.

На востоке ее одинокая хижинка, тайник с оружием отца и могила Робина. На юго-западе от площади кладбище, не далеко от стены, опоясывающей город. И могила леди Эванлин.

Вряд ли мертвые заговорят с ней и дадут ответ, как утекла жизнь из Хорта.

Юго-западнее лесопилка, а совсем рядом от главных ворот кузня. И везде тихо. Мёртво.

Девушка вздрогнула, опустилась на колени перед фонтаном и склонила голову. Что бы ни произошло в городе, это было ужасно или будет, не столь важно. Ей нужно уходить. Инстинкт, который так хвалил Хеуд, зовет бросить память о Робине и убираться подальше, спасти собственную кожу.

Она не могла просто уйти, не выяснив ничего о случившемся, не попрощавшись с людьми, которых любила когда-то. Наяда закрыла лицо руками, утопая в ладонях. Нет, она не уйдет, не важно, что ждет ее в зловещей тишине.

На ее плечо упала чья-то рука. Девушка медленно подняла голову, предвещая худшее.

— Тада! — Слишком громко воскликнула девушка, кидаясь к старухе и заключая ее в объятия.

На секунду ей показалось, что все увиденное лишь чья-то злая шутка. Сейчас из закоулков покажутся смеющиеся горожане, показывая на нее пальцем, совсем как раньше, когда Наяда умудрялась обратить на себя внимание, упав или сотворив какую-то глупость.

Старушка мягко отстранилась, погладила девушку дряхлой рукой по лицу, печально улыбаясь.

Тада прижала палец к губам, со страхом в глазах оглядываясь по сторонам.

— Бедная девочка, — сокрушительно промычала старуха, — уходи отсюда немедленно.

— Почему? Что случилось?

Наяда вцепилась в маленькие плечи старушки, сжимая их. Она готова была затрясти травницу, добиваясь от нее ответа. Девушка поймала себя на том, что ее состояние граничит с безумием.

— Беги, деточка, подальше от города, пока они тебя не заметили!

Тада ловко вывернулась из рук девушки и рысцой побежала прочь, прячась в тени зданий. Наяда хотела кинуться за ней, но что толку. Она прекрасно помнила характер травницы, если та не захочет говорить, то ее не удастся заставить и под пытками.

Наяда тяжело выдохнула, присаживаясь на кромку фонтана. Всё говорило о том, что в городе ей не место и все равно что-то останавливало ее. Разумный человек давно повернул бы назад и припустил со всех ног. Девушка усмехнулась, качая головой, она никогда не отличалась разумностью. Когда нужно было тихонько сидеть за деревом, она кинулась на Хеуда. Вместо того, чтобы твердо отказаться от предложенной им работы, приняла настойчивое приглашение, а когда стоило оплакивать тело леди Эванлин, устроила Знатному разборки, доведя их хрупкие отношения до предела. Она влипала всякий раз, когда хотела поступить правильно.

Сейчас Наяда тоже хотела поступить правильно, остаться и разузнать о произошедшем. Она встала и огляделась.

Многое в городе переменялось. Школа для детей Знатных закрыта, двери заколочены деревянными досками, в ней перестали учиться еще до прихода столичных солдат.

Наяда давно не была в городе, но хорошо помнила каждую улочку, каждое дерево, изменения, легшие на Хорт тяжелым грузом, не могли остаться незамеченными для нее.

Около тюрьмы появилась обширная каменная пристройка, успели надстроить и второй этаж, тоже из камня. В городе никогда не требовалась тюрьма таких размеров. За все время Наяда могла по пальцам пересчитать заключенных и казненных.

Чуть в стороне от площади возвышалась огромная куча мусора. Хорт никогда не слыл грязным, даже мощеные дорожки тщательно мылись, что уж говорить о мусоре. Его вывозили за город и жгли,

потом, когда оставалась обугленная черная куча, кострище тушили, а через неделю заново зажигали, скидывая заново скопившиеся отходы.

Девушка прикрыла рот рукой, чтобы не застонать в голос. Ей все меньше и меньше нравилось то, что она наблюдала вокруг себя.

Аккуратные посадки деревьев, за которыми ухаживали особо любовно, чтобы сохранить естественную тень на улице, превратились в неразборчивое месиво из срубленных и обломанных деревьев и их листы. Туда же свалены и вырванные с корнем кустарники и клумбы. Ветер принес с собой запахи гари. Чуть вдалеке девушка увидела сгоревший почти до основания дом лесника Холгара.

Ее охватил ужас, девушка смотрела на сожжённый дом и не пыталась остановить слез.

— Меры, — тихо простонала она самой себе.

Хеуд как-то предупреждал ее о мерах, которые могут ввести в городе. Все те, кто отважится не склонить голову перед законом и властью, будут жестоко наказаны.

Картина произошедшего начала вырисовываться яснее. Девушка буквально видела, как в город заходит элитная гвардия короля, горожане радуются гостям, вываливают на улицу толпами, чтобы посмотреть на солдат, их приветствуют радостными криками, ведь в Хорте гости такого уровня бывают крайне редко.

Но они еще не подозревают, для чего пришли солдаты.

Вскоре объявляют о новых правилах и новых наказаниях. Комендантский час, более строгий порядок входа и выхода за городские ворота, увеличение налога, закрытие школы для Знатных, обесценивание ручного труда, за который и так платили сущие копейки, проверка торговых рядов и строжайший контроль продаваемого товара, проверка домов на предмет запрещенных вещей, а их список наверняка увеличили.

Чуть позже закрыли таверну в назидание людям. Они не должны веселиться, каждый должен страдать, осознавая огромную ошибку, допущенную глупой самонадеянной девушкой.

Несговорчивых и протестующих против подобных мер, отправляли в тюрьму, когда камеры переполнились очень быстро сделали пристройку и второй этаж.

Тех, кого не затыкала холодная камера и плеть, казнили. С семьей казненного преступника расправлялись более великодушно. Сжигали

дом и отбирали все имущество.

Девушка смотрела на дом Холгара и мысленно умоляла его о прощении. Во всем, что произошло виновата только она и никто больше. Знатный ублюдок предупреждал ее, но Наяда не послушала, решив, что Хеуд откровенно бредит, ну не станут же наказывать весь город за нелепую песенку, спетую в чувственном порыве.

Очень зря Наяда не послушала тогда господина, видевшего и знавшего намного больше, чем она, теперь город настигла беда, люди страдают, всё, что им дорого жестоко уничтожают, вытаптывают и вырывают редкие цветы из клумб, грабят богатые дома, убивают ни в чем неповинных жителей.

Скорее всего, Холгар был первым, кто рьяно воспротивился новым порядкам, тюрьма его не усмирила. От природы сильный, широкоплечий лесник не смог стерпеть унижений. Теперь он мертв, а его семья либо последовала за ним в Сумрачный Мир, либо прячется, изнывая от голода и горя.

Бешенное сердце упорно ударялось о ребра, желая выскочить из груди, Наяда всхлипывала в голос, не в силах сдерживаться. Горожане оказались правы, когда наотрез отказались принимать чужую девчонку, взявшуюся из неоткуда. Тысячу раз правы. Ведь она стала их погибелью.

Наяда упала на колени, обдирая кожу о каменные плитки, она зарычала, сокрушаясь над собственной глупостью. Ее песня стояла многих жизней и еще неизвестно, что стало с новобранцами, которым она пела.

Ей хотелось самостоятельно вырвать себе язык и принести его на блюде солдатам. Они должны наказать ее, только ее. Так почему же они издеваются над всеми?

— Имя? — Прогремел голос за ее спиной.

Девушка не обратила внимания, не обернулась, когда сильная рука подхватила ее и подняла на ноги. Солдат встряхнул Наяду, чтобы она стояла самостоятельно и повторил свой вопрос.

— Я служанка в поместье лорда, — надрывным голосом ответила девушка, ненавидя себя.

— Я спросил твое имя, дрянь! — Солдат отвесил девушке звенящую пощечину, одновременно подзывая кого-то.

Наяда качнулась от удара и прикусила губу до крови. Она совсем не почувствовала боли, продолжая смотреть на останки сгоревшего дома.

— Ну-ка, — солдат схватил ее за горло, придвигая к себе, — покажи лицо!

Ей не было нужды сопротивляться, девушка позволила стащить с головы капюшон, обмякнув в руках военного. Таким как она не дают шанс на исправление, не позволяют последнего желания. Она не попрашивается с отцом и подругой, Мардар не дожидается ее обратно и не прочтет дневник, который девушка прихватила с собой, чтобы его не обнаружили слишком рано. Она положила начало мерам, проигнорировала все доводы рассудка и поплатится за это прямо сейчас.

— Ротер, взгляни. Она?

Второй военный поравнялся с собратом, раскрывая потрепанную листовку и сравнивая лицо девушки с тем, что изображено на бумаге.

В чувство девушку привлек злорадный смех неподалеку. Она повернула голову, чтобы увидеть Знатного. Один взгляд на Хеуда прояснил ей всё от начала до конца. Он знал!

— Ты! — Зарычала Наяда, кидаясь на врага.

Оба солдата подхватили ее, удерживая на месте и не позволяя добраться до Хеуда. Девушка иступлено забила в крепких тисках, лягаясь на военных. Не было ничего важнее в эту минуту, как прикончить ублюдка собственными руками.

Хеуд засмеялся громче, отлипая от стены бывшей школы и развел руками.

— Нравится? — Ехидно поинтересовался он. — Твоя работа, а солдаты, — Знатный прищурился от удовольствия, — моя, — прошептал он последнее слово, но Наяде хватило и этого.

Всё встало на свои места. Хеуд мстил ей, уничтожая город. Мстил за украденные доказательства, за драку, за унижение. Только что он сам признался, что причастен к тому, что солдаты сотворили с Хортом.

— Держи ее! — Приказал военный, подзывая еще четверых. Передав девушку в руки сослуживцам, он указал на нее пальцем седому мужчине со шрамом через весь правый глаз и скулу, заканчивающийся на верхней губе.

— Ошибки быть не может, генерал.

Наяда подняла голову, чтобы встретиться с ним глазами. Генерал. Она скривилась, рассматривая мужчину, он ухмыльнулся, так же рассматривая девушку.

Хеуд подошел к генералу, они о чем-то негромко заговорили, но слух девушки уловил их речь.

— Ее способности проявились, я лично видел, милорд Дамир подтвердит, генерал.

— Вы очень вовремя дали знать об этом создании, господин Хеуд. Король непременно наградит вас.

Наяда дернулась, пытаясь опрокинуть одного из солдат, получила удар в живот, но вопреки ожиданиям военных, не обмякла, а засопротивлялась активнее, норовя выбить кому-нибудь из солдат челюсть головой.

Разговор генерала и Знатного привел ее в неистовство. Хеуд писал о ней королю, все происходящее он распланировал давно, позволяя девушке наслаждаться спокойствием, пока он готовит ей ловушку. Теперь упорная слежка Дамира и поцелуй Хеуда стали понятны. Им нужно было некое подтверждение для короля, откуда оба знали о таящейся в ее жилах силе. Словно два змея, они выжидали добычу, наблюдая за ней из укрытия, словно пауки, плели паутину вокруг нее, схлопывая ловушку.

— Стой смирно! — Приказал один из солдат, приставляя к ее виску пистолет. — Иначе будет больно, — засмеялся он.

Наяда сглотнула слюну, смешанную с кровью, и затихла. Значит это правда, оружие, извергающее огонь и гром существует. Она не знала, как оно работает, но проверять не хотела.

Хеуд подошел к ней и схватил за подбородок, заставляя смотреть на себя.

— Ну что, уже начала раскаиваться? — Смеясь проговорил Знатный. — Весь этот пир ради тебя, милая. Наслаждайся.

Наяда сгорала от ненависти, она чувствовала, что ее кровь вскипает, сердце барабанит и бьется о ребра, словно бешенное. Она сжала зубы и подалась вперед, насколько позволяла хватка солдат и приставленный к виску пистолет.

— Жалею только об одном, — грозно прорычала девушка, выплевывая из себя слова, — что не убила тебя в ту ночь.

— Ничего, милая, не страшно. — Он похлопал девушку по щеке, — Таким созданиям как ты, неведомы страх и раскаяние. Очень жаль, конечно, но что поделать.

Хеуд махнул в ее сторону рукой и отошел подальше, чтобы не мешать военным выполнять свою работу.

— Наденьте на нее сдерживающий кристалл и грузите.

Один из мужчин вынес из оборудованного под казарму дома ошейник с камнем по середине и браслеты-наручи с таким же камнем. Темно-синие, переливающиеся на солнце, совсем как...

Наяда затряслась, шарахаясь в сторону, солдаты удержали ее, но она не перестала биться. Девушка узнала и ошейник, и браслеты, ее тело вспомнило болезненные приступы, прокатывающиеся по всему телу и солоноватый вкус крови во рту от ношения таких атрибутов. Ее тело однажды уже умирало под действием сдерживающих кристаллов, оно не забыло, эту память невозможно стереть.

Словно озарение, в голове возник образ.

Она склоняется перед мужчиной, позволяя нацепить на себя сдерживающие кристаллы, а после обессиленно падает на колени, не выдерживая их мощи. Она только пробудилась, еще не окрепла, не набралась сил, но ее уже клеймили татуировкой и заковали, не сомневаясь в опасности, что таится в крови молодой девочки.

Мужчина великодушно гладит ее по голове, приговаривая: «Ты привыкнешь».

Это видение ударило Наяде под дых, она закрутила головой, бешено вращая глазами, как стреноженная кобыла и больше не думала об оружии, обладающем гораздо меньшей разрушительностью, чем то, во, что ее хотят заковать.

— Нет! — Прокряхтела девушка беспомощно и как-то совершенно по-детски.

Ей не хотелось испытать на себе силы кристаллов, ее тело помнило их, оно боялось, подсказывая девушке — бороться. Бороться за каждую каплю воздуха.

— Не дергайся, — предупредил солдат, подходивший к ней, чтобы надеть ошейник.

— Не надо, — взмолилась она, поджимая губы.

Блеск синего камня ударил по ней током, проносясь по венам, оказавшись слишком близко.

Наяда развернула голову к военному, прижимающему дуло к ее голове, и зашипела.

Я буду бороться.

Солдат захрипел, отшатываясь и хватаясь за горло. Он опрометчиво выронил пистолет, захлебываясь, Наяда, улучшив момент мотнула головой, отклоняясь назад, чтобы достать до второго сдерживающего ее солдата. Хрустнула челюсть, но девушка заставила себя не думать об этом, подхватывая падающее оружие.

Невидимые руки, запущенные на солдата, продолжали давить и сжимать его горло, пока девушка прятала пистолет за пояс штанов. Она не умеет с этим обращаться, но обязательно научится, когда выберется из очередной передраги.

Военные нацелили на нее оружие покрупнее, Наяда хмыкнула, пытаясь вспомнить, как оно называется. Тщетно. Память если и хотела вернуться, то делала это слишком медленно, мышечная память срабатывала быстрее.

— Не стрелять! — Прогремел голос генерала. — Она нужна королю живой.

Он расталкивал удивленных подчиненных, на ходу раздавая команды. Движимые приказом, мужчины быстро группировались, окружая девушку.

Наяда отпустила беднягу, позволив ему упасть и отдышаться. Она не убийца, какой ее считают военные, не опасное непонятное создание для общества, но сегодня ей придется доказать обратное, чтобы выжить.

Она нахмурилась, взывая к своей силе и почти сразу получила довольный отклик. Невидимые руки-щупальца поползли по каменной дороге, удобно расположившись у ног солдат.

Они ждали, и Наяда тоже выжидала подходящий момент. Она подначивала их улыбкой и показным спокойствием.

Проведя множество часов за попытками вспомнить хоть что-то, восполнить пробел в памяти, Наяда думала, что возможно, знакомые лица или вещи помогут ей. Так и случилось.

Поцелуй Хеуда, подчиняющий, уничтожающий морально, заставил спящее глубоко внутри пробудиться. Холодное дуло у виска и кристаллы соединили вместе сотни кусочков, которым девушка не могла найти объяснения.

Она не вспомнила всё, но вспомнила главное и устыдилась своей глупости. Ей никак нельзя в Вонт, именно там подстерегает самая большая опасность.

Мир вокруг нее все еще спал, город оставался безучастным к действию на площади, Наяда осторожно осматривалась по сторонам, подсчитывая военных, их намного больше, чем она рассчитывала. Но они боятся, им есть что терять, у них есть семьи, ждущие их дома. Есть цели в жизни и мечты. У Наяды однажды отняли все разом. Она не боялась, тут Хеуд не ошибся. Ее не пробирал озноб от близости смерти, внутренности не сжимал спазм. Она была другой.

Девушка подняла голову, подставляя лицо медленно уходящему солнцу. Она рождена для битвы, создана быть устрашающим оружием. Ни что не способно отобрать у нее боевой дух.

— Тьма, что так бела,
И свет, что черен,
Смеются надо мной,
В попытках погубить.

Но мы восстанем,
Развевая прах.

Наяда тихо зачитывала стих, простые строки обрели для нее новый смысл.

— Возможно, Фолвик не так уж безнадежен, — усмехнулась девушка и подмигнула ближайшим от нее солдатам.

— Сдавайся, подчинись воли короля Сайвоса! — Взревел генерал.

Наяда заставила себя посмотреть на генерала. Про себя девушка отметила, что мясистый мужичок достаточно сильный противник. Из всех только он смотрит на нее без тени страха.

Она подняла руку, заставляя щупальца ползти к нему.

— Не стрелять! — Повторил генерал, сокрушенно падая на колени.

— Уходите, — выдавила из себя Наяда, стараясь сильнее запугать солдат их коленопреклонённым лидером. — Убирайтесь к черту! — Прохрипела она.

На нее все еще смотрело множество черных дул несмотря на приказ генерала. Солдаты боялись и не пытались этого скрыть.

Тяжело вздохнув, девушка насладились легким ветерком, пробежавшим по волосам, и резко распрямилась до боли в спине. Она запомнила расположение солдат, успела подметить их экипировку. Этого вполне достаточно. Если она выведет из боя половину, то сможет сбежать, пока остальные будут готовиться к новой атаке.

Если только круг разомкнется у нее появится шанс.

Она отпустила генерала и кинулась на двух ближайших военных, менее всего защищенных от ее атаки. Первый получил отточенную серию ударов по лицу: нос, горло, висок. И упал. Второй оказался чуть проворнее и успел ударить девушку под колено. Его жалкое сопротивление окончилось так же, как и началось, быстро и болезненно для него самого.

Круг из военных стал сужаться, они медленно наступали, загоняя девушку. Три щупальца воспарили и ухватились за солдат, опрокидывая их наземь, один из них с силой шмякнулся о каменную дорожку и обмяк.

Наяда не хотела убивать, пусть ее тело и требовало этого, больше всего в это мгновение она не желала становиться убийцей.

Она обернулась, чтобы напасть на тех, кто преграждал ей отступление из города, как раз в тот момент, когда в толпу ворвался Мардар на ходу поднимая двух солдат и раскидывая их в стороны.

Не успев ни о чем подумать, девушка перекинула через плечо атаковавшего ее солдата и склонилась над ним, чтобы вытащить из голенища его сапога кинжал, в то время как Мардар обрушивал на вояк сокрушительную силу мощных ручищ. Одного-двух ударов вполне хватало, чтобы вырубить. Мардар действовал не так аккуратно, как девушка, он не чурался вложить чуть больше силы в удар, чтобы убить. Наяда внутренне позавидовала господину.

Ей этот барьер перебороть оказалось намного сложнее, хоть от этого и зависела ее собственная жизнь. Помимо собственных убеждений девушке приходилось бороться со зверем, таящимся в ее крови и душе, он требовал уничтожений, Наяда ощущала гул и трепет, поднимающиеся от груди к горлу, зверь внутри рычал, умоляя высвободить его. Пуская свою силу в ход, девушка старалась сдерживать ее, чтобы причинить как можно меньше вреда военным, ей хотелось выжить, хотелось пережить этот день, не разрушив на мелкие куски то человеческое, что в ней осталось.

В один момент, подчиняясь команде генерала, солдаты убрали оружие и разом кинулись на Наяду и Мардара, не давая им возможности вывести из боя по одному солдату. Девушка заметила, как они сгруппировались, встав один за другим короткими рядами, у некоторых откуда-то появились щиты.

Наяда усмехнулась, такими пустяками ее не остановить. Она послала поток энергии в сторону щитов, вырывая их из рук военных и с грохотом обрушая обратно на землю. Мощенный камень не выдерживал и трескался от столкновения со щитами, для солдат это было более чем прозрачным намеком, — если бы девушка хотела, то могла так же шмякнуть о землю и их.

Она приготовилась к атаке, внутренне сжавшись и внимательно разглядывая небольшую колонну солдат, топающую в ее сторону. Это столкновение обещало быть жестоким. Наяда не сдастся, ни за что. Она не позволит сковать ее сдерживающим кристаллом и лучше умрет в бою. По хмурым лицам военных она поняла, они тоже не отступят, иначе в столице их ждет более суровое наказание. Мардар остался за спиной, девушка его не видела, но прекрасно слышала. Он убивал. И делал это весьма профессионально. Эти звуки, не сравнимые ни с чем, Наяда просто не могла не узнать, хруст пробитого черепа и глухой шлепок о землю, когда тело опадает, предсмертный стон, тихий, но заглушающий собой все пространство вокруг, она помнила это из прошлой жизни, когда причиной таких звуков была она сама.

Наяда развернулась полубоком, решив, что так у нее будет больше места для маневра и стала про себя отсчитывать секунды до столкновения. Дружный слаженный шаг солдат — десять, еще один — девять.

Восемь. Семь.

Наяда подбоченилась, сжав кулаки, в последние секунды она подмечала слабые места у первого ряда. Открытая шея, незащищенный бок. В честном бою она могла бы потягаться с любым из них, но против строя у нее нет шансов. Однако до последней капли воздуха девушка решила не терять человечности, она не призовет на помощь силу, сжавшую сладким молебным спазмом ее мышцы, не даст военным повода убедиться в ее сущности.

Прямо перед ее глазами строй солдат распался, несколько человек плашмя повалились на землю, не ожидая атаки извне. Причиной стал

Вулхи, кинувшийся в толпу с яростным криком. Он взмахивал тяжелым кузнецким молотом, обрушивая его на головы солдат и не переставая кричать.

От его крика внутренности девушки сжались, она не надеялась больше увидеть сына лесника.

Внутренняя стена пала, Наяда зарычала, кидаясь на солдат. Они убили отца Вулхи, обрекли его на жалкое существование, и пусть раньше они не ладили, но его семья не заслужила подобной участи. Никто не заслужил.

Мардар что-то закричал, пытаясь перекрыть вой сирен на железных грузовиках военных, выехавших со стороны закрытой части города. Наяда почти сразу узнала железных монстров с изображения, найденного у Мардара.

Она не слышала, что господин пытался сказать или отчего предостеречь. Послав щупальца к монстрам, девушка чуть прикрыла глаза, позволяя телу двигаться самостоятельно, его память зачастую оказывалась спасительной. Наяда ухватила солдата за плечо одной рукой, второй одним ударом ломая нос, обмякшее тело, девушка просто отпихнула от себя и ринулась дальше, иногда с тревогой поглядывая в сторону Вулхи, крошащего солдат, словно цыплят. Молот в его руках выглядел намного страшнее, чем оружие солдат всё вместе взятое.

Они явно не рассчитывали на столь рьяное сопротивление, надеясь поскорее расправиться с девушкой и вернуться в столицу.

Наяда поймала себя на том, что ее колени пружинят, она немного пританцовывает на месте перед тем, как схватить новую жертву. Она вспомнила слова приемного отца, сказавшего что война — это страшно, это кровь и грязь, война — это всегда смерть. Оказавшись в центре маленькой войны, объявленной ей солдатами, девушка смогла наконец постигнуть глубокий смысл этих слов.

Она могла тысячу раз не бояться ни боли, ни смерти, битва могла будоражить ее, кружить голову, но страх все же имел место быть. Наяда боялась не за себя, а за Мардара, непонятно каким образом очутившегося в городе. Он хотел защитить ее, спасти. И Вулхи, чья размеренная жизнь разрушена из-за нее. Наяда боялась за людей, принявших ее сторону, сражавшихся вместе с ней. Они могли

погибнуть в любой момент и эти смерти неподъемным грузом лягут на ее плечи.

Вот о чем говорил Робин, ставший на войне командиром отряда новобранцев. Он никогда не боялся за себя, он не был трусом, считавшим войну местом страшным и непонятным. Робин прошел сквозь ад, потеряв многих бойцов, каждая смерть отразилась на нем, сделав угрюмым и не особо разговорчивым. Он сломался и перестал быть нужным, тогда его и отправили домой.

Двое военных окружили Вулхи, один быстро настиг мужчину со спины, второй отвлекал его спереди. Наяда позволила солдатам повалить ее наземь, чтобы иметь возможность помочь Вулхи. Щупальца оттеснили от него военных и окружили мужчину защитным коконом.

Наяда закашлялась, тяжелый сапог на ее груди мешал дышать и думать.

— Лежать, тварюга! Лежать, я сказал! — Заорал солдат, пиная девушку по ребрам.

Наяда схватила его за лодыжку и дернула, смещая кости в слабой человеческой плоти, военный глухо замычал, теряя равновесие, тогда девушка приподнялась и ударила кулаком в колено и опрокинула врага. Солдат скорчился, но Наяда не дала ему времени, схватив беднягу за голову и ударив его о каменную дорогу.

Она обернулась, чтобы найти Мардара и увидела его чуть поодаль от себя, господин тяжело дышал, оттесняя солдат, Вулхи тоже едва не падал, взмахивая молотом. Наяда прислушалась к себе, поняв, что не устала вовсе. Она билась наравне с мужчинами, не позволяя себе передышки и даже не запыхалась. Это открытие она отложила на потом.

— Беги! — Тяжело прорычал Мардар, отбивая на лице солдата дробь.

— Вместе, — в ответ прокричала девушка.

Они много раз тренировались вместе и научились действовать слаженно, иногда слова им не требовались, чтобы понять друг друга.

Наяда позволила щупальцам орудовать над железными монстрами, переворачивая их и сминая, а сама достала из-за пояса кинжал, повернувшись к Мардару спиной.

— Нет! — Донёсся его встревоженный голос.

На одно мгновение взгляд девушки встретился с глазами Знатного, наблюдающего за битвой с расстояния. Он не вмешивался, хотя мог бы. Его молнии пугали Наяду, она не могла забыть боли, что несла за собой сила Хеуда, ей часто снилось, как он погружает ее во тьму, заставляя биться в конвульсиях, сердце постепенно слабеет под мощью ручных молний, а тело перестает подчиняться, содрогаясь от боли.

Хеуд среагировал быстро, призвав на помощь молнии, но недостаточно, чтобы выжить.

Наяда подняла руку с зажатым кинжалом, отвела плечо назад, локоть вперед и выбросила руку по направлению к цели. Так быстро и легко, будто проделывала это каждый день, ей не требовалось подумать или прицелиться.

Мардар подхватил ее под живот, пытаясь утащить к выходу, у них выдалось всего несколько секунд форы, чтобы сбежать, однако девушка уперлась пятками о землю, жадно наблюдая за утекающей из Хеуда жизнью. Они смотрели друг на друга.

Кинжал вошел в горло, плотно застряв в теле Знатного, Хеуд привалился к стене, хватаясь за рукоять простенького оружия. Он всегда считал себя неуязвимым, но пал от закаленного железа, не успев просчитать ход грязной необразованной служанки, вставшей ему поперек горла, теперь буквально.

Хеуд скривился, из его горла вырывалось противное бульканье, он все еще не мог поверить в случившееся. Наяда затряслась, поняв, что зверь в ней победил. Возможно Знатный станет являться к ней во снах мертвым, с пробитым насквозь горлом, его предсмертный стон станет преследовать ее, куда бы девушка не сбежала, но она радовалась. Всё ее нутро ликовало, отбросив сдерживающие принципы.

На прощание Хеуд смог выдавить улыбку без прежней ядовитости, лишь слегка отдающую надменностью. Наяда ответила торжествующим оскалом.

Он сказал ей, что пока она не понимает на что способна и это правда, но хватило тех способностей, которые развились в ней за пять лет жизни в Хорте. Хеуда убила не сила, которую девушка считала магией, а самое простое оружие, защищаться от которого Знатный не привык.

«Жизнь в поместье пошла тебе на пользу», Наяда будто снова слышала слова, произнесенные Хеудом в ту особую ночь, имеющую большое значение не только для Наяды, но и для Знатного. Оба сделали важные открытия и оба поняли, что город слишком мал для них двоих.

Именно с той самой ночи, Хеуд начал плести паутину, поглотившую девушку сейчас, он знал он ней очень много, вероятно, благодаря переписке с королем, Дамир не остался в стороне, желая избавиться от навязчивой и несговорчивой служанки. В этот сладостный для Наяды миг Знатный пожалел обо всем, что сделал и чего не предпринял, чтобы спастись. Однажды король Сайвос Великий тоже пожалеет, он будет умирать и в его тускнеющих глазах появится понимание и сожаление.

Я Наяда, слуга Лорда Ивьенто и его сыновей Дамира и Мардара. Я принадлежу Залесу и верна своему королю Сайвасу и его семье.

Наяда дала себе обещание, что не остановится ни перед чем, она узнает правду о себе и если вдруг окажется, что все ее беды начались с короля...

— Быстрее! — Прогремел Вулхи, подбегая к паре. — Надо убираться отсюда.

Мардар настойчиво потянул за собой все еще упирающуюся девушку, не сознавая насколько важен для нее этот момент.

Раздался громкий выстрел, у всех троих зазвенело в ушах, Вулхи присел, прикрывая голову, Мардар успел обнять Наяду, надеясь принять огонь на себя. Оба повалились на землю от силы выстрела.

Наяда закричала, переваливаясь на другой бок, в глазах потемнело от нахлынувшей боли в бедре, она тяжело задышала, уговаривая себя не смотреть на рану, подняла голову и посмотрела на стрелявшего.

Лицо генерала перекосило от злости, со лба стекала струя крови, закрывая мужчине один глаз, левое плечо вывернуто под неправильным углом, но он все еще держался на ногах, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

Он начал перезаряжать оружие, чтобы выстрелить снова, Мардар подхватил небольшой камень и метнул его в генерала. Противно хрустнула челюсть, грузный мужичок медленно осел, не сводя с

Наяды упорного полного ненависти взгляда. Мардар не убил его, поэтому у Наяды не осталось сомнений, они еще встретятся, генерал из-под земли достанет ведьму, покалечившую элитную королевскую гвардию с помощью двух друзей.

Пока из закрытой части города собиралось подкрепление, Мардар подхватил девушку на руки и кивнув Вулхи, побежал.

Наяда повернула голову, чтобы видеть последствия разразившегося боя, она чувствовала тянущую боль в ноге и яркое желание поскорее погрузиться в сон.

Площадь стала похожа на военное поле, пока Мардар уносил ее подальше от притаившегося зла, девушка мысленно прощалась с городом. Навсегда.

Перевернутые на бок железные монстры, раскуроченные военные щиты, отвратительные ямы на мощенной дорожке в тех местах, где Наяда испытывала свою силу, позволяя невидимым рукам крушить все, что попадется, несколько неподвижных тел с багровыми лужицам крови под головой. И ни одного горожанина.

Как же, наверное, сложно будет объяснить жителям Хорты, что произошло на площади, откуда взялись перевернутые железные монстры и что это вообще такое, раскуроченные дула автоматов и разбитые щиты. В следующие дни Дамиру придется нелегко, ведь гвардия короля Сайвоса уйдет из города, чуток оклемавшись, а вот лорду придется налаживать управление и приспосабливаться к новым обстоятельствам.

Через промокшую штанину капала свежая кровь, Наяда ощущала каждую каплю, покинувшую ее тело, она боролась за воздух, стараясь не обращать внимания на тряску. Мардар бежал стремительно, перепрыгивая через мусор и сломанные кусты, рядом с ним Вулхи, большой и сильный, однако бег давался сыну лесника с трудом.

Последние дни оставили на его лице глубокие морщины, меж бровей тоже пролегла сердитая складка, Вулхи осунулся, но не растерял природной силы. Молот он взвалил на плечо, не особо задумываясь о том, что лучше бы его бросить здесь, так будет легче бежать, да и потом, такое оружие им не пригодится. Наяда обязательно сказала бы ему об этом, только язык во рту не желал проворачиваться и отлипать от верхнего неба. В этот раз молот возымел на солдат действие оттого, что они не ожидали настолько бурного сопротивления

и появления еще двух человек. Им казалось, что схватить девушку дело пары минут, но как бы ни так.

Наяда тихо закричала, пытаясь засмеяться. Втроем они разбили элитную гвардию короля, пусть не всю, однако у них не было ни оружия, ни защиты, ни численного преимущества. Генерал удивится, когда подсчитает убытки, может быть Его Величество король Сайвос Великий поможет генералу и лично подаст петлю.

Троице кое-как удалось преодолеть городскую стену, не сговариваясь мужчины сразу же двинулись в сторону леса.

— Не засыпай, — прошептал Мардар, встряхивая девушку, чтобы она пришла в себя.

Наяда негромко выругалась, вкладывая в бранное слово всю боль, что ощущала в данный момент, господин усмехнулся ей, не сбавляя скорости.

Ее все больше клонило в сон, тело требовало передышки, но всё разом прошло, когда Наяда вспомнила, что так и не дошла до хижины, не простилась с отцом, не забрала память о нем. Сердце болезненно сжалось, девушка скривилась, подавляя слезы. Не самое лучшее время, чтобы разреветься на глазах у двух мужчин. Она всхлипнула, обращаясь к Робину и Эванлин в душе, она просила прощения у них, так же как совсем недавно у всего города.

Заходящее солнце напомнило ей, как она появилась в этом городе. Из неоткуда. В этом была доля правды. Наяда просто возникла посреди мягкой травы и душного ветра. Не существовало кого-то, кто привез ее в окрестности Хорта, она просто появилась, как дитя появляется из матери, такая же чистая и невинная, заново увидела мир. И спустя пять лет в этом мире с головой окунулась в дерьмо. Ради чего?

Память возвращалась рваными кусками, но этого было мало. Если она хочет выжить, то должна вспомнить все и достаточно быстро.

Позже, ведь сейчас ей нужно немного поспать, чтобы прийти в себя. Хоть Мардар и просил ее не засыпать, девушка ничего не могла с собой поделать, ее глаза медленно закрывались, сознание погружалось в темноту, отпуская тревогу и боль.

Девушка успела увидеть ворота Хорта перед тем, как уснула, успела осознать, что уже ничего нельзя вернуть. Ее жизнь раз и навсегда изменилась, в черт знает, который раз. Однако пока ее

швыряло по знакомому городу, всё было достаточно терпимо, год выдался крайне сложным, насыщенным на гадости, но он не пугал.

Пугала неизвестность впереди. Куда они пойдут? Куда бы ни пошли опасность будет подстерегать всюду, направление для этого не столь важно. Как станут жить теперь? Останется ли Вулхи в их компании?

В последний раз ее так мучали вопросы, когда она впервые оказалась в поместье лорда Ивбенто.

Наяда закрыла глаза.

Возможно всё это ей приснилось, завтра она проснется в кровати рядом с Мардаром, сжимающим ее ладонь. Они вместе пойдут в город и увидят, что всё как прежде, никаких лишних солдат, никаких разрушений.

И жизнь, которой не существовало, пойдет своим чередом...

16 Беглецы

Холод. Холод прокатывается от кончиков пальцев к открытому горлу, а оттуда вниз по груди и бедрам. Хочется пошевелиться, но от каждого движения становится неприятно от того, что все тело онемело и противно покалывает. Под спиной мокро и холод начинается именно оттуда.

Наяда пытается перевернуться и глухо рычит. По телу пробегает волна звенящей боли, ее внутренности будто охвачены огнем, пылают ярче костра. Во рту сухо, потрескавшиеся губы покрылись кровавой пленкой, пленка лопается, когда девушка облизывает верхнюю губу.

Пошевелила рукой, перебирая пальцами мягкую влажную траву и тяжело вздохнула. Она заерзала по земле, пытаясь прогнать холод и резко, одним махом, будто срывала жестокий бинт с раны, открыла глаза. Солнце не ослепило. Его вообще не было. Зато была изумрудная листва. Целый купол из разноцветных листьев. Тут и благородный зеленый, и ярко-зеленый, и бледно-зеленый, она бы хотела полюбоваться красками, вспомнить названия всех цветов, которые увидит над собой. Девушка перевернулась на другой бок, увидев собственную руку, слишком бледную, пару худых ног, тоже обескровленные.

Наяда заморгала глазами, прогоняя головокружение и подняла корпус, сев. Ее затошнило, да так сильно, что захотелось провалиться обратно в забытие.

Вернулись запахи. Первым девушка ощутила сырой запах лесной почвы и травы. Недалеко пахло чем-то жареным, достаточно вкусно пахло. А вокруг тысячи различных звуков, Наяда чуть не задохнулась от восторга, вслушиваясь в стрекотание птиц, прямо над ней запевают свою брачную песнь сойки, а чуть поодаль в их пение вклиниваются жаворонки.

Она давно не слышала более прекрасных звуков, запертая в поместье.

Поместье.

Где я?

Такой простой, одновременно глупый и ужасный вопрос. Девушка испытала странное чувство, нечто не самое приятное повторяется.

Кто я?

Сразу же возник второй вопрос.

Я Наяда, поданная короля Сайваса и... Нет, больше не поданная.

Тогда кто я теперь?

Она помотала головой, прогоняя мрачные мысли. Виски сдавило жаром, девушка зажмурилась и скривилась. Она чувствовала себя до крайности подавленной.

Наяда попыталась восстановить последние события, но помнила только громкий выстрел и последовавшую за ним оглушающую боль. Она подвигала затекшими руками, распрямив их перед собой. Ничего, только пару царапин и сбитые от драки костяшки пальцев. Покрутила голову, разминая шею и втянула худой живот, глубоко вздохнув. Ничего. Попыталась согнуть ноги в коленях и тихо застонала. Вот оно, нашлось.

Оглядевшись по сторонам, девушка нашла две тучные фигуры чуть на расстоянии, придвинувшиеся к костру. Мужчины что-то энергично обсуждали, стараясь не повышать голос.

События последних дней настигли девушку разом, обрушившись на нее. Хеуд, его убийство, солдаты, генерал, мертвый город, побег, не от поместья или города, как планировалось, а от смерти.

Наяда затрясла головой, прогоняя видения и едва успела перевернуться и опуститься над кустом, опорожняя желудок. Вместо остатков еды из нее вышла желчь. Девушка прокашлялась, сорвала пару листьев, чтобы протереть рот и села обратно.

Лес перед ней неторопливо вращался. Вечер. Поздний. Солнце давно зашло. Наяда опустила голову и увидела, что лежит она на своем плаще. И только сейчас заметила, что штанов на ней нет, только рубаха, чуть прикрывающая ноги.

— Мать твою, — тихо выругалась она, ерзая по земле и утирая сопливый нос рукавом.

Звук собственного голоса ее удивил. Хриплый, надломанный. Щурясь от неприятного гула в голове и ушах, Наяда посмотрела в сторону мужчин.

— Пить, — растягивая буквы прохрипела она и поморщилась, ощутив свежие лопнувшие ранки на губах.

Мардар перевернулся через пенек, на котором сидел и повалился на землю, но сразу же вскочил и подбежал к девушке. За ним подоспел Вулхи, более предприимчивый, с кружкой воды.

Вместо того, чтобы спросить, откуда у них взялась железная кружка посреди леса, девушка жадно обхватила железные края губами и начала быстро высасывать жизненную влагу, громко хлюпая. В тот момент ее мало, что смущало. Не было дела до двух пар обеспокоенных глаз, громкого, совсем не женственного хлюпанья, отсутствия штанов и даже легкого, чуть призрачного ощущения опасности.

Наяда пила и не могла думать ни о чем, кроме того, что пожар в легких постепенно стихает и пустой желудок наполняется прохладной жидкостью, начиная булькать. Допив, девушка посмотрела в сторону костра, увидев большую бутылку, наполненную заветной влагой. На четвереньках, растолкав плечами мужчин, Наяда поползла к бутылке, едва ли задумываясь о том, что крайне неприлично сверкает задом.

Каждое движение давалось с трудом и рождало в ней тянущую слабость, заставляющую лечь прямо на землю и полежать немного, но девушка упорно ползла под удивленные взгляды напарников.

Дотянувшись рукой до бутылки, девушка сорвала крышку и припала к ней, обвив ногами и руками, и чуть наклонив. Теперь она глотала жадно и быстро, боясь, что если не поторопится, вода может закончиться, и она засохнет, окончательно засохнет, посреди незнакомого чужого места, окруженная деревьями.

Утолив ненасытное чувство жажды, девушка откинулась назад, заваливаясь на ковер из влажной травы и твердых хрустящих под ней хворостинок.

Сейчас она полежит, привыкнув к жужжанию в голове и подумает о страшных вопросах, но позже.

— Наяда.

Мягкий взволнованный голос Мардара вывел ее из оцепенения. Девушка повернула голову, разглядывая ноги и колени господина, присевшего перед ней.

— Какого ж... — она сглотнула ругательство и продолжила. — Вы оказались в городе так не вовремя?

Мардар привычно усмехнулся, прищуриваясь. Этот жест девушке казался таким простым и знакомым. Так просто было наблюдать за его

эмоциями и мимикой в поместье.

— А мне кажется, я появился там очень вовремя, — просто ответил он и улыбнулся. Но Наяда заметила на лице печать усталости, запавшие глаза, темные круги, лицо мужчины осунулось и посерело.

— Сколько? — Задала она мучающий ее вопрос, не дававший покоя с того момента, как она открыла глаза.

— Два дня, — взгляд мужчины потемнел. — Мы очень переживали за тебя, ты не реагировала ни на что, но, — Мардар переглянулся с Вулхи и сглотнул ком в горле, раздумывая, стоит ли говорить правду.

— Посмотрите, куда завела нас ложь, господин.

Наяда сама поразилась своей проницательности, обычно ей с трудом давалось понимать людей.

— Твой организм ушел в состояние анабиоза.

Снова сдавило виски, сильнее прежнего, в этот раз от бессильных попыток мозга понять новое незнакомое слово.

Мардар погладил девушку по лицу, одновременно указывая на ее ногу. Он заговорил так быстро, что Наяду снова затошнило от количества слов.

— Ты вроде как спала, но не совсем. Обычно, анабиоз — это искусственное состояние организма, ну в Вонте, там так вроде как лечат или еще что-то. Но ты...ты лечилась. Сама. Не реагировала на звуки, да ни на что не реагировала. Потом Вулхи заметил, что твое сердце почти не бьется, и мы стали переживать. Пулю мы вынули почти сразу, чтобы твое тело могло продолжить регенерацию свободно. И...

Наяда помотала головой, пытаясь остановить Мардара, иначе она окончательно сойдет с ума, еще слово, значение которого ей непонятно, и она снова упадет в бессознательную негу. Всё это потом. Анабиоз, регенерация, Вулхи, который ни капли не удивляется при этих словах, рана от оружия, которое в самом деле существует. Всё потом.

— Два дня, — медленно проговорила девушка. — Мы были на одном месте два дня? Солдаты... — жалко простонала она, пытаясь донести до мужчин свою простую мысль.

— Нет, мы в трех днях пути от Кричащих нагорий, — возразил Вулхи, похрустывая огромными пальцами. Наяда только сейчас

заметила, какие у мужчины огромные руки.

Сев, девушка все же осмотрела ногу, увидев неровный свежий шрам, быть такого не может. Она покачала головой. В нее стреляли огнем и громом, чудо, что она выжила, но так быстро вылечиться невозможно. От простуды в Хорте можно было помереть, если не лечиться очень упорно, от занозы в пальце вполне возможно лишиться фаланги, а то и ладони целиком. Наяда знала, что человеческое тело несовершенно, его легко уязвить самой просто щепкой или плохой пищей. Долгое лечение — это нормально, ненормально оживать после грозного оружия военных из столицы через два дня и чувствовать себя вполне здоровой, за исключением гула в ушах и ужасного желания выпить всю воду, которая найдется в лесу.

— Откуда у вас все это? — Наяда указала на походный котелок, в нем варилось что-то заманчивое, у девушки мгновенно рот наполнился вязкой слюной, на кружку в руках Вулхи, на большой походный мешок.

Память подсказывала Наяде, что убегали они налегке, при себе у нее была только сумка с дневником, пишущими принадлежностями и кольцом с сапфиром.

— Мы сделали небольшой крюк, чтобы остановиться в таверне.

Очень умно отдыхать в месте, полном людей, способных опознать троих путников, когда за тобой идет настоящая погоня.

— У нас есть пара дней форы, пока они придут в себя, — подал голос Вулхи.

Наяда старалась не смотреть на него, испытывая к сыну лесника достаточно противоречивые чувства. С одной стороны, она виновата во всем, что ему пришлось пережить, с другой, им не оставалось ничего, кроме как стать союзниками в сложившейся ситуации. Она почти не помнила о детских обидах, раньше Вулхи не особо ее жаловал, мог пихнуть, когда девушка загораживала проход или оскорбить и пойти дальше, как ни в чем не бывало. Все это ушло на задний план, оставшись далеко-далеко в городе. Старые обиды перестали иметь веское значение, в нынешней ситуации, они оба беглецы и им обоим грозит смерть, от которой возможно спастись только в том случае, если они станут действовать вместе, слаженно, как одно сердце.

— Мы пока не решили, куда лучше отправиться и идем в горы только потому что больше некуда, — признался сын лесника, потирая лоб большим пальцем. Он явно не был в восторге от отсутствия четкого плана по спасению трех шкур.

Мардар помог девушке переместиться на широкое бревно, сваленное около костра, и сунул ей в руки железную тарелку с ароматной похлебкой.

Наяда прихлебывала суп, языком вылавливая кусочки свежего мяса и усиленно думала, пока остальные молчали, поглощая ужин.

Два дня отделяло их от Хорты, три — от Кричащих нагорий, значит, примерно через сутки, если идти быстро и покрыть по возможности большее расстояние, они уткнуться в приток реки Утапорис, Легуун достаточно полноводный, поэтому пересечь его придется вплавь, держась друг за друга, чтобы не отнесло в сторону. После этого они двинутся в горы, но зачем? Когда военные начнут рыскать их, идя по следу, в горах им не укрыться долго, при том, что ни один из них не знает этих мест достаточно хорошо, чтобы укрыться и переждать в глубокой пещере. В Кричащих нагорьях их схватят быстро.

Наяда покачала головой, погружаясь в раздумья.

Если сейчас они находятся на северо-востоке от Вонта, то на юго-востоке находится Сердце Залеса, остров с действующим вулканом, опасное и непредсказуемое место, за ним, через море город Криан, испещренный шахтами. Оттуда, постоянно двигаясь на юго-запад, если повезет, она дойдут до Беона, а потом вниз к границе Залеса и Морвата. Но где гарантия, что в Морвате будет безопаснее? Наяда мало знала о соседнем королевстве, кроме многолетней войны.

— У нас немного подходящих вариантов и придется рисковать, — начала девушка, привлекая внимание напарников, — мы ничего не добьется, если продолжим двигаться в горы.

— У тебя есть идея получше? — Хмуρο спросил Вулхи.

— Морват, — глухо отозвалась девушка, водружая миску на бревно рядом с собой.

Вулхи зашелся каркающим смехом, показывая на девушку своим огромным пальцем. Наяда нахмурилась, вспоминая о том, что прежде они не ладили и сейчас явно не начнут.

— Это плохая идея, — Мардар положил ей руку на плечо. — На границе идут боевые действия, затишье наступает редко и то только для того, чтобы привезти на поле новобранцев. Даже при очень хорошем раскладе, преодолеть границу будет почти невозможно.

Наяда поднялась, чувствуя тяжесть в ногах.

— И что? Ждать пока в горах нас настигнут военные? Что тогда? Лично я не горю желанием попадаться им.

Девушка уперла руки в бока и грозно посмотрела на сына лесника, неважно, что ему довелось пережить, он обязан не быть слеп к очевидным вещам.

— Я готова рискнуть, — тихо проговорила девушка и села обратно.

Вулхи и Мардар надолго замолчали, переваривая идею девушки. Первым в себя пришел Мардар, придвигаясь ближе к Наяде.

— Это будет нелегко, понимаешь? Чтобы пойти к границе нам нужно вернуться обратно почти до самого Хорта и оттуда двинуться вниз через столицу. Представляешь, насколько это опасно?

Наяда ухмыльнулась.

— Опасно, — повторила она, — глупо. Так мы будем в еще большей опасности. К границе нужно двигаться через остров, Криан и Беон.

— Это очень долго, дорога займет не один месяц, а у нас в распоряжении нет столько времени.

— У нас полно времени, — огрызнулась девушка, глядя на притихшего Вулхи. — Вместо того, чтобы сидеть в горах и ждать, когда нас найдут, мы будем постоянно двигаться, менять места привалов и чуть менять курс, чтобы запутать следы. К тому же, едва военные смогут предположить, что мы решили сбежать в соседнее королевство, ведь они, как и вы, сочтут это безумием.

Мардар как-то странно взглянул на девушку и быстро отвел взгляд в сторону, раздумывая над ее словами.

— Решено, — сказал он. — Морват так Морват.

Наяда победно улыбнулась и встала.

— Где мои вещи? — Девушка погладила обнаженные бедра, приподняв от смущения верхнюю губу. — И оружие военных!

Мардар обернулся, подцепив потрепанную сумку.

— Всё там.

Натягивая на себя штаны, Наяда отметила рваную дырку на бедре, к своему несчастью, она не озаботилась положить в сумку иголку с ниткой. Она порылась в сумке, с облегчением нащупав нетронутый дневник и пистолет, и вынула оружие.

— Вам надо поспать, я посторожу, — возвращаясь к костру объявила девушка. Все еще не в состоянии прямо заговорить с Вулхи, она смотрела на Мардара, думая, как теперь к нему обращаться.

— Господин, вы скверно выглядите, — добавила Наяда.

— Какой я теперь господин, — грустно усмехнулся Мардар. Он отвел девушку немного в сторону, подхватив ее под локоть.

— Ты неплохо ориентируешься в ситуации, — заметил Мардар, подбирая слова. — Будто план у тебя в голове был уже очень давно.

— Просто мыслю здраво, — соврала девушка, выпутываясь из тисков Мардара. Она сочла неуместным говорить сейчас о том, что не собиралась оставаться в городе изначально. К тому, это уже и не важно, ситуация переменилась, ее планы потерпели крах.

Мардар слабо кивнул и вернулся к костру, устраиваясь прямо на земле, Вулхи последовал его примеру и почти сразу громко захрапел.

Наяда гадала, сколько дней ее напарники провели без отдыха, передвигаясь с ней на руках, перенося ее бесчувственное тело по очереди. Им было бы намного легче бросить ее, но они этого не сделали.

А она готова была бросить Мардара одного, предоставив ему самому справляться с голосами и с невыносимым братцем. Девушка сокрушенно покачала головой, невелика цена ее дружбе.

Наяда уселась около дерева, сжав в руке пистолет. Она пыталась понять, каким образом он извергает огонь и вертела оружие, рассматривая его с разных сторон, пару раз заглянув одним глазом в дуло. Не только друг из нее так себе, но и часовой тоже, если вдруг объявятся военные, она скорее кинется в них пистолетом, чем поймет, как выпустить из него поражающий огонь. Сейчас совсем не помешал бы отцовский меч, которым она владела намного лучше или ее сила, но девушка ее ощущала очень слабо, опасный зверь притаился и спал, не спеша прийти на подмогу. А вдруг в драке с солдатами она исчерпала себя?

Тьма постепенно сгущалась, окутывая прохладным ветром. Птицы смолкли, предоставив место ночным обитателям. Вдалеке ухнула сова, заставив Наяду вздрогнуть от неожиданности.

Пока мужчины крепко спали, набираясь сил, Наяда не переставала думать, привалившись спиной к дереву. Она старалась вслушиваться в незнакомые звуки ночного леса, поглядывать по сторонам, всматриваясь в темноту и все еще упорно сжимала пистолет, ощущая в нем жгучую потребность.

До драки с солдатами Наяда думала, что жизнь ее не слабо помотала из стороны в сторону, сталкивая всякий раз с более сильным противником. На деле оказалось, что раннее произошедшее годится на закуску по сравнению с окружившей опасностью теперь. Намного легче и безопаснее было окусываться на Знатного и лорда Дамира, работать в полях и воровать овощи у Лоуита.

А теперь Наяда даже не знает, жив ли старый гуляка фермер и его сыновья. И как пережил побег своего младшего сына лорд Ивьенто, во что за последние два дня превратился город или как эти два дня двое абсолютно разных мужчин справлялись с трудностями, взваленные на их плечи по вине одной глупой девушки.

Начав различать в темноте листья на деревьях, лица напарников, сладко спящих у потухшего костра, Наяда немного обрадовалась наступающему новому дню. Всё ее тело требовало действий, устав прибывать в странном, непонятном слове анабиоз, смысл которого еще только предстояло познать.

Вскоре заворочался Вулхи, привыкший за свою жизнь подниматься рано, чтобы помочь отцу на лесопилке. Он проснулся быстро, будто разметав блаженный сон в стороны и резко поднялся, щурясь и оглядываясь по сторонам, пока не увидел бодрую Наяду, намеренно отводящую взгляд куда угодно, только бы не смотреть на него. Мужчину подобное не смутило, что-то в этом духе он ожидал, памятуя об их былых отношениях, но Вулхи не представлял, что поведение девушки обусловлено вовсе не обидой, а стыдом.

Сын лесника тяжело поднялся с земли, отряхнулся и размял шею, он поворошил почти потухший костер, в надежде разжечь его.

— Не надо, — пискнула Наяда. — Костер больше разводить не будем, так нас проще найти, — не глядя на напарника, сказала девушка, делая вид, что ногти занимают все ее внимание.

Вулхи не стал спорить, оставил угли в покое и толкнул спящего Мардара в плечо.

Только сейчас Наяда вдруг осознала очевидное. Какая же странная из них вышла компания, обреченные на тесное соседство друг с другом. Благородный господин, сын лорда, управленца целого города. Сын лесника, зажиточного горожанина, пусть и низкого происхождения, привыкший к совершенно иному обществу. И девушка, со странной силой и кучей вопросов, навлекающая неприятности на каждого, кто оказывался к ней достаточно близко.

В обычной жизни они бы даже не здоровались. Если бы не способность отгонять голоса, Мардар никогда бы не посмотрел в сторону оборванки из хижины, а Вулхи ни за что не подал бы безумному господину руку, помогая подняться с земли. Но все переменялось, связав их вместе.

Наяда подошла к Мардару.

— Пора выдвигаться.

Она порылась в сумке, обнаружив в ней забытую карту, которую рисовала незадолго до побега. Как же хорошо, что тогда ей пришло в голову, засунуть в нее в сумку. Наяда развернула карту, надеясь, что Мардар не заметит проложенного до Вонта пути.

— Будем двигаться к острову, путь займет еще дней пять-шесть. А уже на берегу подумаем о том, как перебраться через море. Кстати, на острове можно будет совершить длительную остановку. Он опасен, солдаты туда не пожелают соваться.

Мардар слушал внимательно, иногда кивал и поглядывал на остающегося чуть в стороне Вулхи. План Наяды хоть и отдавал безумством, но выглядел достаточно продуманным, к тому же, если в пути обнаружатся огрехи, можно будет повернуть в любую сторону, расположение их пути было весьма удобным, учитывая, что возможно предстоит отступать или менять маршрут, скрываясь от военных, такая возможность отметалась в горах, делая беглецов уязвимыми.

— Уверена, что сможешь идти сама? — Мардар забрал у девушки карту, отложив ее в сторону. — Я не уверен, что ты полностью излечилась.

Наяда тоже до конца в это не верила, но в данный момент она твердо стояла на ногах и по ощущениям могла не просто идти, а бежать до самого острова без остановок.

— Было бы неплохо, чтобы вы...ты, — Наяда замялась, почесывая затылок. — Чтобы ты объяснил мне, что такое анабиоз и...

Вообще то ей хотелось получать много объяснений. Во-первых, откуда сам Мардар, не бывавший в столице с детства, так много знает. Во-вторых, какого черта, его не удивляло оружие военных и их железные монстры. В-третьих, (девушка мысленно загибала пальцы), каким образом ему удалось всё объяснить Вулхи так быстро, что ни одно слово господина его не поражало так как, делало это с Наядой. В-четвертых, как Мардар смог так вовремя оказаться вне стен поместья, придя к ней на подмогу. В-пятых, было что-то еще, но Наяда благополучно забыла.

Она помогла собрать в мешок их немногочисленные вещи, до конца затушить огонь и стереть с небольшой полянки следы их недолгого пребывания. Посоветовавшись с Мардаром, оба решили, что вопросы и ответы можно отложить на время, обсудить наболевшее в пути, а до того момента лучше сплотиться и не мешать друг другу.

Отправляясь в путь, все трое ненадолго взяли за руки и немного постояли так, наслаждаясь затишьем. Утро наполняло лес свежим щебетанием птиц и легким туманом, лес быстро оживал, просыпался, раскрываясь навстречу новому дню. То же нельзя сказать о трех напарниках, встречающих день с тяжелыми сердцами. Неизвестность стала их постоянным спутником, как страх, подозрение и усталость.

Но каждый хоть и не был уверен в хорошем исходе, заставлял себя верить в лучшее. Им уже неоднократно везло, поэтому нельзя терять надежду.

Через лес старались пробираться тихо, пока не отошли от места привала достаточно далеко, никто не решался заговорить. Мардар шел вперед, прокладывая дорогу и сверяясь с картой, за ним осторожно ступал Вулхи, стараясь не ломать ветки деревьев. Наяда замыкала их небольшую процессию, погруженная в свои мысли.

Договорились идти без отдыха до вечера, до тех пор, пока не уткнутся в изгибающийся приток реки Утапорис. Заночевать решили на берегу, а поутру переправиться через реку, которая в этом месте должна быть достаточно мелкой.

Наяда смотрела на широкую спину Вулхи, гадая, сколько еще сможет избегать разговора. Им предстоял опасный путь с неизвестным

концом, глупо сторониться друг друга. Девушка тяжело вздохнула и нагнала мужчину, поравнявшись с ним.

— Слушай, мне очень жаль, — начала девушка, ругая себя за неспособность нормально извиниться.

— За что? — Вулхи мельком глянул в ее сторону и снова стал смотреть перед собой.

— Ты потерял семью из-за меня, — Наяда обхватила мужчину за руку, заставляя его остановиться. — Я видела ваш сожжённый дом, это ужасно.

— Это вина Дамира и Хеуда, не твоя, — буркнул Вулхи.

Наяда так не считала, из-за нее Хеуд и Дамир вступили в переписку с королем, из-за нее в город пришла элитная гвардия короля, все меры и лишения только из-за нее. И Холгар умер потому, что она не смогла вовремя себя заткнуть. Вулхи в пору ее ненавидеть, презирать, но он вел себя всего лишь немного отстраненно, не показывая ненависти.

— Как они умерли? — Наяда сжала зубы, чтобы сдержать слезы, ей важно знать, как окончили жизнь люди, которых она будет помнить всегда. Ей казалось, что Вулхи надо выговориться, чтобы не оставаться наедине со своим горем. И не ошиблась.

Сын лесника взял девушку за руку и повел за собой, чтобы не отстать от широкого шага Мардара.

Вулхи рассказал о изменившимся в один час городе. Он не торопился, иногда замолкал, решая, как лучше продолжить, но Наяда не перебивала его, сильнее в качестве поддержки сжимая руку Вулхи.

Солдаты пришли с рассветом. Их было немного, но в город они ступили, как хозяева. Быстро разогнали людей по домам, некоторых даже приложили дубинками для убедительности. Они расположились около стены и просто сидели до наступления темноты.

Когда на Хорт опустилась тьма, издалека показались железные монстры, везущие на себе солдат. Их было много, слишком много, чтобы сопротивляться. Перепуганные люди страшились вытащить нос из укрытий переставших быть уютными домов.

Элитная гвардия короля Сайвоса расположилась в закрытой части города, обосновавшись в старых домах, с утра начали выгонять всех горожан на площадь.

Пока Наяда слушала, то понимала, что была не так далека от истины.

Объявили новые порядки, раздали листовки с изображением девушки, требуя ее немедленной выдачи солдатам. Оказалось, большинство просто не знали, куда пропала глазастая бестия из хижины, ее давно не видели в городе и не особо интересовались ее судьбой. Поэтому начались сначала порки, чтобы разговорить народ. Потом обыски в домах, тюремное заключение, и только потом, как строжайшая мера — казни. Казнили немногих, по большей части старались запирали в тюрьму, допрашивать, пытать сведения о нахождении девушки.

Наяда внутренне содрогалась, внимательно слушая рассказ Вулхи, он говорил отстраненно, полностью погрузившись в воспоминания тех дней.

Потом в городе появился сын лорда, уединившись с солдатами и Знатным из дома Лиловых в домах, что находились в заброшенной части города. Они долго что-то обсуждали, после, видимо, придя к общему заключению, разошлись. Господин Дамир даже не попытался поговорить с горожанами, успокоить их или хоть бы поддержать. Он сел на коня и умчался в поместье, едва ли ему было дело до людей.

Меры продолжились. Сначала женщинам запретили выходить из домов, их обыскивали, сравнивали с изображением, допрашивали, нередко применяя физическую силу. Через несколько дней город опустел окончательно. Солдаты бесчинствовали над каждым, кого удавалось изловить в проулках, каждый день выдумывали новые меры, беспринципно повышали налог, не советуясь с правящим лордом и откровенно грабили, вынуждая очень многих отдавать последнее.

Тех, кто пытался возникнуть, убивали на месте. Трупы сваливали в общую яму за городом и не хоронили, в последний раз ругаясь над телом несчастных.

Таким образом военные развлекались, дожидаясь оговоренного момента.

Семью лесника тоже постигло несчастье. В его дом пришли с обыском, перевернули всё верх дном, забрали часть честного заработка в качестве платы за молчание и нежелание выдать нужную им жертву.

Через день пришли снова, долго допрашивали бледную от страха Лиоверу, из комнаты, отведенной под данное мероприятие, мать Вулхи

вышла с набухшим синяком под глазом. Она не плакала, не кричала, смиренно принимая свою участь.

Когда солдаты потребовали на допрос двух дочерей лесника, могучий Холгар взъелся, загородив девушек своей мощной грудью.

«Только через мой труп, псы», зарычал лесник, отодвигая дочерей подальше.

Холгар наслышан был от соседей, каким образом допрашивали молоденьких девушек и не готов был приговорить на это собственных дочерей. Вулхи тоже не остался в стороне, встав напротив военных. Честь его семьи, его сестер, главное, что стоило беречь, так учил его отец с раннего детства. Никакие богатства не важны так как родные, только за них стоит биться насмерть.

Дрожащие Орвеана и Регитта забились в угол, обнимая друг друга и заскулили в голос.

Холгар положил руку на плечо старшего сына и тогда Вулхи всё понял. До последнего вздоха, до последней капли крови. За честь семьи.

Оба подбоченились, слушая нарастающие угрозы военных. Вулхи стянул со стола кузнечный молот, одолженный у Трагмала еще до начала печальных событий, отец снял со стены увесистый топор, с которым ходил на добычу черного дерева, особенно прочного и тяжело добываемого.

«Склонитесь перед волей Великого короля Сайвоса», — потребовали солдаты.

Они не склонились. Сражение было недолгим. Холгару удалось зарубить лишь двоих до того, как подоспела подмога с автоматами. На сестер и мать Вулхи солдаты пожалели патроны, перерезав все троим горло. Младшего брата, еще совсем мальчишку убили прикладом.

Вулхи дрался, пока были силы, размахивая молотом и защищаясь телами еще живых солдат от пуль. Когда силы иссякли, он упал рядом с отцом, поверженным в грудь пульей автомата, и скривился. Молодому мужчине сложно давалось принять подобный исход. В одночасье он лишился всего и уже приготовился умереть вместе с родными.

Но солдаты оставили его и ушли. Отец из последних сил сжал руку сына, умирая.

«Выживи. И продолжи род», — задыхаясь проговорил Холгар.

Тогда его слова показались почти смешными. Как он мог выжить в таком кошмаре, как мог продолжить жить, позволив родным умереть? Но отец был прав. Он всегда слыл мудрым человеком, хоть и не имел образования, даже в школе не учился. Он всегда был рассудительным и справедливым. Он — глава семейства, обязан полечь рядом с детьми и женой, но старший сын, уцелев, обязан продолжить жизнь. Пронести память о погибших в бою, жить с этой памятью и растить детей, вспоминая наставления отца.

Какое бы отчаяние ни вызывали слова отца, но он прав.

Очухавшись спустя пару часов, Вулхи похоронил семью в саду за домом, вернувшись в дом, стал собираться. В городе ему больше нет места.

Как вдруг вернулись солдаты, он приготовился к новой схватке, но они не вошли в дом, а подожгли его. Из горящего здания Вулхи выбрался чудом и укрылся в хижине Наяды, до которой военные еще ни разу не дошли. Там он смог переждать.

Отправившись на разведку спустя три дня, Вулхи понял, чего ждали военные. Пока Наяда плакала над его сгоревшим домом и не смотрела по сторонам, солдаты медленно окружали ее, прячась в тени улиц и домов. Словно волки, почуявшие добычу, они кружили над девушкой, позволяя ей сокрушаться над домом лесника.

Дослушав, девушка заплакала. В этот раз слезы ее не стыдили. Мардар обернулся, но Вулхи остановил его движением руки.

— Прости меня, — простонала девушка. — Умоляю, прости. Ты вправе ненавидеть меня.

Она прикрыла рот рукой, плача навзрыд.

Наяда ожидала чего угодно, ехидного тычка под ребра, жестоких язвительных слов, но не крепких объятий.

— Ты не знала. «Никто не знал», — прошептал ей в ухо Вулхи. Он плотнее сжал девушку в объятиях, уткнувшись ей в плечо, Наяда обняла его в ответ, прижимая к себе так сильно, как только могла.

— Прости, — безостановочно повторяла девушка, заливаясь горькими слезами.

— Мы обязаны выжить, — тихо сказал Вулхи, — и отомстить.

Наяда горячо закивала, ударяясь подбородком о плечо мужчины.

— А сейчас нужно идти, пока можешь, — рассудительно продолжил он. И Наяда сразу заметила в Вулхи рассудительность отца.

Горе почти буквально пригибало его к земле, но он шел и не сдавался, не терял рассудка и мыслил здраво, как настоящий воин.

— Идем, — вклинился Мардар. — Стемнеет скоро.

Он уже знал историю семьи лесника, ему с трудом удавалось не показывать Вулхи жалость, которую тот никогда не примет от сына лорда.

Троица больше не разговаривала, продвигаясь легким бегом сквозь поредевший лес. Вскоре лес закончится, и они останутся без защиты на открытом участке земли. Это будет первый сложный отрезок пути, который придется преодолеть почти без отдыха.

К глубокой ночи беглецам удалось добраться до притока Утапориса. В темноте бесполезно искать мелководье, потому было решено продолжить путь с рассветом, а пока каждый мог отдохнуть.

Огонь не разжигали, слишком легкой добычей они стали бы, позволив себе очередное пиршество.

Наяда устроилась рядом с Мардаром, вытянув перед собой гудящие ноги. Ее запал давно пропал, сейчас девушке хотелось упасть и не шевелиться. Они шли весь день, не совершив ни единого привала, пару раз остановившись для того, чтобы попить воды.

Мардар доставал из мешка оставшиеся припасы, раздавая каждому поровну. У Вулхи и Наяды потекли слюни и заурчало в животе. Целый день без еды и отдыха вымотал всех.

— Что такое анабиоз? — негромко спросила девушка, жуя кусок подгоревшего мяса с черствым хлебом.

Мардар усмехнулся, ему вспомнились их уроки в поместье, тогда он тоже разжевывал для девушки определенную информацию, пока она не поймет.

— Понимаешь, это такой процесс, когда жизнедеятельность организма приостанавливается. Представь себе очень-очень глубокий сон.

— А еще Мардар чуть не поседел, пока понял, что твое тело вошло именно в это самое состояние, — усмехнулся Вулхи. — Ты б его видела.

Мардар насупился, нахмурил брови, бросив на Вулхи строгий взгляд.

— Ты вообще ее сжечь предлагал. Ведьмой счел, осел необразованный, видя, как рана затягивается.

— Что? — Наяда встрепенулась, попеременно глядя то на одного, то на другого.

— Да я... Ну в шутку это. Обстановку разрядить пытался.

— Поэтому подкладывал ее ближе к костру? — Не сдавался Мардар.

— Ой, молчал бы, недо-господин. Сам-то! Метался из стороны в сторону и повизгивал, как девица перед первой брачной ночью.

— Подождите, — прервала их перепалку девушка. — Если не брать в расчет, что Вулхи считает меня ведьмой, а ты в стрессовой ситуации хуже ребенка, то получается, мое тело проделало невозможное?

— Не совсем, — Мардар пожал плечами. — Человек, конечно, сам так не может, но в столице в состояние анабиоза умеют вводить врачи, они тщательно следят за пациентом, контролируют его состояние. Не знаю правда, зачем, но делают, это точно.

Наяда схватила за голову, растирая виски и пытаясь сложить надломанные кусочки в общую картину.

Пока она два дня не приходила в себя, ее тело само регенерировало, то есть, заживило раны, и она просто проснулась, когда процесс был завершен. Объяснение всего вертелось у нее в голове, но она не могла его поймать.

— Ничего не понимаю, — призналась девушка сама себе.

— Спать надо, — буркнул Вулхи и завалился на бок.

Наяда прижалась к Мардару, стараясь сохранить последние крупинки тепла, стремительно покидающее ее тело и душу. Она ощущала отвратительную пустоту после рассказала Вулхи, и до сих пор не могла прийти в себя.

— Пока ты была без сознания, мы старались уйти как можно дальше, — зашептал Мардар. — Просто скрыться в лесах, чтобы дожидаться, пока ты очнешься.

— Почему вы не бросили меня? — так же тихо заговорила девушка.

— Неужели ты в самом деле думаешь, что я мог тебя бросить, глупая девка? — Мардар приобнял девушку, чмокнув ее в макушку.

— Но как ты отказался в городе? Как узнал, что... — Наяда не могла подобрать слов. Узнал, что? Что ей грозит опасность по собственной глупости? Что она вот-вот совершит кучу глупостей, за которые непонятно кто будет расплачиваться?

— Случайно подслушал разговор Дамира с отцом, — признался Мардар. — Они говорили о тебе, о прекрасной возможности избавиться от надоедливой девчонки. Отец с ним согласен не был, но он всё знал. И молчал.

Мардар покачал головой, вспоминая слова брата: «Эта тварь сама напросилась. В городе ее ждет сюрприз, от которого она не сможет отказаться».

Наяда уткнулась лицом в грудь мужчины и тихо выругалась, чтобы не разбудить Вулхи. Ей все меньше и меньше нравилось то, что она узнавала. С каждым разом ситуация все больше походила на сговор, причем не двух ублюдков, работающих в слаженном тендеме, а всего мира разом.

— Дамир сказал, что ты нужна королю живой, не обмолвился зачем, но уточнил, что Хеуд во всем убедился, что ты именно та, кто им нужен.

Наяда почувствовала холодок, пробежавший по спине.

— Не хочешь поведать, в чем там убедился Хеуд?

— Не знаю.

С каждым разом ложь давалась легче предыдущей. В пылу драки Маргдар мог не заметить ее силы, переворачивающей железных монстров, Вулхи тоже. И она не могла им признаться. Не сейчас, когда их жизни в опасности, когда и без того проблем столько, что не разгрести разом. Лучшим выходом девушка сочла ложь. Может быть когда-нибудь она всё им расскажет, объяснит и даже стойко воспримет две испуганные пары глаз. Но сейчас она обязана думать не только за себя, обязана хотя бы попытаться оградить напарников от новых потрясений.

Засыпая, Наяда прижалась к Мардару всем телом, мечтая, чтобы и в ее душе когда-то появилось спокойствие.

— Подъем, любовники, — усмехнулся Вулхи, пихая Мардара в плечо носком сапога.

Наяда подскочила, как ужаленная, принимая боевую стойку. Только спустя пару мгновений, она осознала происходящее и опустила руки.

— Ты чего? — Вулхи отступил на шаг, прикрываясь лежащим на земле Мардаром.

Девушка оглянулась по сторонам, тяжело дыша. Что-то мешало ей успокоиться, что-то заставило ее мгновенно сбросить сон. Она всегда умела остро ощущать любые перемены. И вот сейчас она чувствовала, как лес затих. Солнце ярко бьет сквозь листву, но птиц нет. Нет надоедливых насекомых. Лес замер, как и все его живое обиталище, чувствуя неладное.

— Наяда? — Мардар приподнялся на локтях.

— Надо уходить, — спокойной ответила девушка, подбирая с земли свою сумку.

В этот раз сборы длились недолго. Мужчины быстро собрали вещи, сегодня очередь Вулхи тащить большой мешок с их общими пожитками, и двинулись в путь.

Наяда отобрала у Мардара карту, сверяясь. Остров относительно близко, если поторопиться и двигаться так же быстро, то через три с небольшим дня она выйдут к берегу.

— Тут таверна, — Мардар ткнул на пустое место на карте. — Нам бы припасы обновить.

Девушка кивнула, таверна им по пути, раз у Мардара есть деньги, то лучше закупиться едой, чем ловить ее и тратить слишком много времени. Сегодня девушка ощутила, что время стало их главным ресурсом. Наверняка, солдаты уже оклемались от их дерзкого побега и движутся по их следу. Как бы Вулхи не старался замечать следы их ночлега, наметанный глаз все равно увидит то, чего не заметит кто-то другой. В наметанности глаза генерала Наяда почему-то не сомневалась.

Чтобы выжить, они обязаны переиграть время, действующее не на их стороне. Остров может стать спасением. Опасный, заброшенный, идеальное укрытие для беглецов.

Наяда нагнала Мардара.

— Что, если мы останемся на острове?

— Зачем? — Мужчина не понимаяще заморгал.

— Можем остаться на острове, чтобы всё как следует обдумать. Ну подумай, не каждый же день там происходит извержение вулкана. Надо только еды побольше набрать с собой.

— На своем горбу ее понесете, — встрял Вулхи, таща на себе мешок.

Наяда упорно смотрела на Мардара, все еще видя в нем господина, каким он больше не являлся. Она ждала его ответа.

— Нельзя идти до границы неподготовленными, это правда. Остров может послужить неплохой защитой.

— А если военные решат туда заглянуть? — Вулхи почесал голову, копируя жест покойного отца. Тот всегда чесал лысую макушку, когда усиленно над чем-то думал.

— Это скалистый остров, там есть пещеры, где можно спрятаться, — возразила девушка.

— Ну а когда еда закончится?

— Корешки поешь, тебе полезно, — Наяда уже откровенно рычала, клацая зубами в сторону напарника.

Пока они устраивали перебранку, Мардар притих, обдумывая предложение девушки.

— Нам в любом случае нужно будет где-то остановиться, Вулхи. Идти постоянно мы не сможем. Остров, к сожалению, самое лучше место для этой цели.

Наяда победно улыбнулась и показала Вулхи язык.

Перебраться через реку оказалось легко, при свете дня, беглецы быстро отыскивали мель и лишь слегка замочили сапоги.

Двигаться старались быстрым темпом, в равные промежутки времени сменяя быстрый шаг рысцой.

Наяда часто озирается по сторонам, пытаясь вслушиваться в звуки леса. Тишина. Нечто не давало ей покоя, но она не спешила предупреждать об этом остальных. Если она ошибается, то настораживать напарников просто верх глупости, а если нет, то ее предупреждение их не убережет.

Постепенно, почти незаметно пейзаж стал сменяться. Одни деревья, сменялись совершенно другими, более яркими, красочными.

Лес снова наполнился звучанием и девушку отпустило тревожное чувство.

Трава ближе к морю приобретала желтоватый оттенок, в воздухе ощущалась соль. Несмотря на лето, ветер от моря шел довольно холодный. Ближе к делу, Наяда начала осознавать, что все оставшиеся деньги им придется потратить на еду и воду. Но чтобы перебраться на остров нужна лодка, денег на которую не останется. Можно, конечно, продать что-то из вещей. Но самое дорогое, что было у беглецов — ее кольцо и плащ. Мардар посоветовал не думать об этом пока, но девушка думала и часто. Ей эгоистично не хотелось расставаться с этими двумя подарками.

Долгое время находясь в пути без нормального отдыха, Наяда все больше училась прислушиваться к собственному телу. Она заметила, что движется с особой ловкостью даже в темноте в то время, как Мардар и Вулхи спотыкаются на каждом шагу. Мышцы, долго прибывавшие в оцепенении и суставы все еще болели, но долгая дорога их укрепила, сделав менее привередливыми.

С каждым днем вставать давалось все сложнее, тело требовало полноценного отдыха и расслабления, а не кратковременной передышки. Мужчинам путешествие давалось ненамного легче. Круги под глазами Мардара становились темнее с каждым новым днем, а Вулхи всё больше горбился, даже когда не приходилось нести мешок, который заметно полегчал.

Девушка иногда смотрела на свои руки, задерживая взгляд на длинных пальцах и острых отросших когтях. Ни мозолей, ни ранок, как раньше при работе в полях. Ее тело крепло и закалялось, не получая должного ухода, но долго ли она еще так протянет? Всего несколько бесконечных дней заставили ее кожу загрубить и потрескаться. Ногти загнулись на манер звериных когтей, но не обламывались.

Ближе к морю вместо почвы местами возник песок. Идти по нему было делом отнюдь не самым легким и приятным. Ноги увязали, поднимать их становилось сложнее. Беглецам пришлось замедлиться, чтобы не рухнуть обессиленно.

Ветер, свирепо бьющий по лицу, не улучшал ситуацию. Пустота внутри Наяды не прошла, напротив, с каждым шагом она ощущала ее более явно. С Вулхи ей удалось поладить быстро, они беззлобно

подтрунивали друг над другом, когда оставались силы, могли даже игриво потолкаться, изображая драку. В такие минуты все становилось проще. Вот есть трое человек, зависящих друг от друга, есть дружба, цель и очень редко, но бывает, хорошее настроение.

Иногда Вулхи рассказывал про свое детство, про отца, про юрких сестер-канареек, так старший брат любил их называть, про юного Огвайна, донельзя смышлёного и озорного. Про нежную женщину, бранившую их за проступки. Когда ей приходилось наказывать своих детей, она действовала незамедлительно, но потом плакала по ночам. Холгар учил обоих сыновей беречь своих девочек. Он называл сестер и жену нежными хрупкими созданиями, годящимися для заботы и любви. А они, мужчины, должны их защищать и ухаживать, как за райскими птицами. Подрастая, Вулхи понял, что отец имел в виду не только маму и сестер. Его учение относилось ко всем женщинам и особенно к той, кого он изберет себе в жены. Точнее, избрал бы, не приди в город военные.

Добрые насмешки Мардара и Вулхи в сторону друг друга забавили девушку, вслушиваясь в дружескую брань, она закатывалась смехом, показывая на мужчин пальцем.

Трудности очень быстро сплотили троицу, они открывались друг перед другом с новых сторон. В один из вечеров, Вулхи и Наяда обсудили свои былые отношения. Сын лесника в итоге извинился, а девушка больно пихнула его по ребрам, обозвав черствым брусом дерева. Оба понимали, что эту тему необходимо затронуть, чтобы в будущем это не вызвало серьезных разногласий.

Мардар в тот момент решил вклиниться в их совместную исповедь, признавшись, зачем дал Наяде пару золотых монет и на что тогда его опьяненный алкоголем мозг рассчитывал.

Девушка рукой нащупала на земле камень и если бы не Вулхи, то обязательно запустила бы им в смеющегося Мардара. Вулхи успел заломить руку девушки и выбить из нее камень до того, как она метнула его.

Из-за морского холода спать ложились, прижавшись плотно друг к другу. Часто девушке приходилось пинать две увесистые задницы, прижавшие ее с двух сторон, но она не уходила спать отдельно, по очереди крепко обнимая каждого перед сном.

Однажды Мардар повернулся к ней лицом и прошептал:

— Глупая была шутка, я бы никогда тебе зла не причинил.

Наяда и так это знала, проводя с двумя мужчинами много времени в лесу наедине. Как бы оба не шутили, они заботились о ней, каждый по-своему, но Наяда ценила все, что они делали для нее. Она не таскала тяжелый мешок, пила больше воды, которую приходилось экономить, ела лучшие порции, иногда даже подворовывала прямо из тарелки у Вулхи, ловко подцепляя когтем манящий кусок сыра. Мужчина рычал на нее, но не всерьез, незаметно сам пододвигая тарелку в сторону девушки.

Бывало, Мардар просил ее спеть пару песен, эдакий отдых для души. Наяда негромко запевала все, что помнила, стараясь не замедлять шаг и не сбивать дыхание. Вулхи больше всего понравилась песня, которую девушка спела новобранцем зимой. Первый раз Наяда пела ее с осторожностью, а поняв, что небо за пару злых слов в сторону короля не обрушится на их головы, начинала петь смелее. В такие минуты она вспоминала все, что произошло из-за этой песни. Страшные картины вставали перед ее глазами, застилая взор. Наяда не скрывала слез и своей боли, никто ее за это не корил.

«Мы справимся», часто говорил Вулхи. И Наяда заставляла себя верить в эти слова. Таверна совсем близко, осталось преодолеть небольшой отрезок пути. А потом еще полдня до берега моря.

В первые дни им еще казалось, что спастись возможно. Наяда не говорила вслух, но знала, что не одна она так думает, они обречены. Рано или поздно их все равно поймают, нельзя бегать вечно. Остров их не спасет надолго, ничто их не спасет.

Однажды беда настигнет и возьмет их за горло.

Вот к чему приводят песни, подумала девушка, опасаясь, что ее мысли могут подслушать.

Иной раз ей хотелось остановиться, бросить всё и вернуться в Хорт. Посмотреть в глаза Дамиру, увидеть, что в итоге стало с городом. Дойти до своей хижины и забрать вещи из тайника, без которых Наяда чувствовала себя словно голой. Успеть прикоснуться к небольшим могильным холмикам, прощаясь с умершими.

Но возвращение означало смертный приговор. После того, что удалось подслушать Мардару, Наяда не сомневалась, Дамир убьет ее, если придется собственными лоснящимися руками, никогда не знавшими настоящего труда.

При всех этих мыслях у девушки больно сжималось сердце. Ничего уже нельзя вернуть назад. Что если и города-то уже нет? Эта мысль ранила еще сильнее.

Вслед за болью приходило облегчение, и Наяда начинала размышлять иначе. Как им быть, если они не могут остаться на острове навсегда, и бегать от королевской гвардии тоже? Что делать, оказавшись в тупике?

Ответ пришел сам собой. Остановиться.

Однажды им придется остановиться и встретиться лицом к лицу с военными. Если им не суждено жить в спокойствии, то зачем жить? Ради чего? Вечного бега и преследования?

Остановиться и дать последний бой — их единственный выход.

Последний отрезок пути, Наяда сильнее обычного прижималась к мужчинам, ловя тепло их тел. Ей бы очень хотелось, чтобы все сложилось иначе, чтобы им было куда бежать и где обосноваться, начать всё заново. Но такого места попросту не было.

В Морват если и удастся проникнуть, то ничего хорошего их там не ждет. В троице беглецов быстро признают поданных Залеса и либо передадут королю, либо убьют.

Мардар насколько мог, расширил знания Вулхи и Наяды о соседнем королевстве. Он начал с истории, но заметив, как надрывно пыхтит сын лесника, сиюсь запомнить даты в правильном порядке, перешел к общим описаниям.

Оказалось, что Морват одновременно совершенно другой и идентично похожий. Система управления — та же. Небольшие города, на расстоянии друг от друга, разбросанные по всему королевству. Правящие лорды в таких городах и единый уклад для всех, предписанный королем. Но нет никаких Знатных Домов. Из благородной крови в городе только лорд и его семья.

В Залесе правящий лорд обязан был отслужить на благо города пятьдесят лет. То есть он и его сын, при худших обстоятельствах — внук. После все оставшееся семейство возвращалось в столицу и начинало наслаждаться нормальной жизнью, а в город посылался новый лорд с семьей на те же пятьдесят лет.

Мардар назвал такой уклад длительной служебной командировкой, по истечению которой, семью и самого лорда ждали прелести столичной жизни и много различных наград от короля.

В Морвате лорд избирался однажды и оставался на свое посту пожизненно, его наследники перенимали управление без права вернуться в столицу. Если род прерывался, в город посылали нового избранника, а предшествующую семью селили в более-менее подходящем доме и позволяли доживать. Но в столицу им пути не было.

Меры вводились только на усмотрение правящего лорда. Сами города являлись обособленными единицами, куда не распространялась полная власть короля. Он мог повлиять на определенные вещи, однако главным оставался лорд.

Законы тоже сильно разнились с теми, что были в Залесе. К примеру, в Залесе, король Сайвос понизил призывной возраст для солдат, а король в Морвате оставлял подходящий для военной службы возраст неизменным вот уже много лет, не привлекая к войне детей. Новые законы в Морвате принимались в результате собрания короля, правящих лордов и советников на нейтральной территории. В Залесе достаточно слова Великого и Ужасного, ну и его подписи на документе.

В истории и политике Морвата и Залеса нашлось много схожего и различного. Мардар старался рассказывать самое главное, пропуская несущественные мелочи, но все равно Наяда и Вулхи плавали в истории соседнего королевства.

Вместо трех дней пришлось идти целых семь, потому что, рисуя карту, Наяда неверно рассчитала расстояние. К концу седьмого дня беглецы увидели вдалеке двухэтажную таверну, с примыкающей небольшой конюшней и задним двором.

Решили заночевать на краю редкого леса, а утром заpastись провиантом и двинуться к морю. Расположились около старого толстого дерева с пышной копной листьев, что стало редкостью для приморской местности. Зелень здесь была скудной, чаще желтой и сухой, даже трава под ногами хрустела не хуже хвороста. Зато какой воздух! Наяда не устала восхищаться.

Мардар порылся в мешке, загруженном железными тарелками, кружкой и понял, что большую часть мешка занимал плащ Наяды, а вот еды у них совсем не осталось.

— Придется поголодать до завтра, — пожал плечами Мардар.

— Вот ведь... — едва не выругался Вулхи.

— Тебе бы только поесть, — фыркнула Наяда, хлопая друга по животу. — Не знаю, выдержит ли тебя лодка?

— За собой следи, воришка, — Вулхи ущипнул девушку за бок и цыкнул на нее. — Я, видишь, какой большой, вот и еды мне нужно много. А такой блохе как ты достаточно и горсти ягод.

Наяда еще погрызалась, прячась за Мардара, пообещала укусить Вулхи за зад, пока тот будет храпеть во сне и унялась. Сил на веселье и игры совсем не осталось. Все трое выдохлись, поэтому решили сразу ложиться спать, чтобы не мучиться от голода.

Пока мужчины укладывались, Наяда отошла чуть в сторону, достав из сумки дневник. Она уже давно не писала в нем ничего, да и не планировала. Но сегодня ей особенно захотелось прикоснуться к желтоватым страницам, даже темнота при которой пришлось писать, не смутила девушку.

17 Запись вторая

Поначалу мне казалось, что у нас есть шанс, но по мере того, как мы приближались к Мрачному острову, стало понятно: мы обречены!

Мы сможем укрыться там, сможем переждать какое-то время, но дальше-то что? Морват? Да кому мы там нужны. Скитание от места к месту? Это не жизнь, а нелепое существование. Сейчас мы приняли решение добраться до острова, пока это хоть какая-то цель. Мы все нуждаемся в определенной цели, сулящей толику спокойствия.

Порой появляется ощущение, что мы, трое абсолютно разных людей, сплотившиеся вместе, не нужны больше этому миру, Залес пережевал нас и выплюнул.

Мы пока не уловили погони, но Мардар уверен, что мы и не увидим военных, пока они не захотят показаться. Это странно. Многое в этом мире странно.

Недавно я убирала урожай в поле и воровала морковку из общего амбара, и думала, что весь мир такой, простой, ограниченный, нацеленный на выживание в трудных природных условиях, двухэтажные дома казались мне гигантами, (Мардар как-то обмолвился, что в столице жилые дома достигают тринадцати этажей), а мечи, кинжалы и луки были для меня самым серьезным оружием, способным решить любые споры.

Сейчас я нащупываю за поясом пистолет и понимаю, как сильно ошибалась и как много еще мне предстоит узнать. Вот взять железных монстров, Мардар называет их машинами. Ма-ши-на. Странное ведь слово. Опять и опять я повторяю это слово. Мардар рассказывает мне о столице, а я отвечаю: «О, это странно». Объясняет, как стрелять из пистолета: «Ого, это так странно».

Странно, странно, странно!

Я готова сойти с ума.

Как оказалось, пистолет еще не самое страшное оружие военных из столицы. Есть еще всякие автоматы, гранатометы и, (пожалуй, это самое смешное название), пулеметы. Есть танки, это очень большие железные монстры с трубой на голове, извергающей огонь. И мотоциклы! Маленькие монстры, с двумя колесами. Очень быстрые.

По морю тоже плавают машины, корабли, но не такие, как я видела в школьных учебниках в Хорте, те тоже сплошь из железа.

Почему-то в столице всё любят делать из железа и снабжать оружием.

Я стараюсь классифицировать для себя то, чем делится с нами Мардар, это может оказаться важно, но в голове неприятно хрустит и дымится от моих усилий.

Оказывается, в Вонте всё совсем по-другому. Люди не ходят ногами, а ездят на машинах, не выращивают овощи сами на заднем дворе, а покупают их в магазине. У них даже очага в домах нет! Вместо этого какие-то плиты, умеющие согреть и готовить пищу без огня.

Но когда, переглянувшись с Вулхи, я задаю остро волнующий нас вопрос: «Зачем всё это держать в тайне?», Мардар опускает взгляд и молчит. Мы пытались его разговорить, понять, для чего королю или кому-то другому загонять города в условия древней жизни при том, что в столице умеют жить иначе.

Для нас с Вулхи такой образ жизни чужд, мы привыкли всё делать сами, а не через машины. Нам не нужно ЭЛЕКТРИЧЕСТВО (отвратительное слово) и ГАЗ (не менее отвратительное). Газ — похоже на имя гадкого сопливого мальчишки, если честно.

Голова идет кругом, когда я пытаюсь уместить в всё это. А ведь Мардар уверен, что я была рождена в Вонте, вот только как в Хорт попала, непонятно.

Он ошибается. Тысячу раз ошибается, иначе мне было бы легко принять все, о чем он рассказывает, но мне нелегко. И Вулхи тоже. У бедняги порой глаз дергаться начинает и лицо перекашивается.

Кое с чем, однако, смириться пришлось. База данных, находящаяся в Вонте, в ней собрана информация обо всех жителях Залеса. Перед днем Клятвы, когда меня кольнули в палец, тогда это показалось немного мерзким и бессмысленным. Но что не имело смысла прежде, обрело его сейчас.

Каплю моей крови отправили в столицу и поместили в базу данных, создав «дело». Таким образом Вонт контролирует жителей Залеса. Если, к примеру, торговец решит поехать в соседний город, потому что там лучше идет его товар, на входе его снова уколут в палец и считают что-то там как-то там, вот черт, это очень сложно. В

общем, получив капельку крови такого торговца, «просвещенная» охрана города через маленькие машины узнает, кто пришел в город. Именно так отслеживают передвижение людей. Это важно. Потому что нам все дороги в города закрыты.

Стоит нам троим возникнуть перед стенами Криана, как планировалось раньше, о нашем местонахождении узнают не только в самом Криане, но и в Вонте. И не только за счет проверки крови. Мало кто знает, кроме семьи лорда, но оказывается, в городе повсюду растыканы маленькие роботы, умеющие видеть без глаз.

Наверное, самое время перестать пытаться найти объяснение современной технике и просто свыкнуться с новым миром. Мардара немного злит, когда я называю компьютеры или видеокамеры — машинами и монстрами.

Так вот, камеры, они записывают видео и передают его в дом правящего лорда и в пункт проверки в Вонте. Оказалось, за нами следят, причем абсолютно всегда. Так что на подходе к Криану, о нас будут знать везде, как я поняла. Ситуация пахнет безысходностью. Даже не знаю, зачем я все это пишу. Никто уже этого не прочтет, но, наверное, так мне становится спокойнее.

Попытаюсь вернуться немного назад:

Вынося меня на руках из города, Мардар, во-первых, отключил камеры еще до того, как появился в городе. За это, кстати, полагается смертная казнь, ибо он сделал из себя изменника. Во-вторых, до того, как сознание покинуло меня и тело решило, что в анабиозе ему будет комфортнее, я услышала это заветное слово от моего господина: автоматы. Почему-то мне не требовалось объяснение, что это такое, я уже знала.

И, наконец, в-третьих, прям как вишенка на торте (так «популярно» — еще одно новое слово, говорят в Вонте), Мардар украл у Дамира папку с отрывком моего дела. Мне он отказывается показать, говорит, что и так хватит с меня потрясений. Там всего-то два листа, и он всегда прячет их в кармане, а спит, зараза, очень чутко.

Вот сейчас, глубокая ночь, я сижу меньше мили от места, где спят Мардар и Вулхи, но стоит мне зашевелиться и Мардар приоткрывает один глаз.

Возвращаясь к прежней мысли, мы трое — считаемся беззаконниками по законам королевства Залеса и Морвата. Нет,

наверное, вот это как раз та самая вишенка. Беззаконников судят быстро — расстрел. Вот и весь суд. Но, по какой-то причине, там в Хорте, я нужна была солдатам живой. С каждым днем, мне всё интересней, для чего? Может стоило бы, позволить мужчинам добраться до острова, а самой сдать солдатам или в одиночку продолжить путь до столицы? Не спроста же я понадобилась аж Великому Сайвосу! Причина проста и мне кажется, я ее знаю, но вот только вспомнить не могу.

Мне бы хотелось записать и классифицировать все новые знания и слова, но здесь так темно, увидев свой почерк по утру, я обязательно ужаснусь. А днем времени писать попросту нет.

Мы постоянно движемся, переходим с места на место, каждый раз немного отклоняемся из стороны в сторону от курса, виляем и петляем, чтобы сбить солдат. Это нелегко и отнимает слишком много времени. И каждый день мы думаем, что вот сейчас-то нас точно схватят. Чем ближе заветная таверна и море, тем сильнее мы волнуемся.

Волнение отражается и в те моменты, когда мы останавливаемся на ночной привал. Мы часто очень долго молчим, сидя рядом друг с другом, думаем каждый о своем, о том, что оставлено позади, кто что потерял. А ведь мы все потеряли очень многое. Точнее, не все. Я не потеряла ничего, кроме памяти о неродном отце и подруге. Это ничто по сравнению с тем, что потеряли двое мужчин, принявших на себя статус беззаконников.

Вулхи потерял семью, его потеря была страшной. Я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю его рассказ. Никому не пожелаешь пережить то, что он пережил. Иногда я вижу в его глазах несравненную ни с какой физической, боль. Однажды, я сказала, что солдаты нас настигнут, они убьют нас на месте, а Вулхи сжал мои плечи и сказал, что не позволит никому меня обидеть. Он уже потерял родных, теперь мы с Мардаром для него семья.

Мардар тоже лишился семьи, хоть они и остались живы, однако, вряд ли семье старого лорда удастся когда-нибудь воссоединиться.

Наверное, гораздо проще оказываться в подобной ситуации, когда и терять-то особо нечего. Я много раз пыталась задуматься, что такого было в Хорте, из-за чего стоит тосковать. Семьи — нет. Друзей — нет. Хижина и пара памятных вещей.

Но Хорт изменил меня. Впервые я появилась в городе невинным подростком, а ушла из него, убийцей. Вспоминая убийство Хеуда, я начинаю улыбаться не потому, что горжусь его смертью. Мерзкий Знатный считал себя неуязвимым, он не боялся и даже не опасался никого в городе. Его молнии, точнее, это я по глупости приняла подобное явление за молнии, просто потому что иначе это никак объяснить не могла. На самом деле, Хеуд пользовался электрическими разрядами, вырабатываемые в его измененной крови, большего Мардар объяснить не смог, он сам немного недоумевает. Так вот, ток, способный пробраться под кожу человека оказался не таким опасным, как обычное человеческое оружие, причем самое простое. Было бы не так приятно застрелить Знатного. Едва ли он испытывал неуязвимость перед силой огнестрельного оружия.

Кошмары, мучающие меня, приходят и к Вулхи. Он спит беспокойно, часто ерзает и ворочается, иногда подскакивает на месте и очень громко пыхтит, сражаясь с собственными демонами.

Голоса к Мардару не приходили достаточно давно. В поместье они могли посещать его, стоило мне отлучиться, а в лесу настигли лишь однажды, пока мое тело регенерировало в анабиозе. Вулхи на этот счет выразился просто: «Если тебя я подумывал сжечь, то этого парня подумываю кокнуть по башке камнем, если он снова так орать начнет. Нет, ну в самом деле, бешенный же ведь».

Да уж, добрее союзника не сыщешь. Если бы я не знала, что Вулхи таким образом шутит, то не поворачивалась бы к нему спиной.

Пока нас окружал бескрайний густой лес, мы чувствовали себя наполненными некой силой, заключенной в вековых корнях деревьев, мы чувствовали себя защищенными. Когда лес остался позади, как и наши привычные размеренные жизни, мы опустели, внутри нас ничего не осталось.

Мы оглядываемся через каждый шаг, прислушиваемся и дергаемся от любого звука, стали нервными. У Мардара кадык задергался в тот момент, когда я решила испытать пистолет. Я решила так, если мне придется защищаться с помощью такого оружия, то обязательно уметь им пользоваться, а уж лес приглушит звуки выстрела, если военные далеко, то не услышат, если близко, то едва ли что-то нас спасет, разве что отсрочит немного смерть.

У Мардара были свои мысли на этот счет, но озвучить он их не смог, потому как начал заикаться.

Стрелять мне оказалось проще, чем думалось. Именно это удивило Мардара, Вулхи тоже, но он предпочел не терять лицо и смолчать, нервно почесывая затылок. Я выстрелила трижды, чтобы не тратить пули, все три раза пуля вошла в одно и то же место в стволе дерева.

Никогда не забуду ощущений, испытанные во время стрельбы. Будто кто-то вернул в мир все яркие краски, будто нечто вернуло меня к жизни. Будь у нас арсенал получше, никакие военные нам бы не были страшны!

Мне стало интересно пострелять по птицам, исключительно ради обучения, но Мардар, заикаясь зарычал на меня, пытаюсь скрутить руку с пистолетом. Больше я решила его не пугать, убрала оружие за пояс, не расстаюсь с ним, но и не использую. Глупо все же попасться, когда уже почти достиг цели.

Однако сложно назвать целью отчаянный побег на остров с живым вулканом, регулярно извергающимся. Если нас не схватят раньше, мы все равно обречены.

«Мне все равно» — мысль приходит так внезапно и до того пугающая эта мысль, что сдавливают горло, становится сложнее дышать. Мне хочется уткнуться лицом в сухую почву и задохнуться окончательно. Сейчас мне проще быть никем, девушкой без прошлого, так намного легче и безопаснее выживать, не бороться с сознанием, которое буквально вопит: «Дура! Да у тебя же отняли твоё прошлое! У тебя и настоящее отняли и что ты сделала?!». Сознание постоянно пытается толкнуть меня на путь борьбы, заставить выйти из тени и драться за свою жизнь, за жизнь тех двух мужчин, ставших мне хотя бы подобием семьи. Но я могу бороться, могу сражаться с солдатами, даже невзирая на их опасное оружие, приводящее меня в восторг, если быть до конца откровенной. А Мардар и Вулхи? Я знаю, что оба могут взяться за мечи (если бы они у них были) и крошить любого, кто близко подойдет, но ведь солдатам подходить близко и не нужно. Их обоих пристрелят прежде, чем они поймут в чем дело.

Поэтому я задвигаю свои амбиции поглубже и иду к острову, пусть мне и не хочется туда идти. В самом деле, что будет после того, как мы дойдем? Доплывем? Каким образом мы обучимся парить, пока

грозная гора дымится и извергает лаву? Или же померем, так и не найдя подходящего укрытия.

Наверное, я слишком много об этом думаю. Не получается, не думать, мои мысли, да само сознание, постоянно возвращают меня в наше невеселое настоящее. Нужно что-то другое, что-то совсем противоположное имеющейся цели. Например, из жертвы стать охотниками. Что если не солдаты будут охотиться за нами, а мы за ними? Почему нет? Мы можем начать отслеживать их и устраивать ловушки.

Да уж... Мардар на смех меня поднимет. Несмотря на постоянную компанию, я чувствую себя одинокой. Мужчины не знают о моей силе, не знают, каким образом она проявилась и при каких обстоятельствах. Они вообще ничего обо мне не знают, если разобраться. Поэтому я всегда одна. В своих мыслях, в своем прошлом и настоящем. Всегда. Следовало бы привыкнуть к такому порядку вещей, смириться, ведь меня так много учили смирению, должно же что-то остаться.

Эванлин постоянно говорила мне, если не можешь противостоять противнику, не действуй открыто, затаись. Ни разу не смогла прислушаться к ее наставлению. Против Хеуда я действовала открыто и победила. Его смерть я все же считаю победой. Одной мрази в мире меньше, но что-то мне подсказывает, Хеуд лишь сошка, пешка в чье-то большой игре, даже Дамир не тянет на сильного противника, несмотря на удавшуюся ловушку. Кто же тогда тот, кого стоит опасаться, затаиться и не вылезать открыто, пока не настанет нужный момент? Сайвос?

Король, забывший про былую славу свою и своих предков, я слышала тихие рассказы в таверне о том, что Его Величество предпочитает крепкую выпивку и фавориток государственным делам. Очень многим в Вонте заправляет наследный принц. До боли знакомая история. О принце и главнокомандующем королевской армией Айдере Непобедимом я слышала не так уж много. Говорят, в бою принца не одолеть. Прекрасно сложенный характер воина и победителя. Лидер от рождения, он легко обращается с абсолютно любым оружием. Но так ли это на самом деле? Произошедшие события и приоткрывшаяся правда, заставляют меня сомневаться во всем, что я слышала ранее.

Если принц настолько непобедимым, так почему бы не выпустить этого зверюгу на поле брани и не переломить ход войны в нашу

сторону раз и навсегда, закончив эту кровавую баню. Уверена, столь обученный воин стоит многих солдат, вот только он единственный наследник короля. Папенька за сына печется гораздо больше, чем, к примеру, за дочерей, которых у него аж две. И у обеих не особо скромная репутация, раз уж слухи и до Хорта дошли.

Еще мне доводилось слышать о бунтовщиках. Только обрывки фраз, но и этого достаточно, чтобы стало понятно, в Дасмарке не все так гладко. Возможно, дасмарский лорд не так натужно улыбался, как наш и люди решили исправить это дело. Или наконец поняли, как сильно их обманывают.

Как только рассвело Вулхи храпнул сильнее обычного и поднял грузный торс с земли, в попытках продрать глаза. Он всегда немного смешен, когда скидывает с себя остатки сна, этот грузный мужичок, отчаянно верящий, что мы с Мардаром заменим ему семью. Сегодня он, вероятно, смог выспаться, потому как я не разбудила его для дежурства, ни его, ни Мардара.

Интересно, как скоро они поймут, что мое тело не нуждается в постоянном отдыхе? За все время я ни разу не пожаловалась, как делают это обычные девушки, не посетовала на отсутствие удобств. Мне хватает двух-трех часов сна раз в три дня. Эти большие и неимоверно сильные мужчины не догадываются пока, насколько сильной может быть маленькая женщина, едва достающая им макушкой до груди. Вот только одна проблема — женщины слабы. По крайней мере, слабее мужчин, это просто неизменный факт, позволяющий им не быть добытчицами в городах, подобных Хорту. И в Хорте нет женщин, способных сравниться физическим превосходством с мужчиной. Даже Блэя, охотница, она проворна и сильна, но туши зверей тащит на себе Анкерива.

Мне приятно, что ни разу за наше маленькое путешествие меня не навьючили тяжелым мешком с припасами, но вполне вероятно, я смогла бы его нести.

Окончательно проснувшись, Вулхи издал непонятный звук и встал, привычно пиная Мардара в плечо. Я незаметно отложила дневник, а после быстро спрятала его в сумку. Писать при них я не решаюсь, поэтому продолжить пришлось позже, намного позже. В то

утро я не представляла, как изменится наше и без того шаткое положение.

— Доброе утро, птенчики, — мое ехидство иной раз меня саму и поражает.

— Чего не разбудила? Ты всю ночь просидела?

— Тебя добудись, — ложь стала привычкой и давалась уже без особого усилия. — Пройдусь немного.

Страх как хотелось есть, желудок требовал пищи, как моя душа правды. Представляю, какого мужчинам, им еды нужно больше и для них она, несомненно, важнее.

Я решила пройтись вокруг нашего ночлега, осмотреться, и не зря. Чуть поплутав, вдалеке заметила старый заброшенный дом. Он стоит сильно позади таверны и вчера мы попросту его не заметили. Почему я решила, что он заброшен? Обычно это понятно по первому короткому взгляду, обветшавшая облицовка, покосившиеся ставни на окнах, пару криво приколоченных досок, видимо, хозяева рассчитывали вернуться и не хотели, чтобы во время их отсутствия в дом влезли. Чуть приоткрытая дверь, свидетельство того, что в дом все же вторгались, и трава. Такая трава бывает там, где ее не косят и не состригают достаточно долго, и она уже не украшает дворик дома, а скрывает его собой. В этих краях зелени меньше, чем в Хорте, не мало, нет, но меньше, и она другая. Эта трава, облипающая первые ступени на крыльце, желтая, жесткая, выжженная жестоким солнцем и укрепленная соленым морским ветром. В нее не хочется упасть, чтобы насладиться голубым небом, пока в твое ухо назойливо тычется травинка.

Некоторое время я просто стояла и смотрела на этот дом, пытаюсь понять, что останавливает меня от того, чтобы подбежать к напарникам и поделиться находкой. Вот оно, наше укрытие! Разве не прекрасно? Да, он стар, в ужаснейшем состоянии, но это не беда. Хижина мне тоже досталась не первой свежести. До меня в ней лет десять никто не жил. Я и сейчас не знаю, кто в ней жил до меня, просто тогда это было неважно. Ну в самом деле, какое мне дело до того, кто зажигал в очаге огонь или спал на скрипучей кровати? Тогда да, но не сейчас.

Смотря на этот дом, я твердо решила, что расспрошу у Мардара о своей хижине. Позже, ведь это не срочно.

Как же я ошибалась...

В конце концов я все же вернулась к мужчинам и рассказала им о своей находке. После долгих споров и пыхтений Вулхи, мы решили остаться там еще на ночь. Мардар, один, чтобы не привлечь внимания, сходит до таверны, запасется припасами, на следующий день то же сделаем Вулхи и я. Не знаю, насколько это не привлечет внимания, но вариантов у нас не так уж, чтоб много. И после отправимся к морю.

Но эта еще одна ночь на твердой земле, не угрожающей погладить нас лавой, важна. Важна для всех нас.

Собрав свои жалкие пожитки, мы отправились к последнему нашему пристанищу, чтобы за ночь проститься с прежней жизнью и мечтами. Мардар незаметно взял меня за руку и впервые за все время, я ощутила, что ему тоже страшно, возможно даже страшнее, чем мне или Вулхи, ведь он понимает и знает больше нашего. Чуть помедлив, я нащупала широкую ладонь Вулхи. Так мы и шли вместе до тех пор, пока Мардар не свернул в сторону таверны, а мы продолжили путь до заброшенного дома.

— Там в городе, — неуверенно подал голос Вулхи, когда мы остались одни, — в общем, мне так жаль.

Я не поняла, что он имеет в виду, поэтому решила промолчать, по Вулхи всегда видно, когда его не нужно перебивать. Он краснеет, ноздри раздуваются, глаза прищурены. Так он думает. И очень усиленно, кстати.

— Нужно было прийти, спросить, как ты устроилась, как живется, может нужно что. И не разнимать вас с Кхевреном тогда, а наподдать этому засранцу. Девушек все-таки нельзя обижать и уж тем более бить. Я все делал не так. Верил этим чертовым слухам про тебя, сторонился, грубил.

Для меня его прерывистая речь стала настоящим откровением. Вулхи не решился сказать, какие слухи в Хорте обо мне ходили, но оказалось, что моя песня новобранцам отрезвила и его. Он не жалеет ни о чем, что произошло после этой песни. Именно тогда мой бедный друг понял, что ошибался. В чем, я до сих пор не знаю, он отказался говорить.

Но теперь я смотрю на него иначе, он больше не зажиточный сын лесника и даже не тот гигант, что поднял нас с Кхевреном за шиворот и растащил друг от друга.

Он Вулхи, мой друг и напарник, моя опора в этой новой странной жизни. Вулхи, позволяющий подворовывать его порцию ценной еды и Вулхи, каждую ночь перед сном разрешающий обнять его и долго-долго не отпускать, пытаюсь поверить в то, что мы в безопасности.

Иногда он случайно называет меня сестрой, после осекается и краснеет.

Выслушав его тихую исповедь, я крепко сжала его руку и улыбнулась.

— Робин заботился обо мне, а в тот раз, когда ты оттащил меня от Кхеврена, ты возможно, спас меня.

Я показала ему шрам на ключице, отодвинув ворот.

— У Кхеврена был нож, кто знает, что было бы, если б ты не вмешался.

Как я уже сказала, ложь стала даваться охотно и легко. Мне ничего не стоило потешить Вулхи ложью о спасении. На самом же деле, едва ли тощий щенок мог бы причинить мне серьезный вред. В тот момент, когда Вулхи подхватил нас за шиворот, я уже успела отнять у Кхеврена нож и думала, куда б его засунуть. Варианта было два: глаз или задница.

Да уж, если бы все мужчины ровнялись на Вулхи, то леди Эванлин была бы жива. Как-то раз, допивая остатки дешевого алкоголя, раздобытого мужчинами пока я лежала без сознания, мы все трое разговорились. И я рассказала о Хеуде, не всё, конечно, но многое. О нашей драке, о времени, проведенном в его доме, о находках, которые потом пропали, когда меня выпустили из тюрьмы.

«Ты в самом деле избила его?», — засмеялся Вулхи. В городе ходил слухок, что со Знатным приключилась беда, но никто не обличал имя этой самой беды.

— Ну и дрянь, — проворчал Вулхи, брезгливо морщась.

От забора остался скелет с очертаниями былой красоты, трава оказалась нам по колено и неприятно щипала кожу при каждом прикосновении. Сам дом вблизи оказался еще хуже, чем я предполагала. Облицовка не просто истрепалась от времени, в некоторых местах на фасаде оголился красный, местами почерневший, кирпич, словно гниющая рана. Окна выбиты, где-то забиты досками, рамы тоже черные.

Вулхи осторожно толкнул скрипучую дверь в сторону и просунул голову внутрь, опасаясь зайти целиком. Передо мной он выставил руку, чтобы не совалась за ним. Еще чего. Я толкнула его в плечо и протиснулась мимо, случайно проведя раскрытой ладонью по его удивленной физиономии.

Комната внутри оказалась тесной, особенно для троих. Всего одна комнатуха, соединенная с крохотной кухней и отхожим местом, прикрытым рваной занавеской. Не богато.

У одной стены стояла широкая кровать, все еще застеленная, будто ждет своего хозяина со дня на день. На белье скопилось такое количество пыли, что и цвет то вылинявшего одеяла разобрать стало непростой задачей.

Позади себя я услышала топот копыт и резко обернулась, метнув в друга злобный взгляд. Ну не умеет он при всем желании носить свое массивное тело тихо. Вулхи цыкнул и побрел на кухню, открывая ящики. Неужели он надеялся на что-то съедобное? Судя по пыли и грязи, людей здесь не было пару лет точно.

На подушке меня привлекло темное пятно, я нагнулась, чтобы лучше рассмотреть, несмотря на утро, в доме из-за забитых окон царил полумрак.

Еще не до конца сообразив, что к чему, я схватила подушку и перевернула ее. Увидь Вулхи кровь, обязательно устроит истерику и нам снова придется ночевать на улице.

Вот и вся я в одном этом действии. Да, я готова врать друзьям так же, как мне врал, готова притворяться, будто они всё делают правильно, мол, мы обязательно спасемся. Если возникнет необходимость, могу и полапать себя позволить, как было с Хеудом.

Единственное, что я поняла за наше недолгое путешествие, люди — подлые существа, но я... Еще хуже. Быть может — это то самое отличие за что, Хеуд и Дамир называли меня презрительным словом «существо», а может они сами не представляли, что я такое.

Если надо врать, что ж, не проблема. Убить? Мне очень жаль, что, когда умирал Хеуд, мне не удалось вернуть ему поцелуй, такой же омерзительный и бесчувственный, как к нему в целом, так и к его быстрому концу. Собственно, нет ничего проще, чем отнять чью-то жизнь. Вот такая я на самом деле. Эта жестокая правда открывалась

мне постепенно. Но что скажут Вулхи и Мардар, когда узнают? Возненавидят меня? Прогонят?

Да, я бы тоже возненавидела Мардара за его вранье, если бы у меня был выбор. Но его нет. Ни у кого из нас нет ни малейшего выбора.

Вулхи громко шаркнул ногой и отогнал мои мысли, пришлось распрямиться и натянуто улыбнуться.

— Мрак, — улыбчиво протянула я, прохаживаясь вдоль комнаты, и Вулхи кивнул в ответ.

Около окна стол, почти ровный круг, обеденный. В моей хижине был похожий. Я много раз представляла, как за таким столом обедает семья.

Три стула вокруг стола, с резными спинками, явно сделанные отцом семейства, с любовью и трепетом. Красиво. Я провожу рукой по искусным узорам, собирая подушечками пальцев слой пыли. Черной, а не серой, как обычно. Ну... Об этом мало кто задумывается, но если вы протрете пыль в месте, где ее давно не убирали, то она будет темно-серой, как клубок кошачьей шерсти. А эта — черная.

Я потеряла комок скатанной пыли между пальцев и почти не удивилась, увидев черные крошки, отделившиеся от самой грязи.

— Вулхи, — прошептала я, уже без улыбки. Мой голос выдал волнение, я не успела его скрыть и зашагала прочь к выходу, обошла дом, почти бегом.

Увиденное заставило меня надолго задуматься. Вулхи вроде бы тряс меня за плечи, просил не смотреть, даже силой пытался отвернуть мое лицо от печального зрелища. Но я продолжала смотреть, заставляя себя запомнить.

Позади дома оказался сад, точнее нечто, что когда-то было садом. Небольшой участок земли, обнесенный низким забором. К стене дома приставлена лавка в стиле тех же стульев, с такой же резной спинкой. В некоторых местах еще видны следы былой роскоши — клумбы, ныне поросшие сорняками. А земля в самом центре выжжена, черна и мертва, как и сердца тех, кто это сделал.

Я сделала шаг и Вулхи затряс меня, пытаюсь вернуть в реальность.

— Не смотри ты, не смотри, глупая! — Загремел мой добрый друг, загораживая печальное вид собой.

Я оттолкнула его, сильно пухнув в плечо, он пошатнулся влево, и мне удалось проскочить мимо, быстро, даже ловко, хотя в тот момент казалось, что я двигаюсь медленно, словно сонная муха. Руки отяжелели, ноги стали ватными. Смотря на почерневшую землю, я присела, чтобы рассмотреть останки. Обгорелые кости, очень старые, их давно должно было ветром развеять до того они хрупкие. Но они по какой-то неведомой причине прекрасно сохранились. Один из них женский, не знаю, почему в тот момент я так решила, но была вполне в этом уверена. А тот, что совсем крохотный — ребенка. Чуть дальше, кольями прибитый к земле скелет хозяина дома. Точнее прибит был его труп, сейчас же колья виднелись между костями.

Картина сама начала вырисовываться. Мать и дитя, корчащиеся в судорогах, их подожгли, а отца заставили смотреть, как самые дорогие для люди медленно и мучительно умирают. Его заставили смотреть на гибель собственного дитя. И он, прибитый к земле, ничего не мог сделать.

Я сглотнула подступивший к горлу ком и протянула руку, чтобы коснуться останков девочки. Девочки. Именно так. Руку обожгло, но я не смогла ее одернуть, вместо этого моему взору предстала гибель несчастной семьи. До чего же чуждая была эта маленькая девочка, лет восьми отроду, с белыми кудряшками и удивительно яркими зелеными глазами. Никогда не видела ребенка прелестнее, настоящий ангел. Она испуганно жмет к матери, которая пытается закрыть девочке глаза своей дрожащей рукой.

Я оборачиваюсь и вижу мужчину, истекающего кровью, словно воронье над ним вьются двое солдат, третий делает шаг в сторону женщины с ребенком и кидает им под ноги стеклянную бутылку. Все вокруг моментально возгорается. Их не спасти, огонь быстро перекидывается на легкое летнее платье. Мать кричит, не в силах вынести муки, зная, что ее единственное самое дорогое дитя, умирает вместе с ней.

И я кричу вместе с ними, не осознавая, что своим криком как минимум оглушила всю округу. Вулхи подхватил меня сзади, закрыв рот огромной ладонью, настолько огромной, что под ее воню (о боги, он никогда не моет лапы?) попал и подбородок, и нос, и глаз, правда всего один. Чтобы окончательно не лишиться воздуха, мне пришлось

задергаться и глухо застонать. Еще мгновение и Вулхи отпускает меня, предупредительно отскакивая в сторону.

Умница, сын лесника, знаешь ведь, что сейчас мне очень хочется снести тебе голову. И не одну, кстати.

— Мы здесь не останемся, — шепчет он.

Пытаюсь оторвать взгляд от костей, но не выходит. Всего несколько секунд, но в своем сознании я увидела всю их жизнь до последней минуты. Как же они любили друг друга, эти два человека, мужчина и женщина, я чувствовала это, когда перед глазами мелькали фрагменты их быта. Они не были женаты, что запрещают законы Залеса, очень долго прожили вместе, боги не давали им детей, то ли в наказание, то ли в назидание остальным, если решатся поправить законы королевства. И вот на третьем десятке, женщина смогла забеременеть. Чудо! Да уж, чудо, обернувшееся ужасом.

Я закрыла лицо ладонями, давая себе время все обдумать. Нельзя ничего говорить Мардару и уж тем более Вулхи. В самом деле, я ведь сама не до конца понимаю, что за чертовщина со мной происходит.

— Останемся, — бесчувственно отзываюсь я, все еще не в силах отвести взгляд от костей.

Мне нужно время, больше времени, чтобы понять. Хоть бы и одна ночь, они уснут, а я сюда вернусь, и обязательно пойму. Если бы я только знала тогда, чем обернется это знание...

Мы вернулись в дом, Вулхи возвращаться не хотел, говорил, нужно дожидаться Мардара и проваливать как можно быстрее. Но мне все равно, я зашла в дом и по-новому взглянула на заброшенное убранство. Ничего не тронут, дом не разграблен, если бы не слои пыли повсюду, можно было бы решить, что все в порядке. Обычный дом. Но нет.

Не желая оставлять меня одну, Вулхи все же поплелся за мной, этот грозный тучный мужчина, а в глазах его откровенный ужас.

— Смотри, внимательнее смотри, это дело рук людей. — Зачем-то мне понадобилось ухмыльнуться, будто в доказательство чего-то. — Людей, — повторила я.

Таких же как я, жестоких, бесчеловечных созданий. Не знаю, почему Дамир и Хеуд решили, будто я какая-то другая, вовсе нет, такая же, из крови и плоти, с говнищей в душе и с широкой улыбкой на лице.

Я осмотрела каждый угол в доме, каждую щель, в надежде найти что-то ценное, не ради кражи и наживы, об этих людях мне бы хотелось сохранить память, чтобы навсегда зарубить: в этом мире честным, невинным и поистине добрым — не место. Залес пожрет таких, как саранча урожай.

Не обнаружив ничего, что можно было бы забрать с собой, попросила Вулхи помочь мне с толстым матрасом. Мы скинули его на пол, вдоволь наглотавшись пыли, но лучше, чем голая земля. Кровать в доме одна, достаточно широкая, видимо, все члены семьи вмещались на ней, мы же поместимся с трудом, Мардар и Вулхи от природы широкоплечи и мясистые, старое скрипучее дерево едва ли выдержит две эти туши, а так, в тесноте, да не в обиде, в крайнем случае, одного можно будет спихнуть на пол.

Усевшись на матрасе, мы принялись ждать. Мардар не уточнил, сколько времени ему понадобится, мы немного нервничали. Его к тому моменту не было уже часа два. Сколько нужно, чтобы выпросить у хозяев таверны мешок пищи, причем ведь не бесплатно. Предприимчивый Мардар перед побегом успел захватить деньги, именно поэтому мы не умерли с голода.

Вулхи молчал, поэтому я тоже, да и что мы могли сказать друг другу? Жизнь в лесу, постоянные перебежки от невидимой погони, голод — все это измотало нас, истязало, сделав черствыми и скупыми на слова. Меня уже не тешила мысль, что я увижу море, Вулхи не был в восторге от острова, который должен был стать нам домом.

Страх — это вечное чувство, живущее глубоко в душах даже самых смелых, отчаянных и откровенно безумных людей. Он пожирает, иногда медленно, но, впрочем, зависит от ситуации. Мардар смелый, он силен и телом, и духом, но и он познал личину страха. Смотря на него, вижу мужчину, ведущего за собой двоих беззаконников, он тверд в своих решениях, но лишь потому, что ни я, ни Вулхи не решаемся взять эту роль лидера на себя. Когда мы обсуждали, куда дальше идти, где укрыться, он молчал, пока мы с Вулхи громко спорили, а в конце, хлопал нас обоих по плечу и оглашал решение, мы, словно покорные овцы, склоняли головы, позволяя взять ему ответственность за все три жизни на себя. Но в такие моменты я замечала то, чего Вулхи заметить не мог, острые выступившие скулы, кожа будто обтянула лицо и вот-вот лопнет, вена, бьющаяся на шее,

сильно поджатые губы. Он боялся. И я не виню его, иной раз мне хочется, прильнуть к нему и в очередной раз соврать: «Всё будет хорошо, мы справимся».

Бояться — нормально, ненормально — не бояться, это я поняла еще в Хорте. Почему меня не пугает происходящее? Я черства? Или неимоверно глупа? Всё чаще меня терзает желание, как раньше, начать расспрашивать Мардара, чтобы он подсказал, научил, но паутина лжи, которую сплел мой находчивый язык, не позволяет мне лишний раз откровенничать. Я ловлю себя на мысли, мол, хорошо бы признаться, обличить всю правду, открываю рот и заставляю себя заткнуться, повторяя: «Он тебе тоже врал, и не понятно, выдал ли всю правду или умалчивает что».

Многие вещи остались непояснёнными.

Первое, куда пропали доказательства вины Хеуда. Он не заходил в тюрьму, не мог по причинам физическим. Кто их взял и передал ему?

Второе, что еще мы с Вулхи не знаем о Вонте, а ведь несомненно, Мардар приберег что-то на потом.

Третье, каким образом он подслушал разговор Дамира? Новый лорд Хорты не дурак, дверь за собой всегда плотно закрывает.

Четвертое, знал ли Мардар о способностях Хеуда?

Пятое, а о его заговоре с королевским двором?

О боги, я даже продолжать не хочу, между нами, очень много недосказанности, это отдаляет друг от друга. У него свои тайны, у меня свои. Однажды нам предстоит столкнуться лбами или разойтись по разные стороны.

С Вулхи мы просидели на грязном матрасе до заката, пялясь в стену, Мардар все не возвращался.

— Надо пойти за ним, — настойчиво предложила я, поднимаясь, но напарник поймал меня за руку и усадил обратно. Такой крепкой показалась его хватка, обычно он более сдержан.

— Нет.

— То есть как нет? Мало ли, что могло случиться? Он давно должен был вернуться.

— Он сказал мне, подождать до ночи, если не вернется, убегать как можно дальше.

Его голос, его тон, черт подери, даже его взгляд приводили меня в неистовство. Убегать? Бросив его?

— Ты в своем уме? Если что-то случилось, мы должны помочь. Неужели этот дом ни на какие мысли тебя не натолкнул?

Я снова предприняла попытку подняться. Вулхи схватил меня за горло и заставил сидеть смирно, он не сдавливал, не причинял мне боли, но его настойчивость...

— Руки убери, — тихо прорычала ему в лицо.

Ох не знаешь ты, милый мой, как легко было бы опрокинуть тебя, сбить с ног или откинуть к противоположной стене. Достаточно одного лишь желания и моя сила проснется моментально.

— Ты не понимаешь, — жалобно промычал лесничий сын.

— Чего я не понимаю, Вулхи?

Я заставила сидеть себя смирно, не дергаться, смотреть ему в глаза, однако, внутри всю меня трясло от злости. Они о чем-то договорились за моей спиной.

Не важно, что Мардар чувствует ко мне, он не должен был договариваться с Вулхи о чем-то без моего ведома, не знаю почему, но не должен был.

— Он очень волнуется за тебя, переживает.

— Вулхи, отпусти меня, — мой голос не дрогнул, он лился, словно музыка, успокаивающий, тихий, мягкий. После Хеуда я интуитивно понимала, как нужно вести себя в подобных ситуациях, к тому же, я знала, Вулхи не причинит мне вреда.

— Не могу, прости, — он сокрушался, едва ли не рыдал, трясая головой. — Если он не вернется через час, уходим.

— Нет, Вулхи, — имя, я старалась выговаривать четко каждую букву его имени, давить на это, не понижая мягкости в голосе, — мы не бросим Мардара, я не брошу Мардара. Понимаешь?

— Так надо, он сам просил. Места здесь опасные, да ты и сама видишь, этот дом обо всем сам говорит.

— Этот дом самый обычный, — ложь, ложь, ложь! — В нем произошло несчастье, но он все равно остался самым обычным.

— Да ты дурная что ли? Слепая? — Взревел он, не отпуская меня. — Их казнили! И даже не похоронили. Это место злое, здесь веет злом из каждого угла!

— Мрак, — протянула я, растягивая единственную гласную букву.

В голове этого гиганта настоящий мрак, ну не может земля или отдельное место зло нести. Неспособно оно на это. А вот люди могут, и очень почему-то любят это занятие, нести за собой зло, проносить его сквозь века на дальние расстояния. Так зло растягивается повсюду, окружая вот таких как Вулхи.

Дверь позади нас скрипнула и пропустила темный силуэт навьюченный двумя мешками. Вулхи моментально воспрял духом, отпустил меня и тогда... Я ударила его. Сильно, метясь в самое больное место, от всей души. И мне совсем не стыдно за этот поступок.

— Что происходит? — Мардар скинул оба мешка на пол и непонимающе уставился на меня, медленно переводя взгляд на стонущего напарника. О да, Вулхи корчился, скулил, подвывал, как щенок. Пусть знает, нельзя со мной так обращаться.

Когда он смог совладать с болью, то метнул на меня обиженный взгляд и заговорил с Мардаром.

— Уходить надо, гиблое это место. На заднем дворе семью казнили.

— То есть как казнили?

Я зарылась лицом в ладони и громко выдохнула. Иногда Вулхи умеет раздражать, вот прям сказочно.

— Идите, — спокойно отрезала я, не обращаясь ни к кому конкретно. — Но я остаюсь. В сказки про злые места и духов — не верю. И хочу хоть одну ночь провести не на сырой земле. Удачи, встретимся на острове.

— Так, — Мардар отодвинул стул и сел, — Так, — повторил он, о чем-то усиленно размышляя. — Переждем ночь, за день ведь с вами ничего не случилось. Завтра в любом случае уходить, так какая разница?

Вулхи попытался протестовать и в этот раз я впервые обрадовалась лидерству Мардара. Он быстро заткнул напарника, всего лишь одним жестом руки.

По его сосредоточенному усталому лицу я сразу поняла, мы останемся. Всё остальное неважно, мне нужна эта ночь, в этом доме, с призраками этой семьи.

18 Серебряная пена

Наяда уместилась рядом с Мардаром на матрасе, поджала под себя ноги и внимательно посмотрела на мужчину, ставшего неожиданно частью ее жизни, кто бы мог подумать. Еще не так давно она избегала его, делала всё, лишь бы не попасться на глаза безумному господину. Под маской безумца ей открылся надежный друг, готовый ради ее спасения бросить всё и пуститься в неизвестность.

Внимательно разглядывая его лицо, девушка не могла скрыть улыбку. Сколько всего они пережили за такой короткий срок, сколько еще переживут, но сейчас, в заброшенном позабытом всеми доме, она могла бы заставить себя одну ночь не думать о том, что ждет их, могла просто поговорить ни о чем, взять его за руку, обнять. Она пыталась, честно пыталась, потянулась к нему, чтобы положить голову на плечо, как в памяти возникла фотография.

— Что с тобой? — Мардар погладил девушку по лицу, нежно проведя большим пальцем по скуле, подбородку, нежно щелкнул по чуть курносому носу. — Ты выглядишь очень грустной.

Наяда тяжело вздохнула, отстраняясь. Было много того, чего озвучить сейчас она не могла по личным причинам, может и стоило бы разрешить все их недомолвки и вранье на берегу.

— Ты не должен был убегать со мной, — грустно проговорила девушка, услышав хрипотцу в собственном голосе. — Должен был вернуться.

— Я не мог тебя бросить, не говори глупости.

Наяда осеклась, ее рот беззвучно открылся, губы зашевелились, но она молчала, похожая на рыбу, выброшенную из воды. Столько раз выпадала возможность открыться ему, рассказать правду, но девушка упорно молчала, отводя взгляд. Он не мог ее бросить, не мог! Что же тогда она за человек, если не только могла, но и тщательно планировала свой одиночный побег.

— У тебя семья осталась, — жалко продолжила Наяда, путаясь в своих мыслях. — Они, должно быть, с ума сходят от горя. Мне то бросать было нечего, — она пожала плечами, сиюсь натянуть на лицо улыбку.

Как много можно скрыть за улыбкой, сколько недосказанности за этим может крыться, сколько боли. Наяда задумалась о том, что улыбки бывают несколько видов. Одни незримо говорят о тяжелой вине или молят о прощении, другие натягиваются на лицо, чтобы скрыть настоящие чувства, третьи — пытаются подбодрить. Она видела разные, но ни разу не видела настоящей улыбки, говорившей о неподдельной радости.

— Не думай об этом, всё в прошлом, — Мардар приобнял ее, укладываясь поудобнее и под своим весом заставляя лечь девушку рядом.

Она кивнула, улыбнувшись одной из своих ослепительной улыбок, чуть погодя, отвернувшись набок, чтобы Мардар не заметил подступивших слез. Каждый раз, когда она пыталась заговорить с ним серьезно, чтобы подвести разговор к мучавшей ее теме, Мардар отмахивался.

Девушка взглянула на сумку, прячущую в себе главный секрет и вранье. Дождавшись, пока Мардар уснет, Наяда выскользнула из его объятий, подтянув сумку за ремень, достала дневник, положив его себе на колени. Их отношения, какими бы они не были или будут, не станут настоящими, пока Мардар не узнает всю правду, а что может быть правдивее того, что некоторые прячут в своих дневниках, с виду обычных тетрадей с хорошей плотной обложкой из кожи, в такие вещи заключают самые потаенные мысли, в надежде, что никто никогда их не обличит.

Наяда положила дневник на стол и вышла на улицу.

Завернув во двор, она села на колени подле обугленных костей и стала ждать, не зная, чего. Видения больше не посещали, призраки отказались говорить с ней, но лишь оттого, что девушка и так знала, как следует поступить.

Хороня приемного отца, она думала, что это стечение обстоятельств, Робин воин, в почтительном возрасте, рано или поздно это должно было случиться. Подготавливая к похоронам тело леди Эванлин, она думала о том, что еще совсем юна для того, чтобы пережить две смерти дорогих ей людей. Сейчас Наяда точно уверилась, смерть — ее неотъемлемый спутник, как и души, которые ей приходится предавать успокоению.

До рассвета девушка копала могилу голыми руками, не найдя нигде лопаты, она взрывала жесткую землю цепкими пальцами, обламывая ногти, рыла с таким упорством, что пару комков земли попали ей в рот, но она не сдалась. Когда дело было сделано, во дворе появился один общий холмик, Наяда собрала останки семьи вместе, решив, что им было бы приятно соединиться в упокоении, ведь эту возможность у них варварски отняли, разлучив родных друг с другом.

С первым лучами солнца, девушка упала около могилы на колени, чувствуя себя не лучшим образом, уже ни одну ночь она бодрствовала, отказывая себе во сне. Девушка тяжело дышала, переваливаясь, чтобы уместиться удобнее и тихо постанывала от боли и судорог в затекших натруженных мышцах. Ей бы хотелось зачитать молитву, предать души умерших богам, но ее не учили молитвам, не говорили, как прощаться с теми, кого не стало. Всё ее обучение в Хорте сводилось к правилам, насколько низко кланяться, когда опускать глаза в пол (лучше вообще не поднимать, целее будешь), как обращаться к господам. Чушь, всё это ей не нужно и не будет нужно.

— Молитвы уже давно не читают, — Мардар сложил руки на груди, упираясь плечом о стену дома. — Произносят пожелания ушедшим, некоторые считают, что самые искренние пожелания исполнятся для умерших в том мире.

Наяда подняла голову, чтобы получше рассмотреть Мардара и угадать, прочел он уже дневник или медлит. Чуть заспанные глаза, он пошел искать ее как-то только проснулся, неровная борода, покрывающая лицо от скул до подбородка, изрядно касаясь щек. Бриться в походных условиях нелегко, в их случае попросту нечем.

— Не идет тебе борода, — буркнула девушка и отвернулась.

Мужчина усмехнулся, перебирая пальцами жесткие волосы, оставшиеся без должного ухода с того момента, как он покинул Хорт. В самом деле, борода старила его на добрый десяток лет, округляла острые черты лица, делая из него простодушного старца.

Мардар взглянул на перепачканную в земле девушку, отвернувшуюся от него полубоком, она тихо шепчет, склонившись над самым холмиком свежей могилы, хочет, чтобы ее пожелания услышали только те, кому они предназначены. На лице ее застыло выражение скорби, смешанное с усталостью, она провела ладонью по лбу,

размазывая грязь и громко чихнула, не удосуживаясь прикрыть рот. Шмыгнула носом, встала, привычно поджав губы в недовольстве.

Мардар знал каждый ее жест, что он означает и для чего предназначен, все привычки, вредные и не очень, понимал, когда Наяду одолевает усталость, даже если она упорно скрывала это, как сейчас. От недостатка сна девушка становилась рассеянной, ее движения утрачивали плавность, она нервно подергивала плечом и шире раскрывала глаза, будто боялась уснуть на ходу, прекращала постоянно разговаривать, желая занять пространство своим звонким голосом и сутулилась, словно под тяжестью сотни могильных плит. Ее голос утрачивал звонкость, скрежетал и хрипел, как у бывшего пьяницы, руки слегка подрагивали, поэтому она поспешно прятала их в складках плаща.

Всё это могло укрыться от простачка Вулхи, но не от него.

— Знаешь, Вулхи может один сходить до таверны, а ты отдохни.

Зря он это сказал, пожалел, как только закончил фразу, но было поздно ретироваться и брать свои слова обратно.

Наяда распрямилась, резко, как струна, едва не переломив себе спину, напрягла плечи, принуждая свое тело выглядеть бодро из последних сил.

— Я пойду, — только и ответила девушка, быстро убираясь прочь с глаз Мардара.

У нее не было сил и желания спорить, она должна пойти с Вулхи, иначе этот бравый трус испортит им и без того шаткое положение, затрясется в таверне, заикаясь и выпрашивая еды и всё. Люди обратят на это внимание, найдется урод, который побежит в ближайшую деревню за солдатами. Наверное, не хорошо думать подобным образом о друге, кинувшегося спасать ее шкуру, когда это было важно, но в последнее время Вулхи начал сдавать позиции, обугленные кости на заднем дворе окончательно добили его. Еще немного, и сын лесника сломается, начнет думать, что лучше бы остался в Хорте, а значит оставлять его одного просто нельзя.

Наяда потеряла уставшие глаза, впиваясь в кожу грязными обломанными когтями. Она и сама чувствовала себя немногим лучше. Войдя в дом, девушка обнаружила Вулхи, сидящего на пыльном матрасе с опущенной головой, его широкие плечи сжались, превращая могучего мужика в мальчишку.

Им всем требовалась передышка, нормальная, не в доме ужасов. Наяда присела рядом, обняв друга и уткнувшись носом в его макушку, Вулхи обхватил ее ладошку своей, широкой и мозолистой, еще сильнее съежившись.

Ей хотелось бы утешить бедолагу, сказать, что всё будет как надо, остров их спасет, осталось лишь добраться до него, но сколько еще виться ниточке ее лжи. Отбрасывая желание, произнести очередную ложь, девушка положила ладонь Вулхи на свое сердце, пальцами осторожно поглаживая его руку.

— С недавних пор оно бьется только ради тебя и Мардара, — насколько «недавних» девушка решила не уточнять. — Ты нужен мне, сильный и бесстрашный, способный укрыть от нависшего зла.

Ее слова быстро возымели нужный эффект, Вулхи поднял голову и заставил себя улыбнуться.

— Прости, минутная слабость, — бодро рыкнул он, прижимая девушку к себе с такой силой, что ее ребра начали похрустывать.

Вулхи привычно потрепал ее по волосам, заламывая девушку под своим весом, она в ответ попыталась засмеяться. Смех вышел похожим на сухое карканье.

— Пора, нельзя терять время, — мужчина поднялся, стряхнув с себя веселье, его лицо мгновенно приобрело маску холодности, не той, что появлялась на лице Мардара в такие моменты, смешанная обычно с долей надменности. Лицо Вулхи скорее выражало «прорублю топором дырку в твоём лице».

Наяда кивнула и засеменила следом за напарником, старательно подбивая шаг под его широкую походку. Она успела подхватить сумку, перекинуть ее через плечо и бросить взгляд на дневник, все еще лежащий на столе. Их не будет несколько часов, Мардар будет искать, чем себя занять и не пройдет мимо, если такова судьба.

Накануне Мардар передал Вулхи оставшиеся монеты, рассчитывая, что этого хватит на мешок чего-нибудь несильно портящегося и съедобного. Что-то подсказывало девушке, едва ли мешок, который им удастся выменять, будет заполнен до верху.

Вулхи шел быстро и упорно молчал несмотря на то, что дважды Наяда пыталась завести непринужденную беседу, мужчина не оглядывался по сторонам, смотря строго на таверну, как на единственный ориентир. В какой-то момент Наяда чертыхнулась,

обогнала напарника и встала прямо перед ним, Вулхи едва не затормозил о девушку, выругавшись так рьяно и отборно, что Наяда нехотя попятилась назад.

— Объясни наконец, что с тобой происходит! — Она уперла руки в бока и поджала губы, не желая отступать.

— Всё отлично, было, пока ты не преградила мне путь.

— Эту фразу лучше понимать в узком смысле или широком?

Вулхи приоткрыл рот, силясь понять, что девушка имеет в виду, клацая зубами, захлопнул челюсть и попытался отодвинуть подругу в сторону. Не тут-то было. Она вцепилась в его плечи и зарычала.

— Ну же, выскажись! Будь мужчиной ты, черт тебя дери!

— Уйди, — заорал Вулхи прямо в лицо девушке, — идти надо!

Наяда всегда считала себя рассудительной, пусть иногда и лезла в самое пекло, но обычно она хорошенько обдумывала ситуацию, перед тем как сделать следующий ход. Если что-то в ее жизни случалось, она не металась из угла в угол, не стонала, а садилась и думала. Иной раз этот процесс отнимал внушительное количество времени и за этот период созревал не только план действий, но и спокойствие, относительное. Больше чисто внешнее, для затравки публике, однако, она считала, что умеет контролировать себя, умеет находить разные пути решения сложившейся ситуации.

В данной ситуации самой большой проблемой являлось непонимание. До злосчастного события на площади она почти не знала Вулхи и понятия не имела, как лучше привести его в чувство.

Наяда размахнулась, стискивая зубы и от души ударила мужчину по лицу, ее кулак метко нашел правый глаз. Вулхи отшатнулся, прикрывая глаз рукой и зарычал. Весь его вид говорил о том, что Наяде лучше бы бежать и как можно дальше. Она осталась на месте, стояла перед другом с до боли прямой спиной, сжимала и разжимала кулаки и тяжело дышала.

Вулхи осел на траву, борясь с гневом. Отец учил его не причинять вреда женщинам, беречь, любить, оберегать и прочее, но еще ни разу женщина не нападала на него первой, да с такой рьяностью.

— Всем нелегко, понимаешь? Бояться это нормально, мы с Мардаром тоже боимся. Но знаешь, что? Мы с ним разговариваем, делимся своей тяжестью друг с другом, пока ты делал так же, то

чувствовал себя намного лучше! — На одном дыхании выпалила девушка.

— У тебя хороший удар, поставленный, я бы сказал, — Вулхи убрал руку от лица, и Наяда увидела плод выбранного стиля для переговоров с другом. — Ты в штаны давно заглядывала? Мне кажется, у тебя там яйца железные отрасли.

Девушка тяжело выдохнула, ее одолевало желание вцепиться напарнику в горло и хорошенько встряхнуть. Его глаз залился синяком, кожа набухла от внутреннего кровоизлияния, но он продолжал смеяться, как ни в чем не бывало.

— Вулхи, прошу тебя, скажи, что происходит? Что мучает тебя?!

— Ты и сама прекрасно знаешь.

Верно, она знала, но еще знала, что когда выговариваешься кому-то, становится намного легче, проблема как бы немного отступает, позволяя взять недолгую передышку, чтобы как следует подготовиться к тому, что будет. Она много раз видела, как руки могучего сына лесника опускаются, он чаще отказывался от еды, не видел смысла в дежурстве, и Наяда слишком хорошо знала, что означает подобное поведение. Он сдался.

— Хорошо, — прошептала Наяда и пнула горсть песка, вымещая злость. — У нас есть шанс, знаешь почему?

Она думала, что нелегким выдастся признание Мардару, но открыться Вулхи оказалось в сотни раз сложнее. Наяда набрала полную грудь воздуха, высвобождая свою силу, щупальца потянулись к мужчине, нежно касаясь его плеча.

— Я не знаю, что это, но солдаты этого боятся, — признание жгло язык, хуже яда. — Умоляю, не бойся меня.

Щупальца протянулись дальше, взрывая сухую землю и обдирая редкую траву, Наяда вытянула руку вперед, тело Вулхи поднялось и зависло на пару мгновений в воздухе, после она аккуратно отпустила друга, ожидая его реакции.

Мужчина нахмурил брови, желваки заходили в усиленных попытках сдержать одолевающие его чувства. Вулхи сжал кулаки, напряг челюсть, некоторое время он напряженно молчал, подбирая слова.

— Давно это у тебя?

— Нет, перед самым побегом появилось.

Вулхи нервно потер глаза, заломил пальцы, противно хрустнули суставы. Наяда не хотела его торопить, понимала, как важно, дать ему осознать то, чему он стал свидетелем.

— Мардар знает?

Наяда отрицательно покачала головой, отводя взгляд.

— Я оставила дневник на видном месте, к нашему возвращению будет знать.

— Покажи еще раз.

Девушка была готова поклясться, что увидела на лице Вулхи быстро мелькнувшую озорную улыбку, она широко улыбнулась в ответ, призывая силу.

Добираться до таверны стало не так уныло, когда между напарниками рухнула невидимая стена, весь оставшийся путь Наяда экспериментировала над собой, они обсуждали, на что еще девушка способна. Впервые за долгое время, Наяда подумала о том, что узнав правду Мардар отреагирует вполне сносно, может, не так любопытно, как Вулхи, но обязательно примет ее такой.

Девушка показала Вулхи, как смогла защитить его от военных, когда ему грозила опасность, из своих щупалец она могла создавать подобие непроницаемого щита, Вулхи радостно повизгивал, даваясь смехом, это открытие стало решающим для его духа.

— Я голоден, как волк, — усмехнулся он и Наяда перестала волноваться за друга, колющий комок в горле прошел.

На пороге таверны девушка задержала Вулхи около входа, доставая из его кармана монеты.

— Я пойду одна, так будет лучше.

С того момента, как мужчина узнал о ее способностях, он больше не спорил, остаток дороги Наяда говорила ему о том, что ищут троих беглецов, двух мужчин и женщину, лучше будет, если кого-то одного фигурировать в таверне не будет. Так как язык подвешен именно у Наяды, она решила, что сможет быстро выведать местные слухи, запастись провиантом и остаться незамеченной, очередной путешественницей или проезжей торговкой.

Вулхи отрывисто кивнул и отступил в тень.

— Если что-то случится..., — он не смог договорить.

— Я повзрываю кишки всем разом, — усмехнулась девушка. — Все в порядке, не переживай за меня.

Она юркнула внутрь, с порога поймав наслаждение от легкой прохлады, ночные заморозки и соленый воздух делали ее нервной, постоянный ветер окончательно испортил кожу на лице и руках, как бы ни мечтала Наяда увидеть море, жить около него она передумала. Раздражительности она целиком обязана местному климату.

— Приветствуем вас в Серебряной пене, детка! — Из-за стойки ей улыбалось заветренное небритое лицо. — Если есть деньжата, у нас вам будет уютно.

Наяда скинула капюшон, перевоплощаясь в совершенно другого человека, она чуть сгорбилась, нахмурила лоб, чтобы проступили мелкие морщинки.

— Добра тебе, хозяин. Мой муж сторожит товар, мы это, на рынок его везем, подзаработать то каждому охота. Нам бы чутка провианта, — она положила на стойку пару золотых монет, улыбаясь во весь рот.

— Правда? И куда направляетесь?

— В Криан, муженек с дорогой напутал, дурень, представляете, сделали лишний крюк, — девушка нервно почесала голову, оглядываясь вокруг. — Так чем можете помочь заплутавшим торговцам?

Наяда быстро осмотрела тесный зал, отметив под собой скрипучие деревянные половицы и плотно зашторенные окна.

— У нас за порог ничего не выходит, детка, не волнуйся, — хозяин таверны подмигнул ей и ушел в кладовку.

Каменные стены создавали в помещении благодатную прохладу, отделяя посетителей от знойной жары снаружи. Девушка обернулась, любопытно разглядывая обитателей Серебряной пены. Всего несколько человек, из шести имеющихся столов, занято всего два, за одним шумная компания из четырех приятелей, жадно посасывают местное пиво и о чем-то спорят. За вторым, угрюмый мужчина, отвернулся ото всех полубоком, на его столе пусто.

Обшарпанная стойка не внушала доверия, но девушка устало облокотилась на нее, приглядываясь к четверым приятелям.

— Эй! — Она махнула им рукой. — Что слышно в последнее время?

Один из мужчин посмотрел в ее сторону, весьма оценивающе и сплюнув на пол, отвернулся. Наяда вздрогнула, стараясь не давать волю гневу.

Вернувшийся хозяин поманил ее пальцем к себе через стойку, предлагая кружку пива.

— Нет-нет, благодарю, мне бы провианта.

— Да ты попробуй вначале, попробуй, — пробасил он, притягивая девушку к себе за воротник. — Улыбайся и не вздумай смотреть по сторонам, — зашептал он, все еще удерживая ее за ворот. — Берите, что сможете унести и проваливайте как можно быстрее.

— Что вы себе позволяете, — зарычала в ответ Наяда.

Хозяин незаметно подсунул ей листовку вместе с пивом и услужливо улыбнулся. Наяда едва не поперхнулась, глядя на свое изображение.

— Очень вкусно, — неуверенно выдавила из себя девушка, меняясь в лице. — Спасибо.

— Человек в углу, не оборачивайся, он тебя ищет. И обязательно пойдет следом, как только ты выйдешь. Забирай своих дружков и бегите. И деньги заberi, вам столько припасов не унести, — он протянул монеты.

— Пиво сначала допью.

Наяда поднесла кружку ко рту, неторопливо проглатывая горьковатый напиток, хозяин таверны пожал плечами и вернулся к своим делам, потеряв к девушке видимый интерес, пару раз он незаметно обернулся и подмигнул ей, приоткрыв ящик с крупами и показав пистолет. Он оказался не так слеп к жизни, как она пару месяцев назад.

Стараясь не смотреть в сторону одинокого посетителя таверны, девушка делала один глоток за другим, судорожно соображая, как теперь быть. Можно успеть добежать до Мардара и попытаться уйти обратно в лес, затаиться на время или как можно быстрее добраться до острова. Был еще один вариант, прибегать к которому девушке откровенно не хотелось, однако меньше часа назад она хвасталась Вулхи способностями, которые смогут защитить их, пасовать поздно.

Допив, она аккуратно водрузила кружку на стойку, еще раз поблагодарив хозяина.

— Уютно у вас тут, — усмехнулась она. — Но пора выдвигаться.

— Заходите на обратном пути.

— Непременно, — девушка поднялась со стула, слишком медленно, рассчитывая каждое движение.

Некоторые поступки в жизни даются крайне сложно, заставляют переступить через себя, забыть о человечности. Иногда люди поступают так из любви к другим людям, иногда из корысти или ревности. Бывает так что, переступив через себя однажды, больше не можешь стать прежним, вернуться к привычному состоянию в душе и теле, постепенно начиная гнить под грузом совершенного.

Наяда развернулась, чтобы лучше видеть противника, нависшую угрозу над ней и ее друзьями, она попросту не могла дать слабину сейчас и подвергнуть их еще большей опасности. Обращаясь в чертоги своего нутра, призывая на помощь смертоносную силу, девушка пыталась найти утешение в обращении к богам. Она не умела молиться, не знала богов, все ее просьбы сводились к одному: не потерять то слабое и человеческое, что еще в ней осталось.

Щупальца поползли по деревянному полу, мимо столов и стульев, пролезая сквозь любые помехи, Наяда широко раскрыла глаза, убивая, она хочет видеть то, что сотворит.

Человек за столом громко кашлянул, хватаясь за горло, он успел ругнуться и почти сразу стал задыхаться, невидимый враг душил, пробравшись внутрь его тела. Наяда сжала ладонь в кулак, щупальца сомкнулись на сердце и желудке мужчины, разрывая органы, поддерживающие в нем жизнь, из его рта закапала бордовая струйка.

Четверо постояльцев повскакивали со своих мест, испуганно пялясь на беднягу, хозяин таверны со всех ног бежал к нему, но ударился о невидимую преграду и осел. Наяда, улучив момент, перепрыгнула через стойку, схватила припрятанный пистолет и кинулась к выходу, покидая таверну, она знала, незнакомец, желавший им зла, еще жив, он сплевывает последние остатки жизни, его глаза закатываются, через пару мгновений он окончательно умрет.

Наяда спрятала пистолет в сумку, на улице подхватила побледневшего Вулхи и оба побежали, не сговариваясь. Опасность витала в воздухе с самого первого дня их незамысловатого побега, иногда становясь слабее, иногда обостряясь, все трое беглецов научились различать это состояние по воздуху, никогда не ошибаясь. Ошибка стоит жизни, у них нет права оплошать. Они понимали, что их

будут преследовать, часто строили догадки, кого именно пошлют по их следам, но ни разу опасность не настигала так внезапно и близко. Наяда не была уверена в правдивости слова хозяина, ей хватило предположения, чтобы защищаться.

Она бежала из всех сил, удерживая темп и дыхание, как и когда-то в Хорте, бег давался легко, мышцы в ногах приятно тянулись, радуясь активности, легкие жарко обожгло огнем. Вулхи позади выглядел увальнем, создающий вокруг себя сплошной грохот.

Только бы успеть! Добежать до Мардара, впопыхах всё объяснить и бежать! Бежать на край света, в жерло вулкана, куда угодно. Перед глазами снова встало видение, напоминающее об ошейнике и наручах, от ощущения слабости и немощности, вспоминая тяжесть заговоренного камня, девушку пробила мелкая дрожь, подгоняя бежать быстрее. Она согласилась бы на любую казнь или пытку, только не ошейник, отнимающий у нее внутреннюю волю и желание существовать.

Наяда не помнила, сколько времени они потратили на дорогу до таверны и понятия не имела, как быстро сумеют добраться обратно, не понятно, сколько времени они выиграли перед тем, как генерал настигнет их, поняв, что его ищейка не вернется. Как близко засел их враг в терпеливом ожидании, если один из них ошивался совсем рядом?

— Быстрее, — что было сил, закричала девушка, надеясь, что на полпути Вулхи не упадет замертво.

Впервые за всё время, сын лесника из кожи вон лез, заставляя мясистое тело бежать во весь опор, не спорил, не язвил, сцепив зубы упорно пытался восстановить сбитое дыхание и не отставать.

Девушка внутренне надеялась успеть добраться до Мардара до того, как начнется погоня, на мгновение она задумалась, насколько дорог ей господин, раньше вызывавший у нее только чувство, граничащее с ужасом и отвращением, на что она готова ради того, чтобы враг не разлучил их?

На убийство.

В самом деле, отнимая одну жизнь в таверне, Наяда поняла простую истину, ее чувства к Мардару и Вулхи разбудят в ней спящего монстра, когда это станет необходимым, она убьет и ни раз, ради их спасения. Если понадобится, продаст душу или вывернет ее наизнанку

ради мужчины, у которого однажды украла поцелуй в надежде познать каплю нежности.

Она будет бороться, отчаянно, жестоко, биться до последней капли крови или бежать к краю мира, только бы спасти человека, поселившего в ее сердце надежду. Теперь ее дневник не имел никакого смысла, все ее мысли — блажь. Она не бесчувственная тварь, удерживающая рядом с собой двух друзей лишь ради выгоды. Нет, она любит их, каждого по-разному, но любит. Неважно, прочитал ли Мардар дневник, она все ему расскажет, сама, набравшись впервые в жизни смелости открыться перед человеком.

Только бы успеть...

19 Выбор

Последнюю милю Вулхи совсем выдохся, шли быстрым шагом, отдышавшись, мужчина решился на вопрос:

— Что случилось в таверне?

Девушка медлила с ответом, сейчас для нее важно переставлять ноги, шаг за шагом, быстрее, увереннее, иначе она упадет, обязательно упадет и не захочет вставать. Бег позволял ей высвободить подскочивший в крови адреналин, привести мысли в порядок, замедлившись, она снова ощутила тревогу.

— Там был человек, он узнавал о нас, хозяин таверны показал мне листовку с моей фотографией.

Для начала Вулхи пришлось вспомнить, что фотография — это что-то вроде картины, но не маслом и рукой человека, а техникой, к сожалению, он забыл название, хотя Мардар совершенно точно об этом рассказывал.

— Где сейчас этот человек?

Наяда остановилась, как вкопанная, качнула головой, борясь с раздражением и подступившей тошнотой. Что друг хочет от нее услышать? Хочет верить, что она так же невинна и чиста, как та девочка из Хорты, гнушая спину в полях? Ту девочку давно сменило чудовище, уверенное в своих силах и безжалостности, не медлящее, если требуется убить, сотни раз задумывающееся, для чего ей друзья, нужны ли они вообще, и пришедшее к неожиданному выводу в переломный момент. Нет, она определенно не та девчушка, бежавшая из Хорты, она нечто другое, перерожденное и искаженное неведомой силой и обстоятельствами.

— Он мертв, — заключила Наяда, поворачиваясь к другу.

Вулхи всё понял, едва взглянул на девушку, что-то изменило ее в одно мгновение, вроде бы та же, но какая-то другая, в глазах не осталось искорки, губы казались неспособными растягиваться в улыбку.

— Нельзя убивать всех подряд, мы не должны быть такие, как они, — грустно отозвался мужчина.

— Да, мы должны стать хуже, — отрезала Наяда и пошла дальше.

Сомнений не осталось, как никогда раньше, девушка поняла, чтобы выжить в схватке со зверем, нужно стать еще более озлобленным зверем, что толку уничтожать себя, подражая жертве. Больше она не будет жертвой, каждый миг, каждый ее вздох будет наполнен борьбой, будь то сражение с военными или внутренний бой с самим собой. Судьба безжалостно огревает ее хлыстом, ну и пусть, она не сдастся. Сегодня же поможет переправиться Мардару и Вулхи на остров, после чего сама останется ждать, может, вернется в таверну, рано или поздно генерал явится за ней. Еще меньше ее волновало на этот счет мнение напарников, в любом случае это не их борьба и Мардар, ожидающих их перед домом осознал это, прочитав дневник.

Наяда притормозила за добрый десяток футов от Мардара, не зная, с чего начать скомканные объяснения, мужчина стоял перед домом в одной руке сжимая заветную книжицу, его взгляд не сулил ничего хорошего.

— Ты хотела бросить меня, — прошипел он, сощуривая глаза.

— Она может всё объяснить, друг, успокойся, — встрял Вулхи, закрывая девушку собой.

Наяда отодвинула напарника в сторону, передавая ему сумку с двумя пистолетами и очень медленно двинулась к Мардару. В воздухе девушка ощутила приближение бури.

— Ты хотела сбежать! — Выплюнул из себя Мардар. — Бросить меня, что ж, твое сердце дикое и свободное.

— Да, — тихо призналась она, примирительно вскидывая руки. — Да, всё так, но сейчас нет времени обсудить это.

— Отчего же? Времени, дорогая, у нас теперь полно.

Наяда закусила губу, она знала, что будет сложно, но не представляла насколько. Взгляд Мардара, его слова, буквально добивали ее, лишая решимости, он смотрел на нее, как на Дамира когда-то. Как на предателя. Еще немного, и она разревется на глазах у двух мужчин, грузно свалится на колени и начнет умолять о прощении. Наяда потрепала себя по волосам, протерла глаза, пытаясь успокоиться.

— Я была чертовски не права, — начала она, все еще приближаясь к мужчине. — Не понимала, что творю, клянусь, всё так запутанно.

— Неужели. А мне кажется, всё ясно. Ты врала мне, недоговаривала, изворачивалась, но ради чего? Чтобы спасти свою шкуру? А поцелуй? Ты прилипла ко мне после того, как Хеуд с тобой поступил, чтобы легче стало? И твои бредни про какую-то силу, не хочешь объясниться?

Наяда сглотнула комок слюны, стараясь не смотреть на Мардара, стыд придушил ее за горло, норовя забрать последние капли воздуха, Наяда вдруг поняла, как сильно ей не хватает в легких воздуха, почва из-под ног начала уходить, она топталась на месте, пытаясь не терять над собой контроля. Она не хотела, чтобы он говорил о поцелуе при Вулхи, ведь это было нечто личное, касающееся лишь их двоих.

— Я всё объясню, прошу, дай мне шанс всё тебе объяснить.

Наяда сделала последний шаг навстречу Мардару, протягивая ему руку, в надежде на шанс, которым она больше не станет пренебрегать, если он позволит, она обязательно все исправит.

— Не за чем, мне и так все понятно. Ты лживая грязная девчонка, думающая только о себе. Нужно было позволить Хеуду отодрать тебя в ту ночь, а не растаскивать вас.

Она понимала, что Мардар зол и говорит так только из желания задеть ее побольней, она заслужила его ненависти, звенящей и яростной, заслужила оскорблений, но только не таких, он прекрасно знал, как сильно она ненавидела Хеуда.

Наяда зарычала и кинулась на мужчину, поваливая его на землю, Мардар попытался отстраниться, выставив руки перед собой, глухо вскрикнул, ударившись головой о землю.

Слишком многое раздирало ее душу, боль, отвращение, страх, стыд, Наяда не готова оказалась совладать со всем разом, гораздо проще выпустить всё накопившееся через драку.

— Хватит! — Завопил Вулхи.

Наяда на мгновение подняла голову и взглянула на друга.

— Приблизись и я лично откушу тебе голову. Не лезь!

Ее рык с каждым разом всё больше походил на звериный, когда Мардар перекинул девушку через себя, она зарычала громче, больно вывихнув запястье, но не остановилась, во что бы то ни встало, им нужен был этот выплеск, эта ненависть, чтобы поглотить всё вокруг себя, забыть о страхе преследования, упиться ненавистью друг к другу.

— А ты не врал мне? — Выдавила из себя девушка, перехватывая руки Мардара. — Не врал?!

У нее было право не доверять господину, скрывающему от нее большой совершенно другой мир, настоящую историю Залеса и кое-что еще, очень важное, поняла это Наяда не так давно, но осознание ошеломило ее.

Она ударила мужчину в грудь и коленом в пах, пока он ловил ртом воздух, Наяда улучила момент.

— Ты передал Хеуду доказательства, которые мне удалось у него отобрать!

Мардар замер, все еще корчась от боли, чуть отодвинулся от Наяды.

— Так ты знаешь?

— Не только у меня есть секреты, — она снова кинулась на напарника, с новой силой, с большей яростью нанося удары. Самое нелепое, что она не знала наверняка, лишь догадывалась, опровергши Мардар ее догадки, и она умоляла бы его о прощении, теперь же им было над чем сводить счеты.

Наяда сжалась и боднула Мардара головой в лицо, нелепо заваливаясь набок, Мардар обхватил ее руки, заламывая за спину. Они продолжали кататься по земле, обмениваясь ругательствами, каждый норовил побольней пихнуть, ударить вместо того, чтобы поговорить и выяснить терзающие вопросы. Наяда перекатилась на спину, подогнула колени и лягнула мужчину в грудь, успела приподняться и снова ударила ногой, от второго удара Мардар успел закрыться.

Ложь — самая сильная движущая сила, она заставляет пробивать камень одних и удавливаясь от стыда других, ложь вынуждает двигаться, давать выход другим чувствам, опустошает. Наяда готова была поплатиться за свое вранье, готова была вымаливать прощение, ползать в ногах у Мардара до тех пор, пока не поняла, что там, где заканчивалась ее ложь, начиналась его, еще более изощренная и коварная. Неважно, что двигало Мардаром, когда он передавал улики обратно Хеуду, он прекрасно знал, как сложно ей далась смерть подруги, как сильно Наяда мечтала отомстить Знатному. Мардар не имел права отнимать у нее эту возможность, ведь из-за этого она стала убийцей, метнув на прощание в Знатного кинжал, именно Мардар спустил с цепи таящегося в девушке зверя, потому как другого

варианта ей не осталось. Теперь Наяда готова была признать слова Дамира и Хеуда, да, она другая, однажды расслабленный поводок открыл в ней новые грани, позволил замарать руки кровью, но в отличии от нормальных людей, Наяда не готова была на этом остановиться, ее тело жаждало продолжения. Одна смерть, влекла за собой следующую, одна ложь, опутывала паутиной всё ее нутро, призывая сплести новую и новую. Именно это отличало ее от людей, в чьих душах поселен страх перед богами и законом, перед казнью и расправой, ее не пугало ничего, чужая жизнь ощущалась словно жажда в знойное лето, ее хотелось испытать до дна, снова и снова.

Выстрел прогремел неожиданно, заставив замереть обоих и повернуть головы на звук.

— Хватит! Сейчас же! — проревел Вулхи, нацеливаясь на напарников.

Мардар вздрогнул, ему непривычно смотреть в дуло пистолета, нацеленного на его голову. Наяда засмеялась, свободно укладываясь на траве и поддерживая голову рукой, ей хотелось сказать, что у Вулхи кишка тонка выстрелить в них, но почему-то решила смолчать. Хватит с нее желчи на сегодня.

— Пока вы цапаетесь и оскорбляете друг друга, нас схватят!

— Что? — Мардар вытер пот со лба и кровь с рассечённой губы.

— Именно это я и пыталась тебе сказать, — Наяда указала в сторону таверны, — военные где-то неподалеку.

— Вулхи, бери мешок, надо убираться отсюда.

Мардар поднялся с земли и отряхнулся, взваливая на плечо один из мешков, под его тяжестью он ссутулился, глубоко вздохнул, прогоняя огонь из легких и размял затекшие мышцы на шее.

— Мардар...

— А ты проваливай куда подальше, — отрезал он, не дав девушке закончить.

Наяда осеклась, сжимая кулаки, она не могла поверить в слова напарника, в их серьезность, до последнего ей казалось, что в нем говорит обида, но сейчас он готов бросить ее и уйти. Она неуверенно поднялась с земли, не сводя взгляда с Мардара, он же в ее сторону больше не смотрел, копошась с вещами, дневник девушки он бросил ей под ноги, словно мусор.

Раньше она думала, что обычные чувства людей ей по каким-то причинам недоступны, в ней они проявляются на порядок слабее и не вызывают такого ажиотажа, сейчас, глядя на Мардара, Наяда поняла, что это далеко не так. Чувства душили ее, слезы вот-вот угрожали пролиться водопадом, а через мгновение наступило полное опустошение, она больше не чувствовала ничего. Отчаяние, проявляющееся во всех по-разному, теперь девушка познакомилась и с ним.

— Позволь мне с вами до моря дойти, — тихо произнесла она, привлекая внимание господина. — Я помогу вам переправиться и уйду, обещаю.

— Ну это уже бред, друзья. Никуда ты не пойдешь, Мардар бредит, это пройдет, — Вулхи хлопнул ее по плечу, сially улыбнуться.

Наяда знала, что сыну лесника хочется в это верить, но действительность совсем другая, Мардар на самом деле не хочет больше иметь с ней дела, Наяда увидела это в его глазах, все чувства, что он питал к девушке, исчезли, сменившись безразличием к ней. Она не станет настаивать и бороться за него, нет, единственное, что ей действительно требовалось, узнать, что напарники удачно пересекли море и спокойно ищут безопасный приют на острове. Она оставит их, когда Мардар прикажет, но перед этим, хочет убедиться, что с ними всё будет в порядке, хоть порядок в их жизнях и стал чем-то сомнительным и относительным.

— Только до моря, — буркнул Мардар, не смотря на девушку.

Она слабо кивнула, закусывая губу. Только до моря, дальше она сдержит обещание, после чего попытается исправить ситуацию, насколько это вообще возможно, лицом к лицу встретится с военными и сделает все, что нужно для того, чтобы Мардара и Вулхи не искали.

Наяда забрала у Вулхи свою сумку, перекинула ее через плечо, подняла запыленный дневник и вяло поплелась за мужчинами. Вранье никогда не приводит ни к чему хорошему, жаль, что она поняла это так поздно, когда изменить ничего нельзя.

Весь оставшийся день Мардар упорно молчал, не заговаривал даже с Вулхи, оставаясь у себя на уме, упорно шел вперед, чуть проваливаясь в мягкую почву, дважды останавливался, чтобы перевести дух и один раз, чтобы подкрепиться. Наяду на трапезу он не

подпустил, девушка сидела в стороне, опустив голову на колени и ждала, она не встревала и не пыталась заговорить, Вулхи решил поделиться с ней своей порцией, но девушка лишь отрицательно качнула головой и продолжила самобичевание.

Еще через пару часов в двадцати футах показался желанный берег с синей искрящейся на закатном солнце полосой. Последний отрезок пути проделали без остановок, быстро, желая перебраться до темноты.

Впервые увидев море, Наяда не испытала того чувства, на которое надеялась, не пришел восторг и желание поскорее окунуть ноги в благостную влагу, не произошло ровным счетом ничего. Она смотрела на мелкие волны, разглядывая горизонт и полной грудью вдыхала свежий соленый воздух, подставляя изможденное лицо ветру. Все ее мечты рухнули вместе со словами Мардара, не осталось ничего, что трогало бы ее.

— Тут мили три, не меньше, — услышала она недалеко встревоженный голос Вулхи. — Мы не дотянем, лодок нет.

— Не мешай думать, — оборвал его Мардар.

Краем глаза Наяда заметила, как господин отходит от берега, возвращаясь на пригорок, чтобы лучше рассмотреть расстояние до острова.

— Я могу помочь, — тихо предложила она, подходя к Вулхи. — Не знаю, насколько могут протянуться мои щупальца, но можем сначала проверить на мешках, если выйдет, я перенесу вас на остров по очереди.

— Как же тогда ты сама доберешься без лодки?

— Никак, — девушка пожала плечами, ее голос окончательно утратил цвет, лишившись звонких ноток.

— Брось, он перебесится. Мы переберемся туда все втроем, ясно?

Наяда облизала пересохшие губы, беря друга за руку, она крепко сжала его ладонь.

— Нет, Вулхи, он не простит.

— Наяда, — услышав мягкий голос Мардара, она готова была поверить в чудо, радостная улыбка сама поползла по губам. — Не дергайся, пожалуйста.

Всё в ее душе ухнуло и упало, сердце оказалось где-то в области коленей, вместе с селезенкой и радостью. Наяда давно научилась понимать господина по интонации, по стальным ноткам в бархатном

голосе. Ее рука медленно потянулась к пистолету, девушка обернулась, едва не взыв от отчаяния, ей захотелось упасть на колени и заскулить, биться головой об песок и кричать. Она сама привела их сюда, на верную гибель.

Рядом с Мардаром стоял генерал, победно ухмыляясь девушке, по обе стороны от него два десятка военных, нацеливших на пару дула автоматов.

— Брось пистолет, Вейра, — скомандовал генерал, прижимая к виску Мардара обрез.

Время вокруг предательски остановилось, Наяда смотрела только на своего господина, не желая признавать присутствие военных. Она не спешила опускать оружие, наставив его на генерала, остальных она уничтожит щупальцами, но этого с наслаждением застрелит, не моргнув.

— У тебя есть выбор, — прогремел его голос. — Можешь попробовать сопротивляться, даже застрелить меня, но в таком случае, я успею убить твоего друга. Либо этого, — он указал на Мардара, ткнув его в плечо, — либо того, что рядом с тобой.

Стоило отдать честь выдержке Мардара, за все время, находясь под прицелом, он не дернулся, его поза казалась расслабленной, будто всё происходящее шутка. Он так же пристально не сводил взгляда с девушки, его губы зашевелились. Наяда чуть не зарыдала навзрыд, поняв, что господин пытается ей сказать.

Нет, в этот раз она не будет спасать свою шкуру, у нее нет ни малейшего желания существовать без них. Она сделала шаг в сторону, чтобы встать подальше от Вулхи и поморщилась от солнца, бьющего в глаза.

— Отпусти их, — жалко проямлила девушка, игнорируя призывы Мардара спастись.

— Я бы с радостью, — усмехнулся генерал.

Из-за его спины вышел солдат, неся в руках набор сбруи, девушку пробила мелкая дрожь от взгляда на ошейник.

— Подчинись, будь умницей и возможно, я смогу выхлопотать твоим друзьям помилование.

Наяда подняла руку, целясь генералу в глаз, ей надоели все эти игры до тошноты, если военные не прекратят испытывать ее терпение... Она снова посмотрела на Мардара.

Спасайся, прошептал он одними губами.

На самом деле, выбор она сделала еще в таверне, убив военного, с того момента, девушка твердо знала, что будет делать ради Мардара и Вулхи, ее позиция не изменилась. Ситуация заставляла действовать, не позволяя как следует всё обдумать. Наяда перевела взгляд на ошейник, вспоминая ощущения из видений, ее ноги стали ватными, на секунду все происходящее она видит будто бы со стороны, окончательно отрешившись от своих ощущений. Осталась лишь оболочка, мертвая, бездушная, не желающая ничего, кроме как спасти две дорогие ей жизни. Наяда опустила руку, твердо сжимающую оружие, закусил губу, сдерживая подступившие слезы. Она не заплачет на глазах у военных, не доставит им такой радости. Искорки веселья в глазах генерала вынуждали ее держать себя в жестких тисках, нацепляя на лицо непроницаемую маску, однако, где-то в душе девушка уже оплакивала свою дальнейшую судьбу и жизни друзей.

Пока жизнь в Хорте не отличалась красками, каждый раз девушка думала о том, чтобы не произошло, главное не связываться со столичными властями, это правило вбили в ее голову так плотно, что она и предположить не могла, насколько опасен враг, как он близок, сколько коварства кроется в их жилах, похоже, это качество такие как генерал, впитали в себя с молоком матерей.

— Они останутся живы, — зарычала девушка. — Я хочу быть в этом уверена.

Вулхи дернулся в ее сторону, но вовремя остановился, услышав щелчок затвора.

— Нет! — Мардар толкнул генерала, ударив его локтем в нос. — Беги!

Инстинкт или любовь толкнула ее на это, Наяда не знала, с помощью щупалец она возвела вокруг Мардара защитный купол, не позволяя генералу поквитаться с ним и оскалилась на солдат. Всё внутри нее кричало, требовало битвы и крови, умом девушка понимала, как бы она не старалась, солдаты успеют навредить либо Вулхи, либо Мардару, двух сразу она огородить не в силах.

— Не трогай его, — девушка бросила пистолет в песок, второй вытащила из сумки, разрядила и подняла руки. Выбор сделан.

Всё написанное в дневнике перестало быть правдой, она навсегда, сколько бы не было ей отмерено королем, сохранит верность

господину, крепко запомнит тепло его рук и мягкость губ, будет влачить память о его ненависти к ней и молить неизвестных богов о прощении. Наяда обернулась к Вулхи.

— Прости, если сможешь, — шепнула она.

— Умница, — мягко протянул генерал, посылая к ней двух солдат.

На девушку стремительно нацепили ошейник и защелкнули на запястьях наручи, Вулхи, все еще стоящего рядом, скрутили и повели в машину. Наяда хотела возразить, поспорить с генералом, чтобы ее напарников отпустили, выкинув их существование из базы данных. Сдерживающие кристаллы лишили ее не только воли и голоса, девушка грузно упала на колени, позволяя солдатам поддерживать себя, мгновение спустя, она рухнула лицом в песок, даже не пытаясь подставить руки.

Заключение

Всё кончено, в одночасье мы стали марионетками короля, позволив настигнуть себя. Не знаю, на что нас обрекут в Вонте, пожалуй, ничего хорошего нам не готовят.

Я почти не помню ничего из того, что происходило после того, как на меня нацепили кристаллы, их сила оказалась до того сильной, что удерживать свой рассудок в целости, а сознание живым, стало безумно сложно. Помню, как нас грузили в большую машину, меня положили на железную скамью, Мардара и Вулхи усадили напротив, пока оставалась в сознании, я продолжала смотреть на Мардара, запоминая черты его лица. Уже тогда было понятно, нас разлучат и мне хотелось унести с собой в памяти максимум от моего господина.

Мне больше не было страшно, не знаю почему, но все чувства отступили куда-то на задний план, осталась лишь пустота. Последние мгновения перед темнотой, я думала обо всем, что произошло и о том, как этого можно было избежать. Думала о прошлом, о Хорте, мрачном городке, погруженном в позднее средневековье, о Робине и леди Эванлин. Я думала о Хеуде, о той ночи в лесу. Но больше всего о том, что было до того, как я оказалась на лугу. Была ли у меня семья, родители? Какая жизнь предшествовала этой?

Закатывая глаза, я попыталась представить. Темноволосая девочка, она бежит через лес с корзиной, наполненной ягодами, она мчит со всех ног и едва не падает, сталкиваясь с улыбчивой женщиной, очень похожей на нее саму. Обе смеются, женщина подцепляет из корзины горсть ягод и протягивает девочке, а та, схватив их в маленький кулачок, устремляется куда-то дальше. Эту беззаботную веселую девочку ждет насыщенный веселый день, ждут друзья и отец, сейчас она минует лес, пробежит по бревенчатому мосту, проложенному через бурную реку, прошмыгнёт мимо бдительного часового, стерегущего шахту. Всё это ради того, чтоб принести отцу горсть подавленных в детском кулачке ягод. Он порадуетя, почему-то юркая вездесущая бестия в этом не сомневается. Ведь папа каждое утро ждет ее, а взамен позволяет покататься в шахтерской телеге и подержать тяжелую кирку. Остальные шахтеры посмеиваются над ей,

но беззлобно, иногда могут потрепать по голове, после чего мама заставляет ее долго-долго отмываться от налипшей грязи и кличет грязнулей.

Через пару лет родители смогут скопить денег и отправить ее в школу. Еще позже, она вырастет и влюбится. Свадьба будет скромной, по средствам, ну и пусть. Много ли нужно для счастья?

Потом у нее появятся собственные дети, и тогда уже они будут таскать горсти ягод своему отцу, а она станет браниться по вечерам, оттирая с детских щек и макушки черную пыль.

Как было бы просто жизнь именно так, когда жизнь делает круг, на каком-то моменте для одного заканчивается и начинается новый виток для детей, внуков...

Я думаю, как сильно хотелось бы прожить именно такую жизнь, полную любви и заботы, рядом с теми, кого стану оберегать и кто будет смешить и оберегать меня. Но это невозможно, потому что где-то произошел сбой, и я оказалась на лугу в Хорте, вдали от идеальной мирной жизни.

Помню рычание моторов и плавный ход машин, легкое покачивание из стороны в сторону, помню тихий разговор водителя с генералом в водительской кабине. Они ликовали, насмехались, но это уже не трогало меня, важным оставалось одно — жизнь двух самых дорогих для меня людей. Спасены ли они? Или же мой поступок был отчаянным и глупым, но вовсе не сулил им спасения?

Помню, как время остановилось вместе с моим сердцем, диким и свободным.

Нет, я не умерла, хотя это было бы гораздо проще, но сила кристаллов на время поглотила мой разум, сделав тело жалким и беспомощным перед его силой.

Вскоре я очнусь, приду в себя. И заставлю всех заплатить за то, что у меня отняли.

Больше книг на сайте - Knigoed.net